

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

НЕЗНАКОМЕЦ

**Впервые
на русском!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Он подойдет к человеку в баре, или в магазине, или на парковке. Не назвав своего имени, сообщит шокирующие сведения. Например, скажет матери, что ее дочь занимается интернет-проституцией. Мужу – что жена имитировала беременность. Отцу – что сын-спортсмен подсел на стероиды.

Иногда незнакомец требует денег, иногда просто терпеливо ждет, когда их предложат. Если заплатят, он не разгласит грязную тайну. Те, кому есть что терять, обычно платят.

У адвоката Адама Прайса красивая жена, замечательные сыновья, хороший дом, высокооплачиваемая работа. Возможно, он бы заплатил шантажисту, чтобы все это сохранить, но такой шанс ему не представился. После встречи с незнакомцем этот идеальный мир обрушился как замок из песка, и вскоре Адам понял: он попал в паутину заговора, и если не будет бороться за свою жизнь, то непременно погибнет.

- [Харлан Кобен](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Благодарности](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

Харлан Кобен

Незнакомец

С любовью, в память о моем кузене Стивене Рейтере и в честь его детей: Дэвида, Саманты и Джексона

*Душа моя, готова будь к приходу Незнакомца.
С ним встречи ожидай, в вопросах знает толк он.
К твоим дверям пути никто не вспомнит:
Ты жизни можешь избежать, но смерти не минувешь.*

Т. С. Элиот

Harlan Coben
THE STRANGER
Copyright ©2015 by Harlan Coben
All rights reserved

© Е. Бутенко, перевод, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Харлан Кобен – автор двадцати шести романов, в том числе международных бестселлеров «Не говори никому», «Невиновен», «Второго шанса не будет». Лауреат премий «Шэмэс», «Энтони» и «Эдгар». Он первый писатель, собравший все эти награды. Занимает высшую позицию в рейтинге лучших американских авторов детективной прозы по версии «Нью-Йорк таймс». Живет в Нью-Джерси.

Мне не стыдно считать себя верным поклонником Харлана Кобена. Я люблю его динамичные и увлекательные книги, обожаю постоянно сгущающуюся атмосферу тайны... Кобен в совершенстве овладел искусством убеждать нас, читателей, в том, что люди, которых мы обожаем, могут хранить секреты, способные полностью разрушить нашу жизнь.

Goodreads

Книги Кобена умны и ироничны... Ему всегда удается показать тончайшую грань между порядком и хаосом в нашей жизни.

Publishers Weekly

Уникальное воображение сделало мистера Кобена выдающимся мастером динамичного и умного диалога, а также творцом запоминающихся характеров.

NY Journal of Books

Автор с острым умом и изощренным чувством сюжета.

San Francisco Chronicle

Глава 1

Незнакомец не разрушил его мир одним махом.

Так говорил себе Адам Прайс позже. Лгал. Почему-то он сразу, с самых первых слов, понял, что привычная жизнь всем довольного, женатого, провинциального отца двоих детей ушла безвозвратно. Фраза была произнесена совсем простая, но тон... В нем звучала какая-то тихая мудрость, даже заботливость, и Адам ни секунды не сомневался: отныне все пойдет по-другому.

– Не надо было вам с ней оставаться, – сказал незнакомец.

Они находились в зале для собраний Американского легиона^[1] в Седарфилде, Нью-Джерси. Этот городишко плотно населен финансовыми менеджерами, банкирами и прочими умельцами обдeldывать денежные дела. Толстосумы любили хлебнуть пивка в холле Американского легиона. Обстановка здесь была простая, но комфортная, располагающая к тому, чтобы поизображать из себя соль земли, крутых парней, правящих рабочими лошадками вроде «Додж Рам коммершиэл», – какими на самом деле они никогда не были.

Адам сидел у липкой барной стойки. За спиной у него висела доска для игры в дартс. Неоновая вывеска рекламировала пиво «Миллер лайт», но в правой руке у Адама была бутылка «Будвайзера». Он повернулся к мужчине, который только что бочком подобрался к нему.

– Это вы мне?

Парень был моложе многих собравшихся в зале отцов семейств и стройнее – можно сказать, худой, с большими голубыми глазами. Руки у него были белые и тонкие как тростинки, из-под короткого рукава рубашки выглядывал краешек татуировки. На голове – бейсболка. Нет, хипстером этого малого не назовешь, но от него веяло педантизмом трудоголика, который управляет каким-нибудь техническим отделом и никогда не видит солнца.

Голубые глаза вглядывались в Адама с такой серьезностью, что хотелось отвернуться.

– Она сказала вам, что беременна, так?

Рука Адама непроизвольно сжала бутылку.

– Вот вы и остались. Коринн сообщила вам, что беременна.

Именно в этот момент Адам почувствовал, будто у него в груди щелкнул выключатель, как если бы кто-то поставил таймер на киношной

бомбе, засветились красные цифры и пошел обратный отсчет. Тик-тик-тик-тик.

– Мы с вами знакомы? – спросил Адам.

– Она сказала, что беременна, – продолжал незнакомец. – Я имею в виду Коринн. Она говорила вам, что носила, а потом потеряла ребенка.

Холл Американского легиона до отказа заполнили городские отцы-спортсмены; все они были в белых бейсбольных фуфайках с рукавами длиной в три четверти и либо в мешковатых шортах до колена, либо в дедовских джинсах с отвисшими задницами. Многие надели бейсболки. Сегодня проводилось зачисление детей из четвертых, пятых и шестых классов в секцию лакросса, а также отбирали лучших в команду «А». «Если вы хотите увидеть типичных ослов в привычном местообитании, – думал Адам, – понаблюдайте за родителями, вовлеченными в ход отбора их отпрысков в спортивную команду. Канал „Дискавери“ мог бы снять об этом неплохой фильм».

– Вы почувствовали, что обязаны остаться, я прав? – спросил мужчина.

– Я не знаю, кто, черт возьми...

– Она солгала, Адам. – Молодой человек говорил очень убедительно – так, будто не просто знал все в подробностях, но, помимо этого, целиком и полностью держал сторону Адама. – Коринн все выдумала. Она вообще не была беременна.

Слова продолжали сыпаться на Адама, как удары, оглушая его, лишая способности сопротивляться; он был потрясен и переживал ощущения боксера после нокдауна, когда судья отсчитывает восемь секунд. Хотел ответить, схватить наглеца за грудки и швырнуть на другой конец зала, чтоб не смел оскорблять его жену. Но он этого не сделал по двум причинам.

Во-первых, град словесных ударов лишил его сил сопротивляться.

Во-вторых, уверенный тон и треклятая убедительность, с какой произносил слова непрощеный советчик, внушили мысль: к нему стоит прислушаться.

– Кто вы? – спросил Адам.

– Это имеет значение?

– Еще какое.

– Я незнакомец, – ответил парень, – но весьма осведомленный. Коринн солгала вам, Адам. Она не была беременна. Это всего лишь уловка, чтобы вынудить вас остаться.

Адам покачал головой. Он барахтался в водовороте, стараясь сохранять спокойствие и рассудительность.

– Я видел тест на беременность.

– Фальшивый.

– Я видел сонограмму.

– Тоже фальшивую. – Незнакомец выставил руку, предупреждая дальнейшие возражения Адама. – И живот, да, он тоже был липовый. Или лучше сказать – животы. С того момента, как Коринн начала морочить вам голову, вы не видели ее без одежды, верно? Что она делала? Говорила, ее тошнит по ночам, чтобы не заниматься с вами сексом? Обычно так и бывает. А потом, когда происходит выкидыш, вы оглядываетесь назад и типа понимаете: да-а, беременность-то с первых дней была тяжелой.

Раздался громкий голос с другой стороны зала:

– Ну ладно, ребята, берите еще по пиву и давайте начнем это шоу.

Голос принадлежал Триппу Эвансу, президенту лиги лакросса, бывшему рекламщику с Мэдисон-авеню и просто славному парню. Другие папаши взялись разбирать со стеллажа складные алюминиевые стулья, какие используются на детских концертах в школах, и расставлять их в кружок по комнате. Трипп Эванс взглянул на Адама и озабоченно сдвинул брови, заметив, что тот спал с лица. Адам отмахнулся от него и повернул голову к незнакомцу:

– Кто вы, черт возьми?

– Считайте меня своим спасителем. Или другом, который освободил вас из тюрьмы.

– Бред.

На том разговор и закончился. Голоса вокруг смолкли, в притихшем зале эхом отдавался скрежет стульев по полу. Отцы скроили серьезные мины и приготовились к выборам. Адам это ненавидел. Он тут вообще оказался случайно, вместо Коринн. Она была казначеем в оргкомитете лиги лакросса, но изменилось расписание учительской конференции в Атлантик-Сити, куда ее посылала школа, и Адаму пришлось подменить жену. Для Седарфилдской лиги лакросса это был главный день в году, вот почему Коринн проявляла такую активность.

– Вам стоит поблагодарить меня, – произнес незнакомец.

– С чего бы это?

Мужчина улыбнулся. Впервые. Адам не мог не отметить, что улыбка была добрая – как у целителя или человека, который просто хочет поступать правильно.

– Дело ваше, – сказал незнакомец.

– Ты лжец.

– Вам, разумеется, лучше знать, Адам.

– Адам! – позвал Трипп Эванс с другого конца зала, обернувшись к ним.

Все уже расселись, кроме Адама и его собеседника.

– Я должен идти, – шепнул незнакомец. – Но если вам нужны доказательства, проверьте свою карту «Виза». Поищите там счет от компании «Новые игрушки».

– Подожди...

– И еще одно. – Мужчина подался ближе. – На вашем месте я, пожалуй, сделал бы тест на ДНК двух своих мальчиков.

Тик-тик-тик... Так... Бу-ум!

– Что?

– Тут у меня нет доказательств, но если женщина врет о таких вещах, то можно биться об заклад, что это не впервой.

Ошеломив Адама напоследок этим новым обвинением, незнакомец торопливо вышел за дверь.

Глава 2

Когда Адаму наконец удалось совладать с ногами, он бросился за незнакомцем.

Слишком поздно.

Мужчина сажился на пассажирское сиденье серой «хонды-аккорд». Машина тронулась. Адам подбежал, чтобы взглянуть на нее поближе и запомнить номера, но успел только определить, что машина из родного штата Нью-Джерси. Но вот «хонда» развернулась, чтобы выехать со стоянки, и он заметил кое-что еще.

За рулем сидела женщина.

Молодая, с длинными светлыми волосами. Когда уличный фонарь осветил ее лицо, Адам увидел, что она глядит на него. Их глаза встретились всего на мгновение, но Адам прочел во взгляде незнакомки беспокойство или даже жалость.

К нему.

Машина с ревом умчалась. Кто-то окликнул Адама, и он поплелся обратно в зал.

* * *

Они начали с отбора в домашнюю команду.

Адам пытался включиться, но звук доносился до него, будто сквозь мутное стекло дверцы душевой кабинки. Коринн облегчила ему задачу. Она расставила по порядку всех мальчиков, которые уже прошли пробы на членство в команде шестиклассников, и выбирать придется только из оставшихся. На самом деле – и это единственная причина, почему он здесь оказался, – нужно сделать так, чтобы их сын Райан, шестиклассник, попал в команду звезд, которая будет играть на выездках. Томас, их старшенький, второй год учился в школе последней ступени, а в возрасте Райана оказался «за бортом» звездной команды, потому что – по крайней мере, так думала Коринн, и Адам отчасти разделял ее мнение – родители недостаточно активно включились в процесс отбора. Очень многие отцы пришли сюда нынче не столько из любви к игре, сколько для защиты интересов своих детей.

Включая Адама. Прискорбно, но что поделаешь.

Адам пытался отвлечься от услышанного – кто вообще этот тип? – но ничего не получалось. Зрение его туманилось при взгляде на собранные Коринн «разведывательные данные». Жена была донельзя обстоятельна, почти дотошна, когда расставляла мальчиков по порядку от лучшего к худшему. Вот одного из претендентов зачислили в команду, и Адам будто в полусне вычеркнул из списка его имя. Он изучал каллиграфический почерк супруги – образец для подражания, шаблон, плакатики с такими буквами ваш учитель в третьем классе прикреплял кнопками к доске. В этом была вся Коринн. Это она приходила на уроки и плакалась, что провалит тест, а в результате писала его лучше всех и получала свою пятерку. Она была умная, послушная, красивая и...

Лживая?

– Перейдем к выездным командам, ребята, – скомандовал Трипп.

Зал снова огласило эхо скрежещущих по полу стульев. Все еще пребывая в тумане, Адам присоединился к кружку из четырех мужчин, которые решают, кого взять в выездные команды «А» и «Б». Тут уж действительно было за что бороться. Домашняя лига выступала только дома. Лучшие игроки составляли команды «А» и «Б», которые участвовали в турнирах и путешествовали по всему штату.

«Новые игрушки». Почему эти слова звучат как тревожный сигнал?

Главным тренером команды был Боб Байме, но Адам всегда называл его про себя Гастоном, по имени героя из диснеевского мультфильма «Красавица и чудовище». Боб был похож на огромную сдобную булку, широко улыбающуюся, но такую улыбку увидишь только на лице идиота. Он был громогласен, напыщен, жаден и глуп; куда бы и когда бы Боб Байме ни шел, с важным видом размахивая руками, казалось, что его шествие сопровождает песенка из мультика: «Кто самый ловкий / бойкий / меткий? Гастон!»

«Выкинь из головы, – уговаривал сам себя Адам. – Этот чужак просто пошутил с тобой...»

Набрать команды – секундное дело. Каждому ребенку были выставлены оценки от одного до десяти баллов в разных категориях – упражнение с палкой, скорость, сила, ловкость и прочее. Все они складывались, и вычислялся средний балл. Теоретически нужно было просто пробежаться по списку и отчеркнуть восемнадцать первых, которые попадут в команду «А», и следующих восемнадцать – для команды «Б», остальные – в пролете. Чего проще. Но сперва каждый родитель должен убедиться, что его сын попал в список тех, кого готовил он сам.

Ладно, хорошо, сделано.

Потом начали просматривать рейтинги. Дело продвигалось быстро, пока не дошло до самых последних претендентов на членство в команде «Б».

– Джимми Хох должен быть включен, – заявил Гастон.

Боб Байме говорил редко. По большей части он делал заявления.

Один из мышеподобных ассистентов Гастона – имени его Адам не знал – проямлил:

– Но Джек и Логан стоят в списке выше его.

– Да, верно, – провозгласил Гастон. – Но я знаю этого мальчика. Джимми Хох. Он играет лучше этих двоих. Просто плохо выступил на отборе. – Толстяк кашлянул в кулак и продолжил: – К тому же у Джимми был тяжелый год. Его родители развелись. Мы должны дать ему передышку и взять в команду. Так что если никто не видит тут проблемы...

Он начал записывать имя Джимми.

Адам услышал свой голос:

– Я вижу.

Все взгляды обратились на него.

Гастон наставил на Адама подбородок с ямочкой:

– Простите?

– Я вижу тут проблему, – повторил Адам. – У Джека и Логана более высокие баллы. У кого из двоих выше?

– У Логана, – уточнил один из ассистентов.

Адам быстро просмотрел список и нашел нужные цифры.

– Верно. Значит, в команде должен быть Логан. У него лучше баллы и выше рейтинг.

Ассистенты не разинули рот с громким изумленным «а-а-а», хотя могли бы. Гастон не привык к возражениям. Он подался вперед, обнажая крупные зубы.

– Не обижайтесь, но вы тут просто замещаете свою жену.

Он слегка подчеркнул слово «жену», как будто если человек кого-то замещает, то он не настоящий мужчина.

– Вы даже не ассистент тренера, – продолжил Гастон.

– Правильно, – согласился Адам. – Но я умею читать числа, Боб. Средняя оценка Логана – шесть целых семь десятых, а у Джимми – всего шесть целых четыре десятых. Даже при современных достижениях математики шесть целых и семь десятых – это больше, чем шесть и четыре. Я могу нарисовать график, если нужно.

Гастон не врубился в сарказм.

– Но я ведь только что объяснил: имеются смягчающие

обстоятельства.

– Развод?

– Именно.

Адам посмотрел на помощников главного тренера, а те вдруг обнаружили нечто завораживающе интересное на полу, прямо у себя под ногами.

– Хорошо, а вам известно, что происходит дома у Джека или у Логана?

– Я знаю, что их родители вместе.

– Значит, для нас теперь это решающий фактор? – спросил Адам. – У вас очень удачный брак, не так ли, Га... – Он чуть не назвал толстяка Гастоном. – Боб?

– Что?

– Вы и Мелани. Вы самая счастливая пара, какую я знаю.

Мелани была маленькой, светленькой и бойкой, она постоянно моргала, будто ее только что шлепнули по лицу. Гастону нравилось прилюдно трогать ее за задницу – не столько чтобы выразить свою к ней привязанность или даже любострастие, сколько для демонстрации права собственности на эту женщину.

Боб отклонился назад, тщательно подбирая слова:

– У нас удачный брак, да, но...

– Значит, это должно уменьшить оценку твоего сына хотя бы на полбалла, верно? В результате рейтинг Боба-младшего понижается – давайте мне взглянуть... до шести целых трех десятых балла. Команда «Б». Значит, если мы повысим оценку Джимми, потому что у его родителей проблемы, то не должны ли мы снизить баллы вашему сыну, раз уж ваша пара так чертовски совершенна?

– Адам, вам нездоровится? – поинтересовался один из ассистентов Боба.

Адам вскинул голову в сторону спросившего:

– Ничуть.

Гастон начал разминать руки.

«Коринн все это выдумала. Она вообще не была беременна».

Адам уперся взглядом в глаза толстяку. «Ну, давай, приятель, – подумал он про себя. – Сегодня или никогда». Гастон был здоровым и мускулистым, но из тех, у кого вся сила только напоказ. Поверх плеча Гастона Адам видел изумленное лицо Триппа Эванса.

– Тут не судебный зал, – сказал Гастон, сверкнув зубами. – Это ни в какие ворота не лезет.

Адам четыре месяца как не был в судебном зале, но не стал утруждать

себя поправками. Он потряс в воздухе листками.

– Эти оценки собраны здесь неспроста, Боб.

– Как и мы все, – сказал Гастон, взъерошивая свою черную гриву. – Тренеры. Ребята, которые годами наблюдали за этими детьми. Решающее слово за нами. Как главный тренер, я закрываю торги. Джимми старательный. Это тоже не лишнее. Мы ведь не компьютеры. Мы используем все инструменты, которые есть в наличии, чтобы выбрать самых достойных. – Он примирительно раскинул ручищи, пытаясь урезонить бунтаря. – И, кроме того, мы говорим о последнем парнишке в списке команды «Б». Всего-то и делов.

– Могу поспорить, что для Логана это очень важное дело.

– Я – главный тренер. Последнее слово за мной.

В комнате поднялся шум. Отцы семейств начали расходиться. Адам открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но какой смысл? Он не победит в этом споре, и чего ради он вообще его затеял? Он об этом Логане слыхом не слыхивал. Спор немного отвлек его от сумятицы, которую оставил в душе незнакомец. Не больше. Адам это знал. Он встал со стула.

– Куда ты? – спросил Гастон, искушающе выставив под удар подбородок.

– Райан в команде «А», верно?

– Верно.

Вот для чего пришел сюда Адам – чтобы защитить, если понадобится, своего сына. Сделано. Остальное – мусор, обломки кораблекрушения.

– Приятного вечера, ребята.

Адам вернулся к бару. Он кивнул Лену Гилману, шефу городской полиции, которому нравилось работать за стойкой, потому что это сдерживало любителей порулить «под газом». Лен кивнул в ответ и придвинул к Адаму бутылку «Бада». Адам с чуть преувеличенным смаком открыл крышку. К нему бочком пробрался Трипп Эванс. Лен скользящим движением отправил бутылку «Бада» и ему. Трипп взял ее и чокнулся с Адамом. Мужчины пили молча, участники собрания расходились. Звучали прощальные «пока» и «бывай». Гастон драматически поднялся – с такой фигурой драматизм давался ему легко – и стрельнул взглядом в Адама. Тот качнул бутылкой, салютуя толстяку: мол, будь здоров. Гастон свирепо выкатился вон.

– Заводишь друзей? – спросил Трипп.

– Я общительный, – ответил Адам.

– Ты разве не знаешь, что он вице-президент оргкомитета?

– Как бы не забыть в следующий раз припасть к его стопам, – сказал

Адам.

– Я президент.

– В таком случае мне лучше запастись наколенниками.

Трипп одобрительно закивал.

– У Боба сейчас нелегкие времена.

– Этот Боб – брехун паршивый.

– Да уж. Знаешь, почему я остаюсь президентом?

– Девчонок кадрить?

– И это тоже. А еще потому, что стоит мне уйти, и следующий в очереди – Боб.

– Содрогаюсь. – Адам начал опускать бутылку. – Я, пожалуй, пойду.

– Он без работы.

– Кто?

– Боб. Потерял работу больше года назад.

– Печально, – сказал Адам, – но это не оправдание.

– Я и не оправдываю его. Просто хотел, чтоб ты знал.

– Понял.

– Так вот, – продолжил Трипп Эванс, – Боб нанял одного охотника за головами, чтобы тот помог ему найти работу, – очень известного и важного хедхантера.

Адам поставил пиво:

– И?

– И этот важный хедхантер ищет Бобу работу.

– Ты уже говорил.

– Его имя – Джим Хох.

Адам замер:

– Так это отец Джимми Хоха?

Трипп ничего не ответил.

– Поэтому он хочет взять парнишку в команду?

– А ты думаешь, Боба волнует развод его родителей?

Адам покачал головой:

– И тебя это устраивает?

Трипп пожал плечами:

– Тут все нечисто. Если родители начинают вмешиваться в спортивные занятия детей, то получается, знаешь, как львица носится со своим детенышем. Иногда ребенка принимают потому, что он живет по соседству. Иногда потому, что у него мамаша хороша собой и откровенно одевается на игры...

– Ты это по своему опыту знаешь?

– Виноват. А иногда ребенка берут в команду потому, что его папочка помогает кое-кому найти работу.

– Старина, ты что-то слишком циничен для рекламщика.

Трипп улыбнулся:

– Да, знаю. Но мы всегда так говорим. На что ты готов пойти ради близких? Ты никогда никому не причиняешь зла; я никогда никому не причиняю зла. Но если кто-то угрожает твоей семье, если речь идет о спасении твоего ребенка...

– Мы убьем?

– Оглядишься по сторонам, дружище. – Трипп простер руку. – Этот город, эти школы, эти программы, эти дети, эти семьи... Иногда я просто сижу и не могу поверить: какие мы все счастливчики. Мы, понимаешь ли, проживаем мечту.

Адам понимал. В общих чертах. Ему тоже пришлось заплатить за эту мечту, пройдя путь от дешевого государственного защитника до известного, высокооплачиваемого адвоката по вопросам недвижимости. А стоило ли оно того?

Адам сомневался.

– То есть Логан тоже должен заплатить свою цену?

– С каких это пор жизнь стала справедливой? Послушай, у меня были клиенты из одной крупной автомобильной компании. Да, ты знаешь название. И вот недавно читаешь в газетах, что они скрывали проблему с рулевыми колонками. Многие люди покалечились или даже погибли. Эти автомобильщики, вообще-то, очень милые. Нормальные. Как же они могли? Как могли ради бабок накосячить такое, что погибли люди?

Адам понимал, куда их приведет этот разговор, но с Триппом всегда было приятно пускаться в путь.

– Потому что они коррумпированные скоты?

Трипп нахмурился:

– Ты знаешь, что это не так. Они как сотрудники табачных компаний. Разве те тоже негодяи? Все до единого? А что ты скажешь про святош, которые замалчивают церковные скандалы, или, я не знаю, про тех, кто загрязняет реки? Они все коррумпированные скоты, Адам?

Таков был Трипп – папаша-философ из пригорода.

– Вот ты мне и скажи.

– Все зависит от точки зрения, Адам. – Трипп усмехнулся, снял кепку, пригладил пряди редеющих волос и нацепил ее обратно. – Мы, люди, не видим как есть. Наши взгляды всегда предвзяты. Мы блюдем собственные интересы.

– Во всех этих примерах я обратил внимание на одну вещь... – сказал Адам.

– Какую?

– Деньги.

– Это корень всех зол, дружище.

Адам вспомнил о незнакомце. Потом подумал о своих сыновьях: они сейчас дома. Может быть, делают уроки или играют в видеоигры. Промелькнул и образ жены, которая была на учительской конференции в Атлантик-Сити.

– Не всех зол, – отозвался Адам.

Глава 3

На парковке у Американского легиона было темно. Только полосы света из открытых дверей машин да редкие вспышки экранов проверяемых смартфонов вспарывали черную завесу. Адам сел за руль. Несколько секунд он ничего не делал. Просто сидел. Не запирал дверцы, не заводил мотор, вообще не шевелился.

«Не надо было вам оставаться с ней...»

Он уловил вибрацию телефона в кармане и рассудил: наверное, эсэмэска от Коринн. Ей не терпится узнать, как прошел отбор в команду. Адам вынул телефон и посмотрел на экран. Да, сообщение от Коринн:

Как все прошло??

Он не ошибся.

Адам уставился на эту фразу так, будто в ней могло содержаться какое-то скрытое послание. Тут резкий стук костяшками пальцев по стеклу заставил его подскочить. Голова Гастона размером с тыкву заполнила окно со стороны пассажира. Натужно улыбаясь, Гастон жестом показывал: мол, опусти стекло. Адам вставил ключ в замок зажигания, нажал кнопку и проследил взглядом за тем, как прозрачный щит едет вниз.

– Эй, дружище, – начал толстяк, – ты на меня зла не держи. Просто мы разошлись во мнениях, верно?

– Так и есть.

Гастон просунул в окно руку. Адам пожал ее.

– Удачи в этом сезоне, – сказал Гастон.

– Ага. И удачи в поисках работы.

Гастон на миг замер. Их было двое: Гастон, заслонявший собой окно, и Адам, сидевший внутри, но не отводивший взгляда. Наконец толстяк вытащил ручищу и гордо удалился.

Шут гороховый.

Телефон снова зажужжал. И снова это оказалась Коринн:

Привет?!?

Адам так и видел, как она смотрит на экран и умирает от нетерпения в ожидании новостей. Игры с чужими чувствами были не в его стиле, и он не

видел причины не ответить жене:

Райан в команде «А».

Реакция последовала незамедлительно:

Йа-а-у!!! Позвоню через полчаса.

Адам убрал телефон, завел мотор и отправился домой. Ехать было всего 2,6 мили. Коринн, начав заниматься бегом, замерила расстояние одометром в своей машине. Он проехал мимо нового совмещенного магазина «Данкин'с Донатс/Баскин-Роббинс» на Южной Кленовой улице и свернул налево на углу у заправки «Санок». Когда Адам подъехал к дому, везде, как всегда, горел свет, несмотря на позднее время. В школах теперь только и говорят об экологии и возобновляемой энергии, но его мальчишки так и не научились гасить свет, выходя из комнаты.

У входа Адам услышал лай их бордер-колли Джерси. А когда отпер дверь, был встречен ею, как солдат, освободившийся из плена, и заметил, что собачья миска для воды пуста.

– Привет!

Нет ответа. Райан, наверное, уже спит. Томас либо доделывает уроки, либо сейчас заявит об этом. Его невозможно застать в разгар видеоигры или возни с ноутбуком – Адам почему-то всегда прерывал своего старшего, когда тот вот только сию минуту закончил домашнюю работу и сейчас приступает к игре или садится за компьютер. Адам наполнил миску водой.

– Привет.

Наверху лестницы появился Томас:

– Привет.

– Ты погулял с Джерси?

– Не успел.

На кодовом языке подростка: нет.

– Так иди гуляй.

– Только мне нужно доделать одно задание.

Закодированное подростковое «нет».

Адам уже готов был сказать «сейчас же» – обычные родительско-тинейджерские пляски, – но остановился и посмотрел на сына. К глазам подступали слезы, он их подавил. Томас был похож на него. Все так говорили: та же походка, тот же смех, и второй палец на ноге длиннее первого, большого.

Невозможно. Никак не возможно, чтобы он не был его, Адама, сыном. Хотя незнакомец и намекал, что...

И ты прислушиваешься к словам неизвестно кого?

Он подумал, сколько раз они с Коринн предупреждали детей о пресловутой опасности бесед с незнакомцами; говорили, что не следует быть слишком отзывчивыми к просьбам о помощи, что надо привлечь к себе внимание, если к тебе приближается какой-нибудь взрослый; учили кодовым словам, которые помогут в случае опасности. Томас сразу все понял. Райан был более доверчив. Коринн с подозрением относилась к разным типам, которые толкуются вокруг поля младшей лиги, ко всем этим прирожденным советчикам, готовым натаскивать мальчишек и давать уроки мастерства, когда их собственные дети не участвуют в соревнованиях или у них вообще нет детей.

Адам всегда смотрел на такие вещи снисходительнее, хотя, вероятно, все было сложнее. Возможно, когда дело касалось детей, он не доверял вообще никому, а не только откровенно подозрительным личностям.

Но разве так не проще?

Томас заметил что-то в лице отца, изобразил на своей физиономии ответную реакцию и в подростковой манере, топоча ногами и подскакивая, стал спускаться по лестнице, будто какая-то невидимая рука пихала его в спину, а ноги торопились поспеть за толчками.

– Мог бы и сам выгулять Джерси, – буркнул Томас, прогромыхал мимо отца и схватил поводок.

Джерси уже приплясывала у двери, готовая идти. Как все собаки, она при любой возможности была не прочь прогуляться. Свое нестерпимое желание выйти на улицу псина выражала тем, что топталась у входа, лишая хозяев возможности открыть дверь и выпустить ее. Собаки, что с них взять.

– Где Райан? – спросил Адам.

– Спит.

Адам глянул на часы на микроволновке. Десять пятнадцать. Райан ложился в десять, хотя ему разрешалось не спать и читать до половины одиннадцатого, когда уже гасили свет. Райан, как и Коринн, был склонен следовать правилам. Ему никогда не напоминали, что уже девять сорок пять и тому подобное. По утрам он вставал по звонку будильника, принимал душ, одевался, готовил себе завтрак. Томас был совсем другой. Адам часто подумывал, не вложиться ли в погонялку для скота, чтобы заставить сына пошевеливаться с утра.

«Новые игрушки»...

Адам услышал, как за Томасом и Джерси захлопнулась наружная

дверь. Он поднялся наверх и заглянул к Райану. Тот уснул с включенным светом и последним романом Рика Риордана, распластанным на груди. Адам на цыпочках прокрался в комнату, взял книгу, вставил в нее закладку и отложил в сторону. Потом потянулся к выключателю лампы, и тут Райан приподнялся:

– Пап?

– Да.

– Я попал в «А»?

– Письмо придет на почту завтра, дружок.

Ложь во спасение. По идее, Адаму не полагалось знать результаты. И тренеры не должны были оповещать своих воспитанников, пока утром не будет разослано официальное электронное письмо, чтобы все ознакомились с новостями одновременно.

– Ладно.

Райан закрыл глаза и уснул прежде, чем голова опустилась на подушку. Адам на мгновение задержал взгляд на сыне. Внешностью тот почтил мать, что до сегодняшнего дня не имело для Адама особого значения, – на самом деле это всегда воспринималось как плюс, – но теперь, этим вечером, он начал задумываться. Глупо, конечно, но никуда не деться. Звоночек звонил без умолку. Заноза вонзилась в мозг и не давала покоя. Но что с того, черт возьми, что? Порассуждаем чисто теоретически. Адам посмотрел на Райана, и его охватило всепоглощающее чувство, которое он иногда испытывал, глядя на своих мальчиков: отчасти это была безмятежная радость, отчасти страх перед опасностями мира, отчасти желания и надежды, и все это смешивалось в одну-единственную на всем белом свете вещь, которая ощущалась как абсолютная чистота. Банально, да, но вот к чему мы пришли. Непорочность. Именно это поражает, когда вы, глядя на родного ребенка, забываете обо всем, – чистота, которая имеет истоком только подлинную, безоговорочную любовь.

Он чертовски любит Райана.

И если он узнает, что Райан не его сын, то разве утратит эту любовь? Все исчезнет? Неужели это важно?

Адам покачал головой и отвернулся. Для одного вечера хватит философствований об отцовстве. Пока ничего не изменилось. Какой-то странный человек наговорил ему чепухи о ложной беременности. И только. Адам достаточно долго был связан с правовой системой и прекрасно знал: ничто нельзя принимать на веру. Ты вникаешь в историю. Люди лгут. Ты проводишь расследование, потому что представление о деле, составленное до подробного разбирательства, со временем очень часто разлетается на

куски, как напоротившийся на мину корабль.

Конечно, Адам нутром чуял: в словах незнакомца есть доля правды, но в том и беда. Когда ты прислушиваешься к нутру, то часто обманываешься с большей убежденностью.

Займись. Изучи дело.

Но как?

Просто. Начни с «Новых игрулек».

Вся семья пользовалась одним настольным компьютером, который стоял в гостиной. Это была идея Коринн. Так мы избежим проблем с Интернетом (читай: просмотра порнухи). Адам и Коринн, как гласила теория, будут в курсе всего и проявят себя зрелыми, ответственными родителями. Однако Адам быстро разобрался, что такая политика абсурдна и избыточна. Мальчишки могли смотреть что угодно, включая порно, на телефонах. Они могли пойти к друзьям, могли взять любой ноутбук или планшет, валявшийся в доме.

Кроме того, это был прием из арсенала ленивых родителей – так считал Адам. Надо учить детей поступать правильно, потому что это правильно, а не потому, что мама и папа стоят над душой. Разумеется, все отцы и матери начинают с веры в такие вещи, но очень быстро осознают, что в пути напрямик что-то есть.

Другая проблема была более очевидной: если нужно воспользоваться компьютером в одобряемых целях – для той же учебы, – то шум с кухни и работающий телевизор обязательно отвлекут. Поэтому Адам переместил компьютер в укромный уголок, которому они дали громкое название «домашний офис»: этот закуток служил слишком многим людям для слишком разных целей. Справа от компьютера лежала стопка готовых к проверке тетрадей учеников Коринн. Повсюду были в беспорядке разложены учебники сыновей, раскрытые на месте задания. Забытый набросок сочинения торчал из принтера, завалившись набок, как раненый солдат на поле боя. На стульях громоздились стопки счетов, которые Адам должен был оплатить онлайн.

Интернет открылся на странице какого-то музейного сайта. Один из сыновей, наверное, проходит Древнюю Грецию. Адам заглянул в историю браузера, чтобы узнать, на какие сайты заходили в последнее время, хотя мальчишки выросли донельзя сообразительные – не оставят ни единой улики. Однажды Томас случайно забыл выйти со своей страницы в «Фейсбуке». Адам сел за компьютер и уставился на экран, изо всех сил стараясь побороть желание сунуть нос в личную переписку сына.

Он проиграл эту битву.

Несколько сообщений, и Адам остановился. Главное, что Томасу ничто не угрожало, однако выяснить это помогло грубое вторжение в его личную жизнь. Сын уже знал кое-какие вещи, знать о которых ему пока не полагалось. Ничего особенно страшного. Ничего потрясающего основы бытия. Хотя о таких предметах отцу лучше поговорить с сыном по душам. И что ему делать с полученной информацией? Если спросить Томаса напрямую, придется признать, что он влез в его личную переписку. Стоила ли овчинка выделки? Адам подумывал, не сказать ли об этом Коринн, но, когда немного остыл и прошло время, он понял, что разговор, часть которого стала ему известна, не является чем-то ненормальным. Сам Адам подростком тоже занимался вещами, о которых папе с мамой лучше было не знать, а потом просто перерос эти глупости. Если бы родители шпионили за ним и, ставя перед фактами, требовали ответа, то он, вероятно, совершил бы что-нибудь и похуже.

И Адам просто закрыл глаза на то, что узнал.

Родительство. Это не для неженков.

Ты медлишь, Адам.

Да он и сам это понимал. Итак, вернемся к тому, с чего начали.

В истории посещений за сегодняшний вечер ничего примечательного не нашлось. Один из сыновей – наверное, Райан – действительно изучал Древнюю Грецию или просто увлекся книгой Риордана. Он открывал ссылки на Зевса, Аида, Геру, Икара, или, если обобщить, на греческую мифологию. Адам переместил курсор ниже и кликнул по вчерашнему журналу. Он увидел запросы на путь до отеля и казино «Бограта» в Атлантик-Сити. Там остановилась Коринн. Еще она искала расписание работы конференции и заходила на эту страницу.

Ничего особенного.

Хватит тянуть.

Адам зашел на страницу своего банка. Они с Коринн открыли два счета в системе «Виза», и между собой один называли личным, а другой – деловым. Так было удобнее вести бухгалтерию. Деловую карту они использовали для покрытия «бизнес-расходов»: с нее, например, оплачивалась учительская конференция в Атлантик-Сити. Для всего остального применялась личная.

Сначала Адам решил проверить ее. На сайте имелась поисковая система. Он набрал слово «новые». Ничего не найдено. Ладно, хорошо. Он ввел другие данные и проделал ту же процедуру поиска с карточкой для деловых расходов.

И вот оно.

Чуть более двух лет назад был оплачен счет от компании «Новые игрушки» на 387,83 доллара.

Адам слушал тихое гудение компьютера.

Как? Как мог незнакомец узнать об этом?

Никаких идей.

Адам уже видел этот счет. Или нет? Все-таки видел. Он перевернул свою память и соскреб в кучку жалкие обрывки воспоминаний. Да, он сидел здесь же и проверял расходы по карте «Виза». Он спросил Коринн об этом счете. Она небрежно отмахнулась, сказала что-то про украшение класса. Адама удивила цена. Он посчитал ее высоковатой. Коринн ответила, что школа возместит ей эти деньги.

«Новые игрушки». Это же не гнусно звучит?

Адам открыл новое окно и загуглил «Новые игрушки».

Гугл ответил плевком:

Показываю результаты для «Новые игрушки».

Нет результатов для «Новые игрушки».

Ну и ну. Это странно. В «Гугле» есть все. Адам откинулся на спинку стула и принялся обдумывать другие варианты. Почему нет ни одного результата по запросу «Новые игрушки»? Ведь компания существовала. Это видно по оплате с карты «Виза». Адам решил, что они продают какие-то украшения, ну, или развлекательные новинки.

Адам пожевал губу. Он пока ничего не понял. К нему подошел незнакомец и сообщил, что жена лгала ему – изобретательно, надо признать, – о своей беременности. Кто он такой? Зачем это сделал?

Ладно, забудем эти два вопроса и обратимся к одному, который имеет большее значение: правду ли сказал незнакомец?

Адаму хотелось просто ответить «нет» и жить, как живется. Какие бы семейные трудности они ни переживали, сколько бы шрамов ни осталось на сердце после восемнадцати лет совместной жизни, он верил жене.

Многие вещи со временем ускользают, разрушаются, растворяются, или, выразимся оптимистичнее, изменяются, но есть одна, которая, судя по всему, не только сохраняется, но с годами становится прочнее, – это семейные узы. Они обеспечивают защиту: вы – команда, ты и твой супруг. Вы играете на одной стороне и, будучи вместе, чувствуете спину друг друга. Твои победы – это и ее победы; то же и с поражениями.

Адам доверил Коринн свою жизнь. И все же...

Он миллион раз встречался с такими историями на работе. Проще

говоря, люди врут. У них с Коринн, может быть, и крепкий союз, но каждый в нем – отдельная личность. Было бы здорово, несмотря ни на что, продолжать верить и забыть о появлении незнакомца – Адама подмывало так и поступить, – но это слишком напоминало голову, засунутую в песок и вошедшую в поговорку. Голос сомнения в глубине души, может быть, когда-нибудь и притихнет, но полностью не умолкнет никогда.

Пока он не уверится во всем до конца.

Незнакомец заявил, что доказательства кроются в этом на первый взгляд безобидном списании средств с карты «Виза». Адам обязан разобраться во всем ради себя, да и ради Коринн (она ведь не захочет мириться с оговором?), и потому он позвонил по бесплатному телефону техподдержки «Визы». Механический голос попросил его ввести номер карты, дату выпуска и защитный код с обратной стороны. Робот попытался предоставить ему стандартную информацию, но наконец спросил, не хочет ли Адам поговорить с представителем банка. Представитель. Как будто он звонит в конгресс. Адам ответил «да» и услышал гудки.

Приняв звонок, представительница заставила Адама повторить ту же информацию – зачем они всегда это делают? – и в придачу назвать четыре последние цифры номера его свидетельства социального страхования и адрес.

– Чем я могу вам помочь, мистер Прайс?

– С моей карты были переведены деньги на счет компании «Новые игрушки».

Женщина попросила его произнести по буквам слово «игрушки». Потом:

– Вы знаете размер и дату транзакции?

Адам сказал. Он ожидал выражения недовольства, когда выдал дату, – оплату произвели больше двух лет назад, – но представительница никак это не прокомментировала.

– Какие сведения вам нужны, мистер Прайс?

– Я не помню, чтобы покупал что-нибудь у компании «Новые игрушки».

– Хм, – сказала представительница.

– Хм?

– Ну, некоторые фирмы не выставляют счета под настоящими наименованиями. Из предусмотрительности. Как, знаете, бывает, когда вы заселяетесь в отель и вам обещают, что название фильма не будет упоминаться в счете за телефон.

Она намекала на порнографию или что-нибудь другое, связанное с сексом.

– Это не тот случай.

– Ну что ж, тогда давайте посмотрим, кто есть кто. – В трубке послышалось щелканье кнопок клавиатуры. – «Новые игрушки» значатся в списке компаний, торгующих в розницу через Интернет. Обычно это означает, что фирма готова сохранять конфиденциальность. Это чем-то полезно?

И да и нет.

– Есть возможность попросить у них детализированный чек?

– Конечно. Это может занять несколько часов.

– Ничего страшного.

– У нас есть ваш электронный адрес в анкете. – Она прочла его. – Прислать вам ответ туда?

– Это было бы здорово.

Женщина осведомилась, не может ли она помочь еще чем. «Нет, спасибо», – ответил Адам. Она пожелала ему приятного вечера. Он повесил трубку и уставился на экран со счетами. «Новые игрушки». Теперь, по зрелому размышлению, ему послышалось в этих словах закодированное название секс-шопа.

– Пап?

Это был Томас. Адам быстро свернул экран, как... ну да, как его сын, смотрящий порно.

– Привет, – отозвался Адам самым обычным из обычайших тоном. – Что случилось?

Если поведение отца и показалось сыну подозрительным, то виду он не подал. Подростки бывают до глупости невнимательны и зациклены на себе. В данный момент Адам был этому рад. Чем занимается отец в Интернете? Этот вопрос не мог быть для Томаса совсем уж безынтересным.

– Ты не отвезешь меня к Джастину?

– Сейчас?

– У него остались мои шорты.

– Какие шорты?

– Мои спортивные шорты. Для завтрашней тренировки.

– Ты не можешь надеть другие?

Томас посмотрел на отца так, будто у родителя на лбу вдруг вырос рог.

– Тренер говорит, что на занятиях мы должны носить спортивные шорты.

– А Джастин не может просто принести их завтра в школу?
– Он должен был принести сегодня. Но забыл.
– Так в чем же ты занимался?
– У Кевина были запасные. Его брата. Они с меня падали.
– Может, ты скажешь Джастину, чтобы положил твои шорты в рюкзак прямо сейчас?

– Я-то скажу, только он этого не сделает. До него ехать всего четыре квартала. И я потренируюсь водить машину.

Неделю назад Томас получил ученический допуск – родительский эквивалент стресс-теста, но без использования электрокардиографа.

– Хорошо. Я спущусь через секунду.

Адам стер историю своих интернет-блужданий в браузере и направился вниз. Джерси рассчитывала на еще одну прогулку и, когда они проходили мимо, одарила их горестным взглядом, говорившим: «Не могу поверить, что вы не берете меня с собой». Томас прихватил ключи от машины и уселся за руль.

На пассажирском месте Адам смог немного расслабиться. Коринн в своем желании контролировать все доходила до полного маразма. Как пассажир, она без конца выкрикивала команды и предостережения, едва не давя на воображаемые тормоза. Когда Томас выехал на улицу, Адам повернулся и стал рассматривать профиль сына. На щеках появились прыщики. Под ухом выросли мягкие волоски, что делало Томаса похожим на Эйба Линкольна, только лицо полнее. Сыну пора бриться. Не каждый день. Не чаще чем раз в неделю, но пора. На Томасе были длинные шорты. Ноги покрыты волосами. И у него красивые голубые глаза, у его сына. Все обращали на них внимание. Они искрились и сверкали, как льдинки.

Томас свернул на подъездную дорожку, и его занесло слишком близко к правому поребрику.

– Вернусь через пару секунд, – сказал он.

– Ладно.

Томас поставил машину на парковку и потрусил к двери. Открыла мать Джастина, Кристин Хой, – Адам заметил блестящую копну светлых волос, и это его удивило. Кристин преподавала в той же старшей школе, что и Коринн. Они подружились. Адам думал, что Кристин тоже уехала в Атлантик-Сити, но потом вспомнил: конференция была для преподавателей истории и языков. Кристин вела математику.

Она улыбнулась и махнула рукой. Он помахал в ответ. Томас скрылся в доме, а Кристин пошла по дорожке к машине. Пусть это звучит неполиткорректно, но Кристин Хой была сексапильной мамашкой. Адам не

раз краем уха слышал, как на эту тему проходились друзья Томаса, хотя мог бы и сам составить такое мнение. Сейчас Кристин, покачивая бедрами, приближалась к нему; она была одета в джинсы и облегающий белый топ, сквозь которые прорисовывались все ее прелести. Кристин регулярно участвовала в соревнованиях бодибилдеров. Адам не знал точно в каких.

За ее именем в списках ставилось несколько букв, и она заслужила право называться «про», что бы под этим ни подразумевалось. Адам никогда не был поклонником мускулистых, тягающих штанги женщин, а на некоторых фотографиях с соревнований Кристин и правда выглядела слегка ребристой и угловатой. Волосы чуть светлее, чем нужно, улыбка чуть ярче, загар чуть сильнее, оранжевый, однако при личной встрече все это выглядело чертовски привлекательно.

– Привет, Адам.

Он заколебался, надо ли ему вылезать из машины. И решил остаться на месте.

– Привет, Кристин.

– Коринн все еще не вернулась?

– Нет.

– Но будет завтра, да?

– Точно.

– Я свяжусь с ней. Нам нужно тренироваться. Через две недели у меня первенство штата.

На личной странице в «Фейсбуке» она называла себя фитнес-моделью и WBFF Pro – профессионалом в индустрии красоты, моды и фитнеса. Коринн завидовала ее телу. Недавно подруги начали заниматься вместе. Как и с большинством других занятий – хороши они для тебя или плохи, не суть, – ты достигаешь стадии, когда то, что началось как развлечение, постепенно превращается в привычку, а затем – в одержимость.

Томас вернулся с шортами.

– Пока, Томас.

– Пока, миссис Хой.

– Спокойной ночи, мальчики. Не балуйтесь особенно, пока мамы нет.

Она, грациозно раскачиваясь, пошла к дому.

– Такая доставучая, – сказал Томас.

– Нехорошо так говорить.

– Видел бы ты ее кухню!

– А что? Что там у нее с кухней?

– На холодильнике висят ее фотки в бикини, – сообщил Томас. – Тошнотина.

Трудно спорить. Как только Томас отъехал от поребрика, его губы тронула улыбка.

– Что? – спросил Адам.

– Кайл называет ее «нуйрожа», – отозвался Томас.

– Кого?

– Миссис Хой.

Адам удивился: может, это новое обозначение для сексапильной мамашки?

– Что значит «нуйрожа»?

– Так называют некрасивую, но с хорошим телом.

– Что-то я не догоняю, – сказал Адам.

– Нуйрожа. – Томас проговорил то же самое медленнее: – Ну. И. Рожа.

Адам постарался не засмеяться, неодобрительно качая головой. Он уже хотел прочесть сыну нотацию, сомневаясь, получится ли у него сделать это с серьезным лицом, но тут зазвонил мобильник. Он посмотрел на экран.

Это была Коринн.

Адам нажал команду «игнорировать звонок». Надо следить за тем, как сын ведет машину. Коринн поймет. Он уже собрался спрятать телефон в карман и вдруг почувствовал, что аппарат вибрирует. «Наверное, голосовое сообщение», – подумал Адам, но нет, это оказалось письмо из банка. Он открыл его. В тексте давались ссылки на детализированные отчеты о покупках, но Адам едва обратил на них внимание.

– Пап? Ты в порядке?

– Следи за дорогой, Томас.

Он разберется в деталях, когда окажется дома, а прямо сейчас верхняя строчка письма сказала ему больше, чем он хотел знать.

«Новые игрушки» – это название, под которым выставляет счета онлайн ретейлер Fake-A-Pregnancy.com.

Глава 4

Вернувшись домой и засев в своем офисном уголке, Адам открыл ссылку из письма и дождался загрузки сайта.

Fake-A-Pregnancy.com – «Подделай беременность».

Он пытался не реагировать. Знал же, что Интернет потекает любым греховным желанием и вкусам, даже невообразимым, но открытие самого факта наличия сайта, посвященного подделке беременности, оказалось для Адама очередным случаем, когда разумное человеческое существо хочет сдаться, заплакать и признать, что худшие инстинкты опять одержали верх.

Под большим розовым заголовком шрифтом чуть мельче был набран слоган: «Самые смешные геги!»

Геги?

Адам кликнул по вкладке «Популярные товары, купленные вами!». Первым в списке значился «Суперновый тест на беременность!». Адам покачал головой. Обычная цена \$ 34,95 была перечеркнута кривой красной линией, потому что сейчас началась распродажа – \$19,99, и ниже жирным курсивом было выведено: «Вы экономите \$15!»

Вот здорово, спасибо, что помогли сэкономить. Безмерно рад, что моя жена не платила по розничной цене!

Товар доставят в течение 24 часов в «не вызывающей подозрений упаковке».

Адам стал читать дальше:

Используйте его так же, как настоящий тест на беременность!

Опустите полоску в мочу и проверьте результат!

Положительный ответ гарантирован в любом случае!

У Адама пересохло во рту.

Пусть трясутся поджилки у твоего парня или его родственников, у твоего кузена или профессора!

У кузена или профессора? Кому, черт побери, нужно запугивать кузена или профессора, заставляя думать... Адам не захотел и дальше мыслить в этом направлении.

Ниже мелким шрифтом было написано предупреждение:

Внимание! Это изделие может быть использовано безответственно. Заполнив и отослав нижеприведенную форму, вы соглашаетесь не применять его в незаконных, аморальных, мошеннических целях или для причинения вреда другим людям.

Невероятно. Адам кликнул по изображению товара и увеличил картинку, чтобы рассмотреть упаковку. Тест – белая полоска с красным крестом, обозначающим беременность. Адам покопался в памяти. Такой ли использовала Коринн? Он не помнил. А вообще видел его? Полной уверенности не было. Ведь все они выглядят одинаково?

Однако сейчас Адам не сумел вспомнить, чтобы Коринн проводила тесты, когда он был дома. В случаях с Томасом и Райаном она встречала мужа в дверях широкой улыбкой и сообщала новость. В последний раз сцена была разыграна в спальне. Адам это помнил. Он лежал в постели, переключив каналы на телевизоре. Жена вошла в ванную. Адам думал, тест займет несколько минут, но этого не случилось. Коринн мигом выскочила с полоской в руке.

– Адам, смотри! Я беременна!

Полоска была такая?

Он не знал.

Адам щелкнул по второй ссылке и тут же закрыл лицо руками.

ФАЛЬШИВЫЕ СИЛИКОНОВЫЕ ЖИВОТЫ!

Они были разных размеров: первый триместр (1–12 недель), второй триместр (13–27 недель), третий триместр (28–40 недель). Имелись также размеры «экстра», близнецовый, тройняшковый и даже на случай рождения четверни. Там была и фотография красивой женщины, с любовью глядящей на свой «беременный» живот. Одета в белое подвенечное платье, она держала в руке белоснежные лилии.

Рекламный текст наверху гласил:

Ничто, кроме беременности, не поставит вас в центр внимания!

А чуть ниже шел совсем уж безыскусный призыв:

Получи отличные подарки!

Товар был изготовлен из силикона, «предназначенного для медицинских целей». Сайт описывал его как «материал, наиболее близкий к человеческой коже из всех изобретенных к настоящему времени!». Ниже были выложены видеоролики с подтверждениями качества товара от «благодарных клиентов компании „Подделай беременность“». Адам щелкнул по одному. Миловидная брюнетка улыбалась в камеру и говорила: «Привет! Мне так нравится мой силиконовый животик! Он такой естественный!» Далее она сообщала, что его доставили всего за два рабочих дня (не так быстро, как тест на беременность, но он ведь вам с такой же скоростью и не понадобится?) и что они с мужем усыновляли ребенка и не хотели, чтобы друзья знали об этом. Вторая женщина – стройная, рыжеволосая – объясняла, что они с мужем прибегли к помощи суррогатной матери и хотели скрыть это от друзей. «Надеюсь, – подумал Адам, – ваши друзья не подлецы и не станут рыскать по этому сайту, чтобы разоблачить вас». Последнее свидетельство исходило от женщины, которая использовала фальшивый живот, желая сыграть со своими друзьями «самую веселую в мире шутку».

Должно быть, друзья-то с приветом.

Адам вернулся на страницу с купленными товарами. Последней вещью в списке была... о боже... поддельная ультразвуковая сонограмма.

2D или 3D! На ваш выбор!

Фальшивые сонограммы распродавались по \$29,99. Глянцевые, матовые или на прозрачной пленке. Имелись пустые поля, куда можно было вписать имя врача, название больницы или клиники и дату ультразвукового исследования. Клиентка могла выбрать пол своего плода или только вероятностный прогноз (мальчик – 80 %), не говоря уже о возрасте, близнецах, все как пожелаете. За дополнительные \$4,99 можно было «добавить к фальшивой сонограмме голограмму, чтобы придать больше достоверности».

Адам почувствовал тошноту. Коринн показывала ему голограмму? Он не мог вспомнить.

И снова сайт попытался изобразить, что люди покупают предлагаемые на нем товары шутки ради.

«Прекрасный выбор для мальчишника!» Да уж, хохоча, коленки себе отобьешь. «Отлично подходит для дней рождения и даже рождественских розыгрышей!» Рождественский розыгрыш? Завернуть в фольгу фальшивый тест на беременность и оставить под елкой для мамы с папой? Вот они

посмеются-то.

Разумеется, разговор о приколах – подстраховка на случай судебных исков. Совершенно невозможно, чтобы создатели этого сайта не подозревали о том, что люди пользуются его услугами для обмана.

Так-то, Адам. Продолжай сдерживать возмущение. Продолжай игнорировать очевидное.

Одурение вернулось. Сегодня больше уже ничего нельзя сделать. Надо ложиться спать. Он будет лежать и думать. Не стоит торопиться. Слишком многое поставлено на кон. Сохраняй спокойствие. Заблокируй, если нужно.

Адам прошел мимо спален сыновей. Их комнаты, весь этот дом вдруг показались ему хрупкими, как яичная скорлупа, и если он не будет осторожен, то рассказ незнакомца может их сокрушить.

Он вошел в супружескую спальню. На ночном столике Коринн лежала книга в мягкой обложке – дебютный роман какой-то пакистанской писательницы. Рядом – журнал «Реал симпл» с загнутыми уголками страниц вместо закладок. Там же были запасные очки для чтения. Коринн получила не слишком строгие предписания по поводу очков и предпочитала не носить их на людях. Часы с будильником служили для подзарядки айфона. У Адама и Коринн были схожие музыкальные вкусы. Они любили Спрингстина. Посетили дюжину «живых» выступлений. Адама всегда настолько поглощала музыка, что в какой-то момент он уплывал. Коринн же оставалась сосредоточенной. Она стояла и чуть раскачивалась, не отрывая глаз от сцены.

Адам тем временем отплясывал как идиот.

Он зашел в ванную и почистил зубы. Коринн пользовалась новомодной ультразвуковой суперпопулярной электрической зубной щеткой, которая выглядела как разработка НАСА. Адам сохранял верность старым привычкам. На полочке стояла коробка от использованной краски для волос «Л’Ореаль». Адам уловил шедший от нее слабый химический запах. Должно быть, Коринн закрашивала седину перед поездкой в Атлантик-Сити. Началось все с одной седой пряди. Сперва она выдернула ее и долго рассматривала. Потом нахмурилась, отставила руку и оценила: «Текстура и цвет стальной ваты».

Зазвонил мобильник. Адам посмотрел, кто звонит, хотя и без того знал. Сплюнул зубную пасту, быстро прополоскал рот и щелкнул кнопкой ответа.

– Привет, – сказал он.

– Адам?

Конечно, это была Коринн.

– Да.

– Я тебе звонила раньше, – произнесла она, и он услышал в ее голосе панические нотки. – Почему ты не отвечал?

– Томас был за рулем. Я не хотел отвлекаться.

– О-о.

На дальнем плане звучали смех и музыка. Вероятно, она сидела в баре с коллегами.

– Как все сегодня прошло? – спросила Коринн.

– Отлично. Он в команде.

– Как Боб?

– Что значит, как Боб? Он был паяцем. Все в норме.

– Будь с ним повежливее, Адам.

– Еще чего.

– Боб хочет перевести Райана в среднюю группу, чтобы он не соперничал с Бобом-младшим. Не давай ему повода.

– Коринн?

– Да?

– Уже поздно, и у меня завтра трудный день. Поговорим при встрече.

Кто-то на заднем фоне – какой-то мужчина – разразился громким хохотом.

– Все в порядке? – спросила она.

– Отлично, – ответил он и отключился.

Адам сполоснул зубную щетку и вымыл лицо. Два года назад, когда Томасу было четырнадцать, а Райану – десять, Коринн забеременела. Это был сюрприз. С возрастом у Адама появились проблемы – уменьшилось число сперматозоидов, и контроль рождаемости практически свелся к безмолвной молитве. Конечно, с их стороны это было безответственно. К тому моменту они с Коринн ни разу не обсуждали, будут ли заводить еще детей. Это казалось – по крайней мере, тогда – просто негласным соглашением.

Адам остановил взгляд на своем отражении в зеркале. В голове снова зазвучал знакомый голос. Он тихо сошел вниз, запустил браузер и набрал поисковый запрос: «генетический тест». Первое предложение было от «Волгринс». Адам уже собрался нажать кнопку «заказать», но передумал. Кто-нибудь мог открыть его почту. Завтра.

Адам вернулся в комнату и сел на кровать. Запах Коринн. После всех прошедших лет феромоны продолжали действовать, причем сильно – или у него разыгралось воображение.

Голос незнакомца раздался вновь:

«Не нужно было вам оставаться с ней».

Адам положил голову на подушку, поморгал, глядя в потолок, и его окутали шорохи притихшего дома.

Глава 5

Адам проснулся ровно в семь утра. У двери спальни его поджидал Райан.

– Папа?..

– Да.

– Проверь, пожалуйста, почту, посмотри, прислал ли тренер Байме результаты?

– Уже посмотрел. Ты в команде «А».

Райан не разразился восторгами. Это был не его стиль. Он кивнул и постарался скрыть улыбку.

– Можно мне пойти к Максусу после школы?

– Что вы собираетесь делать в такой прекрасный день?

– Сидеть в темноте и играть в видеоигры.

Адам нахмурился, хотя знал, что Райан подтрунивает над ним.

– Джек и Колин тоже придут. Мы будем играть в лакросс.

– Хорошо. – Адам свесил ноги с кровати. – Ты позавтракал?

– Еще нет.

– Приготовить «папины яйца»?

– Только если ты не будешь их так называть.

Адам усмехнулся:

– Договорились.

На миг Адам забыл и о прошлом вечере, и о незнакомце, и о «Новых игрушках», и о сайте по подделке беременности. Все это, как часто бывает с такими вещами, стало похоже на сон, и вот уже задаешься вопросом – не почудилось ли тебе? Конечно не почудилось. Адам знал это. Просто выставил блок. В результате ему удалось выспаться. Если Адам и видел сны, то не запомнил их. Он вообще обычно спал крепко. Это Коринн могла не ложиться и проводить ночи в тревожных метаниях. С течением времени Адам научился не беспокоиться из-за того, чего не мог контролировать, расслаблялся и отпускал ситуацию. Это умение отделять важное от неважного оказалось очень полезным. Сейчас Адам уже не мог сказать точно, было ли это способностью спускать все на тормозах или ставить блок.

Он сошел вниз и приготовил завтрак: «папины яйца» – омлет на молоке с горчицей и пармезаном. Когда Райану было шесть, он любил «папины яйца», но перерос это свое пристрастие – обычная история с

маленькими детьми, – в один прекрасный день назвал их дрянью и поклялся больше не притрагиваться к этому блюду. Не так давно новый тренер сказал Райану, что нужно всегда начинать день с богатого белками завтрака, а посему «папины яйца» были вновь введены в обиход, как забытая музыка.

Наблюдая за Райаном, атакующим тарелку, будто она его обидела, Адам пытался увидеть шестилетнего сына, который уплетает то же блюдо в той же самой комнате. Образ никак не приходил.

Томаса кто-то подвозил, поэтому Райан и Адам добирались до школы в комфортной тишине, отец и сын. Они проехали магазин детских товаров, миновали школу карате Тайгера Шульмана. На углу в «мертвом» месте, какое есть в каждом городе и где, кажется, ни одно заведение никогда не работает, открылся новый «Сабвэй». В этом здании уже находились пекарня, где делали бублики, ювелирный магазин, центр по продаже матрасов и забегаловка «Блимпи», которую Адам с трудом отличал от «Сабвэя».

– Пока, пап. Спасибо.

Райан выпрыгнул из машины без дежурного поцелуя в щеку. Когда Райан перестал его целовать? Не припомнить.

Адам проехал по Дубовой улице мимо супермаркета «Севен-илевен» и увидел аптеку «Волгринс». Он вздохнул, припарковал машину и несколько минут просидел в ней неподвижно. Мимо проковылял какой-то дед, мертвой хваткой зажав между узловатой рукой и опорной планкой ходунков аптечный пакет. Старик взглянул на Адама сердито – а может быть, он теперь всегда так смотрел на мир.

Адам зашел внутрь, взял маленькую корзинку для покупок. Дома нужны зубная паста и антибактериальное мыло, но это только ширма. В голове промелькнуло воспоминание, как в юности он скидывал в похожую емкость какие-то туалетные принадлежности, чтобы скрыть тот факт, что на самом деле ему были нужны только презервативы, которые пролежали в бумажнике неиспользованными, пока не потрескались от старости.

Генетические тесты – на стойке рядом с аптекарем. Адам приблизился к нему, стараясь, насколько это было возможно, сохранять непринужденный вид. Он посмотрел налево, посмотрел направо. Потом взял коробочку и прочел сзади:

ТРИДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ ОТЦОВ, КОТОРЫЕ ПРОХОДЯТ
ЭТОТ ТЕСТ, ОБНАРУЖИВАЮТ, ЧТО РАСТЯТ НЕ СВОИХ
ДЕТЕЙ.

Он положил упаковку на полку и заторопился уйти, как будто эта коробочка могла заманить его обратно. Нет. До такого он не дойдет. По крайней мере, не сегодня.

Адам принес на кассу собранное в корзинку, прихватил упаковку жвачки, расплатился. Он вырулил на шоссе номер 17, проехал мимо еще нескольких матрасных центров (откуда на севере Нью-Джерси взялось столько точек, где продают матрасы?) и оказался около спортзала. Изменив обычной практике, он покачал вес – штанги, гантели и гири. За взрослую жизнь Адам испробовал целое попурри из разных тренировочных программ – йога (не на гибкость), пилатес (смешанный уровень), военные сборы в учебном лагере (почему бы просто не пойти в армию?), зумба (не спрашивайте), акватика (едва не утоп), спин (отбил задницу), – но в конце концов неизменно возвращался к обычной тяжелой атлетике. Иногда он получал от напряжения мышц такое удовольствие, что просто не мог себе представить, как без этого жить. В другие дни его ужасала сама мысль о поднятии тяжестей и единственной вещью, которую он соглашался поднять, бывал стакан арахисово-белкового коктейля после тренировки.

Он производил знакомые движения, стараясь не забывать о необходимости финальной паузы и сжатия мышц. Это было, как он усвоил, ключом к успеху. Не нужно просто сгибать руки. Согни, удержишься на секунду, напрягая бицепс, потом разогни. Адам принял душ, сменил костюм на рабочий и отправился в свой офис на Мидланд-авеню в Парамусе. Здание было четырехэтажное, гладкое стекло и прочие архитектурные достоинства выдавали в нем типичный бизнес-центр, неотличимый от своих собратьев. Не ошибешься ни за что и за другое не примешь.

– Эй, Адам, есть минутка?

Это был Энди Гриббель, лучший помощник Адама, паралегал.^[2] Когда он только начал здесь работать, все звали его Чуваком, потому что своим неряшливым видом он напоминал героя Джеффа Бриджеса. Он был старше большинства паралегалов – на самом деле и Адама, – легко мог поступить в школу права и преодолеть все барьеры, но однажды сформулировал свое отношение к проблеме так: «Это не моя ноша, приятель».

Да, он так и сказал.

– Что случилось? – спросил Адам.

– Старик Рински.

Адам, как юрист, специализировался в области принудительного отчуждения собственности – в частности, когда правительство пытается забрать землю, чтобы построить шоссе, школу или что-нибудь еще. В

данном случае городская управа Кассельтона пыталась отнять дом у Рински под строительство элитного жилья. Коротко говоря, эту территорию обозначили как «нежелательную», или, в терминологии простонародья, «свалкой называли». Некие влиятельные силы нашли застройщика, который захотел сровнять с землей все дома и построить на их месте новые – коттеджи, магазины, рестораны.

– Что с ним?

– Мы встречаемся у него.

– Хорошо.

– Может, захватить большие пушки?

Часть ядерного щита Адама.

– Пока не нужно. Что-нибудь еще?

Гриббель отклонился назад. Закинул на стол свои рабочие ботинки.

– У меня вечером выступление. Придешь?

Адам покачал головой. Энди Гриббель играл в группе, которая перепевала хиты 70-х и выступала в самых престижных притонах северной части Нью-Джерси.

– Не могу.

– Песен «Иглз» не будет. Обещаю.

– Вы никогда не играли «Иглз».

– Я не фанат, – сказал Гриббель. – Но мы впервые сыграем «Please Come to Boston». Помнишь?

– Конечно.

– Что скажешь?

– Я не фанат, – ответил Адам.

– Правда? Это душещипательная песенка. Ты ведь любишь такие.

– Она не душещипательная, – возразил Адам.

Гриббель запел: «Эй, бродяга, почему ты не осядешь где-нибудь?»

– Может быть, его девчонка достала, – предположил Адам. – Парень просит ее поехать с ним в другой город. А она заладила «нет» да «нет», а потом начинает ныть, что он сидит в Теннесси.

– Это потому, что она главная фанатка парня из Теннесси.

– Может, ему не нужны фанаты. Может, он предпочел бы иметь спутницу жизни или любовницу.

Гриббель огладил рукой бороду.

– Я вижу, к чему ты клонишь.

– Он ведь всего-то и сказал ей: «Проведем весну в Бостоне». Весну. Он не просит ее уехать из Теннесси навсегда. А она что отвечает? Она говорит: «Нет, приятель». И что это за отношение? Никаких объяснений, ни

попытки понять его – просто «нет». Тогда он мягко предлагает ей Денвер или даже Лос-Анджелес. Тот же ответ. Нет, нет, нет. То есть расправь крылья, сестренка. Поживи немного.

Гриббель усмехнулся:

– Ты чокнутый, приятель.

– И потом, – продолжил Адам, чувствуя, что его понесло, – она заявляет, что, мол, в этих больших городах – Бостоне, Денвере, Лос-Анджелесе – нет никого похожего на нее. Какое самомнение, а?

– Адам?

– Что?

– Ты, кажется, наворотил лишнего, брат мой.

Адам кивнул:

– Верно.

– Ты любишь перемудрить, Адам.

– Так и есть.

– И потому ты – лучший адвокат, какого я знаю.

– Спасибо, – сказал Адам. – И нет, ты не уйдешь с работы раньше из-за своего выступления.

– Да ладно. Не будь таким.

– Прости.

– Адам?

– Что?

– Парень в той песне. Бродяга, который просит ее отправиться с ним в Бостон.

– Ну?

– Ты должен отдать справедливость девушке.

– Это как?

– Парень говорит, что она сможет продавать свои картины на тротуаре у кафе, где он надеется получить работу. – Гриббель развел руками. – И что это за финансовое планирование?

– Тушэ, – признал Адам с легкой улыбкой. – Может, им вообще лучше расстаться.

– Не-е. Между ними есть что-то хорошее. Это слышно по его голосу.

Адам пожал плечами и направился в свой кабинет. Приступ красноречия приятно отвлек от забот. Теперь он снова заперся в собственной голове. Скверное место. Адам сделал несколько звонков, встретился с парой клиентов, проконсультировал паралагалов, удостоверился, что инструкции выполняются. Мир движется дальше. Возмутительно. Адам осознал это, когда ему было четырнадцать и его отец

внезапно умер от сердечного приступа. Мальчик сидел рядом с матерью в большой черной машине, смотрел в окно и видел, что все остальные люди продолжают жить своей жизнью. Дети ходят в школу. Родители – на работу. Машины сигналият. Солнце все так же светит. Его отец умер. И ничего не изменилось.

Сегодня ему снова пришлось вспомнить об очевидном: миру нет никакого дела до нас и наших мелких и крупных проблем. Мы этого так и не понимаем. В нашей жизни происходят потрясения – разве остальные люди не должны хоть что-то заметить? Но нет. Для окружающих Адам выглядел таким же, как прежде: вел себя так же, чувствовал то же самое. Мы злимся, если кто-то подрезает нас на дороге, слишком долго делает заказ в «Старбаксе» или не отвечает так, как мы ожидаем, и мы не представляем, что в душе эти люди, возможно, имеют дело с проблемами промышленного масштаба. Возможно, их жизнь рассыпается на кусочки. Может статься, они переживают какую-нибудь неизмеримую трагедию, а их существование в границах разума висит на волоске.

Но нас это не заботит. Мы не видим. Просто продолжаем переть напролом.

По пути домой Адам переключал радиостанции, пока наконец не остановился на каком-то канале, где шли бестолковые дебаты о спорте. Мир – арена распри и борьбы; слушать людей, которые бьются за нечто настолько бессмысленное, как профессиональный баскетбол, было приятно.

Адам доехал до дома и был немного удивлен, заметив на подъездной дорожке принадлежавшую Коринн «хонду-одиссей». Продавец без тени эмоций на лице называл цвет машины «темно-вишневая жемчужина». К задней багажной дверце была прикреплена овальная наклейка с названием их города, написанным черными буквами, – по-видимому, престижная татуировка для автомобильного племени, принятая в современной провинции. Там же красовался круглый стикер с перекрещенными палками для игры в лакросс и надписью «Пантера лакросса», талисман города, и еще один с огромной буквой W, обозначающей среднюю школу «Уиллард», где учился Райан.

Коринн вернулась домой из Атлантик-Сити раньше, чем ожидалось.

Это нарушило планы Адама. Весь день он прокручивал в голове варианты грядущего непростого разговора, часами ходил по кругу, опробовал несколько разных подходов, но ни один не показался ему единственно верным. Адам понимал, строить планы бессмысленно. Заговорить о том, что рассказал ему незнакомец, – поставить Коринн перед

фактами, которые он теперь считал неопровержимыми, – это все равно что вырвать чеку из гранаты (расхожее сравнение). Невозможно предугадать реакцию.

Будет ли она отпираться?

Может быть. Пока еще сохранялась вероятность невинного объяснения всей истории. Адам старался оставаться человеком широких взглядов, хотя его чувства больше походили на призрачную надежду, чем на соображения из разряда «не суди сгоряча». Он припарковался рядом с «хондой» жены. У них был гараж на две машины, однако в нем поселились старая мебель, спортивный инвентарь и прочие атрибуты эпохи избыточного потребления. Поэтому они с Коринн оставляли своих «коней» на подъездной дорожке.

Адам вышел из машины и двинулся к дому. На газоне было чуть больше коричневатых проплешин, чем хотелось. Коринн обязательно заметит и начнет причитать по этому поводу. Ей трудно просто наслаждаться жизнью и относиться к таким мелочам спокойно. Нет, она будет все исправлять и делать как нужно. Адам считал себя человеком, который живет сам и дает жить другим, но окружающие могли принять такое отношение за банальную лень. У их соседей – семейства Бауэр – газон выглядел так, будто на нем вот-вот начнутся соревнования профессионалов по игре в гольф. Коринн не могла удержаться от сравнений. Адаму было плевать.

Открылась входная дверь. Вышел Томас со спортивной сумкой на плече, одетый в «выездную» форму. Он улыбнулся отцу; во рту свободно гуляла капля. По груди Адама разлилось знакомое тепло.

– Привет, пап.

– Привет, что случилось?

– У меня игра, помнишь?

Вполне понятно, что Адам действительно забыл, хотя это объясняло, отчего Коринн постаралась вернуться домой раньше.

– Правильно. С кем играете?

– «Глен рок». Мама меня отвезет. Ты придешь попозже?

– Конечно.

Когда в дверях появилась Коринн, у Адама душа ушла в пятки. Жена все еще оставалась красавицей. Если Адам испытывал трудности с тем, чтобы представить себе, как выглядели его дети, когда были младше, то в случае с Коринн творилось нечто почти обратное. Он продолжал видеть ее двадцатитрехлетней сногшибательной красоткой, в которую влюбился. Конечно, если взглянуть с пристрастием, угадывались и морщинки вокруг глаз, и некоторое возрастное округление форм, но Адам не замечал, что

жена стареет, – не то это была любовь, не то он видел ее каждый день, и потому изменения происходили постепенно и незаметно.

Волосы Коринн были влажными после душа.

– Привет, дорогой.

Он стоял столбом.

– Привет.

Она поцеловала его в щеку. Ее волосы восхитительно пахли сиренью.

– Ты сможешь забрать Райана?

– А где он?

– Играет у Макса.

Томас поморщился:

– Не говори так, мам.

– Как?

– Играет. Он в средней школе. Это шестилетки играют.

Коринн вздохнула, но с улыбкой:

– Хорошо, пусть будет так: он на собрании у Макса. – Она перевела взгляд на Адама. – Ты заберешь его перед тем, как придешь на игру?

Адам поймал себя на том, что кивает, хотя не испытывал желания выполнить просьбу Коринн.

– Конечно. Мы присоединимся к тебе на игре. Как было в Атлантик-Сити?

– Прекрасно.

– Эй! – вмешался Томас. – Может, потом поболтаете? Тренер бесится, если мы не приезжаем хотя бы за час до начала игры.

– Точно, – подтвердил Адам. Потом, обернувшись к Коринн, он попытался сделать вид, что все в порядке. – Мы... поболтаем потом.

Однако Коринн задержалась с ответом на полсекунды, а это немало.

– Хорошо, нет проблем.

Адам стоял на ступеньке и следил за тем, как жена и сын идут по дорожке. Коринн нажала кнопку на пульте, и задняя дверца минивэна открылась зевком гигантской пасти. Томас кинул внутрь сумку и забрался на переднее пассажирское сиденье. Пасть закрылась, проглотив все снаряжение. Коринн махнула мужу. Он поднял руку в ответ.

Они познакомились в Атланте во время пятинедельного тренинга перед вступлением в «Литворлд» – благотворительную организацию, которая посылает учителей в далекие края обучать людей грамоте. Это было до наступления тех времен, когда каждый ребенок ездил в Замбию, чтобы построить там хижину и описать это деяние в анкете при поступлении в колледж. Надо сказать, что все волонтеры уже имели

законченное образование. Они были искренни, иногда даже чересчур, но душевно настроены правильно.

Их встреча произошла не в кампусе Университета Эмори, где они занимались, а в соседнем баре. Студенты старше двадцати одного могли там мирно выпить и пофлиртовать под скверное кантри. Она была в компании своих подружек, он – с ребятами. Адам искал себе подругу на ночь. Коринн рассчитывала на большее. Группы сходились медленно, юноши подходили к девушкам, как в хорошо отрепетированном танце из дешевого фильма. Адам предложил Коринн угостить ее каким-нибудь напитком. Она согласилась и добавила, что это ничего ему не даст. Он все равно купил ей выпивку, сопроводив это на удивление мудрым замечанием: мол, вечер только начинается.

Принесли напитки. Завязался разговор. Все шло хорошо. Где-то ближе к ночи, незадолго до закрытия заведения, Коринн сообщила, что рано потеряла отца, и тогда Адам, который никогда ни с кем об этом не говорил, изложил ей историю смерти своего родителя и завершил рассказ упоминанием о том, как миру не было дела до его горя.

Их объединили семейные трагедии. С этого все и началось.

Когда они только поженились, то жили в тихой квартирке рядом с 78-м шоссе, соединявшим соседние штаты. Адам пытался помогать людям, работая в качестве государственного защитника. Коринн преподавала в самых неприветливых окрестностях Ньюарка, Нью-Джерси. Потом родился Томас, и настала пора перебираться в более приличный дом. Это казалось само собой разумеющимся. Адама не слишком волновало, где они будут жить. Какая разница, будет ли их дом временным пристанищем или более классическим вариантом, как нынешний. Он хотел видеть Коринн счастливой, причем не столько потому, что был таким уж молодцом, сколько потому, что место жительства не имело для него большого значения. И тогда Коринн по очевидным причинам выбрала этот город.

Может быть, ему уже тогда следовало притормозить ее, но, будучи человеком молодым, он как-то не видел в этом смысла. Он позволил ей выбрать дом, потому что она хотела жить именно в таком. Город. Дом. Гараж. Машины. Сыновья.

А чего хотел Адам?

Он не знал, но этот дом – в таком районе – вызвал напряжение в сфере семейных финансов. Кончилось тем, что Адам перестал работать государственным адвокатом и занял должность с более высоким окладом в юридической фирме «Бечманн, Симпсон и Фиглс». Это не было пределом его мечтаний – ровный, хорошо вымощенный путь, на который рано или

поздно вступает мужчина вроде него: спокойное место, где вырастут дети, милый домик с четырьмя спальнями, гараж на две машины, газовый гриль на дощатой террасе с видом на задний двор.

Премило, не так ли?

Трипп Эванс с затаенной тоской назвал это «проживать мечту». Американскую мечту. Коринн ему бы поддакнула.

«Не нужно было вам с ней оставаться...»

Конечно, это неправда. Мечты сотканы из тончайшей, бесценной материи. Нельзя разрушать их походя. Какая неблагодарность, какой эгоизм, какая глупость не понимать, что ты – счастливчик, баловень судьбы.

Адам открыл дверь и прошел на кухню. Стол завален чем ни попадя: домашнее задание по ранней американской истории явно довело кого-то до изнеможения; Томасов учебник алгебры открыт на задаче выделить полный квадрат в квадратичной функции f , заданной выражением $f(x) = 2x^2 - 6x + 4$; под корешок книги засунут карандаш второй твердости; повсюду обрывки миллиметровой бумаги – несколько упало на пол.

Адам нагнулся, поднял их и вернул на стол. Мгновение он смотрел на эту домашнюю работу.

«Действуй осторожно», – напомнил себе Адам. На кону стояли не только его и Коринн мечты.

Глава 6

Игра Томаса только началась, когда приехали Адам с Райаном.

Тихо шепнув: «Пока, пап», Райан немедленно смылся и примкнул к компании младших братьев игроков, чтобы не быть замеченным в обществе реальных живых родителей. Адам прошел на левую сторону поля, в сектор «выездной» команды, где должны были находиться другие седарфилдские папаши и мамыши. Металлических скамеек не было, но некоторые зрители принесли складные стулья, обеспечив себе место для сидения. У Коринн в минивэне лежали четыре сетчатых кресла с выемками для стаканов на обоих подлокотниках (зачем их две на одном кресле?) и тентом. Однако в большинстве случаев – как сейчас, например, – Коринн предпочитала стоять. Рядом с ней была Кристин Хой, одетая в топ без рукавов и такие короткие шорты, что дело явно не обошлось без детских ссор с отцом.

Подходя к жене, Адам кивнул нескольким родителям. В углу стоял Трипп Эванс в компании с другими папашами: все в темных очках и со скрещенными на груди руками, они больше походили на сотрудников секретных служб, чем на зрителей. Справа маячил ухмыляющийся Гастон со своим кузеном Дезом (да, именно так все его и называли), хозяином «CBW Inc.» – высокотехнологичной компании, которая специализировалась на проверке биографий соискателей разных вакансий. Кроме того, кузен Дез не так тщательно, но все же изучал карьерные истории тренеров на предмет отсутствия судимостей и других порочащих репутацию фактов. Гастон настаивал, чтобы оргкомитет лиги лакросса привлекал дорогостоящую «CBW Inc.» к выполнению этой с виду несложной задачи, хотя ее можно было решить гораздо дешевле с помощью Интернета. Но для чего же еще нужны родственники?

Коринн заметила приближение Адама и отошла от Кристин на несколько шагов. Когда муж подошел, она панически прошептала:

– Томаса нет в стартовом составе!

– Тренер всегда меняет местами линии, – сказал Адам. – Я бы не стал волноваться.

Но Коринн волновалась.

– Вместо него вышел Пит Байме. – Сын Гастона. Это объясняло ухмылку последнего. – Он еще не оправился от сотрясения. Как можно выставить его на поле?

– Коринн, я похож на врача?

– Давай, Тони! – закричала какая-то женщина. – Пробивайся!

Адаму не нужно было объяснять, что голос подала мать Тони. Иначе и быть не могло. Когда отец или мать подбадривают свое чадо, это всегда слышно. В голосах звучат сиплое разочарование и недовольство. Никто из родителей не понимает, что их вопли выдают именно такие эмоции. Мы все это слышим, но думаем, что только другие родители таковы, а мы сами каким-то чудом избавлены от этой заразы.

Тут очень кстати вспомнить хорватскую пословицу, которую Адам выучил в колледже: «Горбун видит чужие горбы, а свой – никогда».

Прошло три минуты. Томас так и не вступил в игру. Адам искоса посмотрел на Коринн: челюсти сомкнуты, взгляд устремлен на край поля, на тренера, как будто хочет гипнозом заставить его впустить Томаса в игру.

– Все будет хорошо, – сказал Адам.

– Он к этому времени всегда в игре. Как ты думаешь, что случилось?

– Я не знаю.

– Пит вообще не должен играть.

Адам не стал отвечать. Пит поймал мяч и бросил его партнеру по команде самым обычным образом. С другой стороны поля раздался голос Гастона:

– Вау, адский бросок, Пит! – И они с кузеном Дезом соударились ладонями.

– Разве взрослый мужчина назовет себя Дезом? – буркнул Адам.

– Что?

– Ничего.

Коринн закусила губу.

– Наверное, мы опоздали на пару минут. Явились за сорок пять минут до игры, а тренер велел быть за час.

– Сомневаюсь, что причина в этом.

– Надо было выехать раньше.

Адаму захотелось сказать, что у них есть проблемы поважнее, и, может быть, сейчас это помогло бы отвлечься. Команда противника набирала очки. Родители стонали и обсуждали ситуацию: что делали не так защитники, из-за чего пропущен гол.

На поле выбежал Томас.

Адам почувствовал, как от жены волнами изошло облегчение. Лицо Коринн смягчилось. Она улыбнулась и спросила:

– Как дела на работе?

– Теперь тебе интересно?

– Прости. Ты знаешь, как я к этому отношусь.

– Знаю.
– Поэтому ты меня типа и любишь.
– Типа того.
– И еще, – сказала она, – за мою задницу.
– Да ты разошлась.
– У меня и сейчас еще отличная задница, правда?
– Мирового класса, на высший балл, стопроцентный филей, без наполнителей.

– Ну, – сказала она с лукавой улыбкой, которой одаривала его крайне редко. – Может, один наполнитель и есть.

Боже, он любил эти редчайшие моменты, когда жена расслаблялась и даже становилась чуть порочной. На долю секунды он забыл о незнакомце. На долю секунды, не больше. «Почему сейчас?» – удивился Адам. Коринн отпускала такие шуточки два-три раза в год. Почему сейчас?

Он покосился на нее. Коринн надела гвоздики с бриллиантами, которые он купил ей в магазинчике на Сорок седьмой улице. Адам подарил их жене на пятнадцатую годовщину в китайском ресторане «Бамбуковый дом». Первоначально у него была мысль как-нибудь исхитриться и засунуть сережки в печенье с предсказаниями. Коринн любила вскрывать его, но не есть. Однако идею реализовать не удалось. В конце концов официант просто принес ей гвоздики на тарелке, накрытой металлической крышкой. Банально, избито, неоригинально, и Коринн это понравилось. Она заплакала, обхватила Адама руками и сжала крепко-крепко; он даже задумался: обнимали ли так хоть раз какого-нибудь еще мужчину на свете?

С тех пор Коринн снимала гвоздики только на ночь да еще когда плавала в бассейне – боялась, что хлорка разест оправу. Другие сережки лежали без употребления в шкатулке для украшений, запертой в шкафу, как будто надеть их вместо юбилейных бриллиантовых было бы своего рода предательством. Они для нее что-то значили – явились символом свершения надежд, любви, почета и уважения, и, право слово, разве такая женщина может симулировать беременность?

Коринн смотрела на поле. Мячом владели нападающие, в этой линии сейчас играл и Томас. Адам чувствовал, как жена застывает всякий раз, когда мяч оказывается поблизости от сына.

Потом Томас сыграл очень удачно: снял мяч прямо с палки защитника, подобрал его и направил к цели.

Мы притворяемся, что это не так, но на самом деле следим только за своим ребенком. Когда Адам был молодым отцом, он находил эту родительскую сосредоточенность на родном чаде даже досадной. Вы идете

на спортивную игру, на концерт или куда-то там еще и, конечно, смотрите на всех и вся, но видите только собственное дитя. Все и вся прочие становятся фоновым шумом, задним планом картины. Вы смотрите на своего ребенка, и вам кажется, будто на него направлены огни софитов, только на него, а оставшаяся часть сцены, поля или площадки затенена, и вы чувствуете тепло – такое же, что ощущал в груди Адам, когда сын ему улыбался. Даже находясь в окружении других родителей и других детей, Адам ясно сознавал, что каждый отец и каждая мать испытывают то же самое – у каждого родителя свой софит, направленный на своего ребенка, и есть в этом что-то утешительное, и так и должно быть.

Теперь сосредоточенность на ребенке не вызывала прилива высоких чувств. Эта концентрация всего внимания на одной фигуре воспринималась уже не как проявление любви, а скорее как одержимость, ибо лупа для изучения лишь одного предмета – это нездорово, бездумно и даже разрушительно.

Томас побежал отдыхать и бросил мяч Полу Уильямсу. Терри Зобель был открыт и мог забить, но не успел сделать бросок – судья дунул в свисток и поднял желтый флаг. Фредди Фриднаш, игрок середины поля из команды Томаса, был удален на одну минуту за опасную игру клюшкой. Собравшиеся в уголке отцы впали в коллективную истерику: «Ты что, шутки шутишь, судья?», «Рассвистелся!», «Ты, наверно, слепой!», «Облажался!», «Наказывай тогда обоих!».

Тренеры подхватили волну и тоже включились. Даже Фредди, который трусил по полю, замедлил шаг и покачал головой, глядя на рефери. Другие родители присоединились к хору жалобщиков. Стадное чувство в действии.

– Ты видел удар? – спросила Коринн.

– Я туда не смотрел.

Подошла Бекки Эванс, жена Триппа.

– Привет, Адам. Привет, Коринн.

Из-за удаления мяч сейчас находился в зоне защиты, далеко от Томаса, а потому оба они оглянулись и обменялись с Бекки улыбками. Бекки Эванс, мать пятерых детей, была почти сверхъестественно бодра и весела, она всегда улыбалась и говорила всем добрые слова. Адам с подозрением относился к таким людям. Ему нравилось заставлять этих счастливых мамаш в те моменты, когда они бывали безоружны и улыбка сходила с их лиц или становилась деревянной. Как правило, ему это удавалось, но не с Бекки. Ее постоянно можно было видеть развозящей детей по разным местам в «додже дуранго»: улыбка сияет, заднее сиденье загружено детьми и всякими причиндалами. Большая часть материнского распорядка дня

растрачивалась на повседневные заботы, но сама Бекки, казалось, питалась этим и только набирала силу.

– Привет, Бекки, – отозвалась Коринн.

– Скажи, отличная погода для игры?

– Конечно, – подтвердил Адам. А что тут еще скажешь?

Снова прозвучал свисток – очередное нарушение, связанное с опасной игрой клюшкой, – в пользу команды соперников. Отцы опять впали в неистовство и даже начали выражаться. Адам нахмурился, не одобряя их поведение, но ничего не сказал. Включался ли он таким образом в решение проблемы? Он удивился, заметив, что возглавляет бунтующих насмешников очкарик Кэл Готтсман. Кэл, сын которого Эрик быстро прогрессировал в роли защитника, работал страховым агентом в Парсиппани. Адам всегда считал его воспитанным человеком с приятными манерами, хотя немного туповатым и склонным поучать других. Однако недавно заметил, что поведение Кэла Готтсмана становится все более странным и эти изменения находятся в прямой зависимости от успехов сына. За последний год Эрик подрос на шесть дюймов и теперь играл защитником в стартовом составе. Кэл был окружен шумным вниманием коллег, и нередко можно было видеть, как он меряет шагами кромку поля и разговаривает сам с собой, хотя раньше вел себя за боковой крайне сдержанно.

Бекки придвинулась ближе:

– Вы слышали о Ричарде Фи?

Ричард Фи был вратарем.

– Его отправили в бостонский колледж.

– Но он же первый год в школе, – сказала Коринн.

– Я знаю. Не начнут ли они отбирать их, едва выйдут из чрева?

– Это странно, – согласилась Коринн. – Откуда им знать, каким он будет студентом? Он только что поступил в старшую школу.

Бекки и Коринн продолжили разговор, но Адам уже отключился и не слушал их. Женщины, похоже, не обратили на это внимания, и Адам охотно посчитал, что ему дозволяется покинуть двух леди и, может быть, остаться ненадолго наедине с собой. Он клюнул Бекки в щеку и отправился восвояси. Бекки и Коринн были знакомы с детства. Обе они родились в Седарфилде. Бекки никогда не уезжала из города.

Коринн повезло меньше.

Адам решил выкроить себе местечко на половине пути между группами матерей и отцов. Он оглядел компанию папаш. Трипп Эванс поймал его взгляд и с понимающим видом кивнул. Трипп, может быть, и

сам не хотел тереться в этой толпе, но он был заводилой. «Местная знаменитость, – подумал Адам. – Вот и трудись».

Когда рожок протрубил окончание первой четверти, Адам посмотрел на жену. Она продолжала болтать с Бекки, обе выглядели оживленными. Адам задержал на них взгляд лишь на мгновение – потерянный, испуганный. Он слишком хорошо знал Коринн. Он знал о ней все. И парадокс, но из-за того, что он так хорошо ее знал, в словах незнакомца ему слышался отзвук правды.

Как мы будем защищать свою семью?

Протрубил рожок. Игроки вышли на поле. Каждый родитель восторженно и проверил, появился ли в игре его ребенок. Томас появился. Бекки продолжала разговор. Коринн притихла, молча кивала, но в центре ее внимания находился Томас. У Коринн с фокусировкой все было отлично. Поначалу Адаму нравилась в жене эта черта. Она знала, чего хочет от жизни, и направляла лазерный луч внимания на те цели, которые помогали достичь желаемого. Когда они познакомились, у Адама были неопределенные планы на будущее – что-то вроде работы на благо униженных и оскорбленных, – но он не представлял, где хочет обосноваться, какой образ жизни предпочесть, во что превратить свое существование и как завести семью. Все это виделось далеким и расплывчатым, и вдруг резким контрастом на его пути появляется женщина – импозантная, красивая, умная, которая точно знает, что им делать.

В сложившихся обстоятельствах это освобождало от многих проблем.

Именно в тот момент, когда Адам дошел до осмысления решений (или отсутствия таковых), которые привели его в день сегодняшний, Томас получил мяч, сделал обманное движение в центре поля, ушел вправо, отвел клюшку назад, размахнулся и прекрасным низким ударом отправил мяч прямо в угол.

Гол.

Матери и отцы взревели от восторга. Томаса окружили и поздравляли товарищи по команде, дружески хлопая по шлему. Сын стоял спокойно, следуя старинному совету: «Веди себя так, будто иначе и быть не могло». Но даже с большого расстояния, даже за маской и капой, Адам видел, что Томас, его старший сын, улыбается, что он счастлив, и понимал: это его, Адама, как отца задача первостепенной важности – сделать так, чтобы этот мальчик и его брат продолжали радостно и беззаботно улыбаться.

На что он ради этого пойдет?

На что угодно.

Однако от ваших действий и готовности к самопожертвованию зависит

не все. В жизни есть место и удаче, и случайному стечению обстоятельств, и хаосу. Адам, конечно, будет делать все возможное для защиты своих детей. Но в то же время он откуда-то знал, причем с абсолютной уверенностью, что этого не хватит; что удача, случай и хаос имеют свои планы; что счастье и благополучие скоро растворятся в тихом весеннем воздухе.

Глава 7

К концу игры Томас забил два гола, чем обеспечил команде победу меньше чем за двадцать секунд до финального свистка.

В циничном отношении Адама к чрезмерному увлечению спортом была доля лицемерия: несмотря ни на что, когда Томас забил последний гол, Адам подпрыгнул, сжал руку в кулак и выкрикнул: «Да!» Нравится ему это или нет, но он почувствовал прилив чистой, неразбавленной радости. Эту радость порождало понимание того, что сын еще более счастлив, и вполне естественно и нормально для отца иметь такие чувства при успехах своего ребенка. Адам напомнил себе, что он не из тех родителей, которые живут исключительно жизнью своих детей или смотрят на лакросс как на пропуск в хороший колледж. Он любил лакросс по одной простой причине: его сыновьям нравилось играть в эту игру.

Но родители чего только себе не наговорят. Вспомним хорватского горбуна.

По окончании игры Коринн отвезла Райана домой на своей машине. Она собиралась приготовить ужин. Адам ждал Томаса на парковке у старшей школы Седарфилда. Было бы, конечно, проще забрать его сразу после игры, но существовали правила страхования, согласно которым детей должны были возвращать в школу на принадлежавшем команде автобусе. Поэтому Адам поехал вслед за ним в Седарфилд и вместе с другими родителями дождался, пока дети выгрузятся. Он вылез из машины и подошел к заднему входу в школу.

– Эй, Адам.

К нему приблизился Кэл Готтсман. Адам поздоровался. Отцы пожали друг другу руки.

– Мощная победа, – начал Кэл.

– А то.

– Томас играл чертовски здорово.

– И Эрик тоже.

Очки никогда не сидели на носу у Кэла как надо, вечно съезжали вниз, и Кэл был вынужден постоянно подталкивать их обратно указательным пальцем, но они тут же пускались в новое носовое странствие.

– Вы, кажется, чем-то расстроены.

– Простите?

– Во время игры, – пояснил Кэл. У него был своеобразный голос:

с таким, что ни скажешь, получается жалобный скулеж. – Вы выглядели, не знаю, как это описать... озабоченным, что ли.

– Правда?

– Да. – Кэл подтолкнул очки кверху. – Я даже заметил в вашем выражении, как бы это лучше выразить... отвращение, что ли, да.

– Я не вполне понимаю, что...

– Когда я поправлял рефери.

«Поправлял», – язвительно подумал Адам. Но ему не хотелось вдаваться в подробности.

– Я даже не заметил.

– А должны были. Судья собирался свистнуть Томасу кросс-чек, когда тот получил мяч в зоне Х.

Адам поморщился:

– Я не понимаю.

– Я нарочно наехал на судью, – пояснил Кэл заговорщицким тоном. – Вы должны были оценить. Сегодня это пошло на пользу вашему сыну.

– Верно, – сказал Адам. Потом его вдруг заело: кто, черт возьми, этот мужик, чтобы подходить к нему с подобными разговорами? И он добавил: – А зачем мы подписывали спортивный кодекс чести в начале сезона?

– Какой?

– А тот, в котором обещали не оскорблять ни игроков, ни тренеров, ни судей, – пояснил Адам. – Тот самый.

– Как вы наивны, – ответил Кэл. – Вы знаете, кто такой Московиц?

– Он живет на Спенсер-плейс? Торгует облигациями?

– Нет, нет, – отозвался Кэл, нетерпеливо прищелкнув пальцами. – Профессор Тобиас Московиц из Чикагского университета.

– О нет.

– Пятьдесят семь процентов.

– Что?

– Исследования показывают, что команды выигрывают домашние матчи в пятидесяти семи процентах случаев, что мы и называем преимуществами домашнего поля.

– И что?

– А то, что домашнее преимущество – это реальность. Оно существует. Во всех видах спорта, во все времена и везде в мире. Профессор Московиц утверждает, что это явление наблюдается с завидным постоянством.

Адам повторил свое:

– И что?

– Наверно, вы слышали множество разумных объяснений этого преимущества. Усталость от дороги – гостевой команде приходится ехать на автобусе, лететь или добираться каким-то иным способом. Или, может быть, вы слышали о знакомстве с игровым полем. Или о том, что одни команды привычны к холодной погоде, а другие – к теплой...

– Мы живем в соседних городах, – заметил Адам.

– Да, точно, и это только подтверждает мои слова.

Адам был не в настроении трепаться. Где же Томас?

– Итак, – продолжил Кэл, – вы знаете, что обнаружил Московиц?

– Простите?

– Как вы думаете, Адам, чем объясняется преимущество домашнего поля?

– Я не знаю, – сказал Адам. – Может, поддержкой зрителей.

Кэлу Готтсману явно понравился этот ответ.

– Да. И нет.

Адам старался удержаться от вздоха.

– Профессор Московиц и другие ему подобные провели исследования преимуществ выступления на домашнем поле. Они не утверждают, что такие вещи, как усталость от переезда, не являются действующими факторами, но эти теории подкреплены слишком слабо – всего несколько анекдотических случаев. Нет, факт налицо: только одна причина преимущества выступления на своем поле имеет твердые, разумные объяснения. – Кэл поднял указательный палец на случай, если Адам не в курсе, что значит «одна». Потом, чтобы не показаться слишком мягким, он добавил: – Только одна.

– И в чем она?

Кэл спрятал палец в кулак.

– В предвзятости судей. И все. Домашняя команда получает больше свистков в свою пользу.

– То есть вы утверждаете, что игру делают судьи?

– Нет-нет. Смотрите, это ключ к исследованию. Арбитры не то чтобы намеренно подыгрывают команде хозяев. Тенденциозность в судействе почти неосознанна. Она имеет отношение к социальному приспособленчеству. – Теперь завязки шляпы ученого были крепко затянуты под челюстью Кэла. – Если коротко, то мы все хотим нравиться. Судьи, как и все люди, социальные существа, они впитывают эмоциональный настрой зрителей и при всяком удобном случае дают свисток, который порадует толпу. Вы когда-нибудь смотрели баскетбольный матч? Тренеры обрабатывают судей, потому что лучше всех

понимают человеческую натуру. Понимаете?

Адам медленно кивнул:

– Да.

– В том-то и дело, Адам. – Кэл развел руками. – Суть домашнего преимущества – в человеческом желании не идти наперекор и вызывать симпатии.

– И поэтому вы кричите на судей...

– На выездных матчах, – перебил его Кэл. – Я считаю, что дома нужно использовать свои преимущества. А на выездных матчах, конечно, говоря по-научному, это необходимо для поддержания баланса. Если просто стоять молча, можно навредить самим себе.

Адам посмотрел в сторону.

– Что?

– Ничего.

– Нет, вы скажите. Вы же адвокат? Постоянно участвуете в противоборствах.

– Да, участвую.

– И делаете все, что в ваших силах, чтобы воздействовать на судью или защитника противной стороны.

– Да.

– И что?

– Ничего. Я вас понял.

– Но вы со мной не согласны.

– Мне правда совсем не хочется вступать в дискуссию.

– Но ситуация предельно ясная.

– Ясная.

– Так в чем же дело?

Адам колебался, но потом решил, что почему бы и нет.

– Это всего лишь игра, Кэл. Домашнее преимущество – ее составляющая. Потому-то часть матчей и играется дома, а часть – на выезде. Так соблюдается баланс. По-моему – и это мое сугубо личное мнение, – вы защищаете нечестное поведение. Лучше просто оставить все как есть – неправильные свистки и прочее. Для ребят это будет лучшим уроком, чем освистывание судьи. И если мы проиграем еще одну или две игры за год, в чем я сомневаюсь, то это невысокая цена за соблюдение приличий и достоинство. Вам так не кажется?

Кэл Готтсман начал обрабатывать полученную информацию, когда из раздевалки вышел Томас. Адам протянул руку и сказал:

– Не беда, Кэл, это всего лишь мое мнение. Извините меня, лады?

Адам заторопился к машине, следя краем глаза, как сын пересекает поле. Походка становится особенной, когда человек удовлетворен победой. Томас держался прямее, шаг был пружинистый, лицо чуть не светилось. Адам знал, что он не хочет предаваться торжеству, пока не окажется в машине. Томас помахал рукой нескольким приятелям, тонкий политик. Райан держался в тени, а вот его брат вполне мог стать мэром этого городка.

Томас забросил спортивную сумку на заднее сиденье. Резкий запах пропотевших «доспехов» пошел в газовую атаку. Адам опустил стекла. Это немного облегчило положение, но недостаточно, особенно после игры в жаркую погоду. Томас дождался, пока они отъедут на квартал от школы, и только тогда позволил себе засиять.

– Ты видел первый гол?

Адам ухмыльнулся:

– Так себе.

– Да. Только во второй раз я ударил слева.

– Это был хороший ход. И победитель тоже мил.

Некоторое время они продолжали в том же духе. Вроде бы хвастовство, но на самом деле нечто совершенно противоположное. С товарищами по команде и тренерами Томас вел себя скромно и сдержанно. Он всегда отдавал должное другим – игроку, который сделал пас, или тому, кто перехватил мяч, – и очень смущался, когда становился центром внимания на спортивной площадке.

Но в кругу семьи Томас чувствовал себя комфортно и давал волю эмоциям. Он любил обсуждать детали игры: не только свои голы, но всю игру – что сказали другие ребята, кто проявил себя хорошо, кто плохо. Дом был для этого безопасной гаванью – семейной цитаделью чести, если хотите. Как бы банально это ни звучало, именно такой должна быть семья. Томас говорил свободно, ему не нужно было беспокоиться, не выглядит ли он хвастуном, задавакой или еще кем в том же роде.

Едва Томас переступил порог, Коринн крикнула:

– Он дома!

Герой дня небрежно скинул мятую сумку с плеча и оставил ее в прихожей. Позволил матери обнять себя.

– Отличная игра, дорогой.

– Спасибо.

Райан поднял руку, чтобы поздравить брата, и они стукнулись кулаками.

– Что на ужин? – спросил Томас.

– В гриле жарятся маринованные стейки-юбочки.

– О да.

Стейки Томас любил. Не желая никому портить настроение, Адам дежурно поцеловал жену. Все умылись. Райан накрыл на стол, что означало – Томас будет убирать. На столе стояла вода для всех, для взрослых Коринн налила два бокала вина, а еду выставила на кухонный островок. Каждый взял тарелку и положил себе то, что хотел.

Это был до боли обычный, хотя и приготовленный с любовью семейный ужин, но Адама не покидало ощущение, что под столом тикает бомба. Теперь это был только вопрос времени. Ужин закончится, и мальчики займутся уроками или станут смотреть телевизор, а может, сядут за компьютер или включат видеоигру. Подождет ли он, пока Томас и Райан улягутся спать? Возможно, так и будет. Если не учитывать тот факт, что в последние год или два то он, то Коринн ложились раньше Томаса. Так что Адаму придется отправить старшего сына в его комнату и проследить, чтобы тот закрыл за собой дверь. И только после этого он предъявит жене то, что узнал.

Тик, тик, тик...

Весь ужин Томас удерживал всеобщее внимание. Райан увлеченно слушал. Коринн рассказала, как в Атлантик-Сити один учитель напился и его стошнило в казино. Мальчишкам понравилось.

– Ты выиграла сколько-нибудь? – спросил Томас.

– Я никогда не играю в азартные игры, – ответила Коринн, – и тебе тоже не следует этого делать.

Сыновья вылупили глаза.

– Я серьезно. Это ужасный грех.

Теперь оба мальчика качали головой.

– Что?

– Ты иногда такая нудная, – сказал Томас.

– Я не нудная.

– Всегда, когда читаешь нотации, – со смехом добавил Райан. – Хватит уже.

Коринн посмотрела на Адама, ища поддержки:

– Ты слышишь своих сыновей?

Адам пожал плечами. Тему сменили. Адам не помнил на какую. Ему было трудно сосредоточиться. Он будто смотрел киномонтаж своей собственной жизни – о счастливой семье, которую они с Коринн создали. Вот они ужинают и наслаждаются обществом друг друга. Он почти видел, как камера медленно объезжает стол, выхватывая лица, показывая спины.

Это была такая обычная картинка, такая затасканная, такая совершенная.

Тик, тик, тик...

Получасом позже на кухне был наведен порядок. Мальчики отправились наверх. Как только они скрылись из вида, улыбка сошла с лица Коринн. Она повернулась к Адаму:

– Что стряслось?

Забавно, когда подумаешь об этом. Он прожил с Коринн восемнадцать лет, видел ее в самых разных состояниях и настроениях; испытал на себе все ее эмоции. Он знал, когда к ней подойти, когда лучше держаться подальше, когда ее нужно обнять или сказать доброе слово. Он знал ее настолько хорошо, что мог заканчивать за нее фразы и даже додумывать мысли. Он знал о ней все.

И в этом, подумал он, нет ничего удивительного. Он изучил свою жену так досконально, что выдвинутое незнакомцем обвинение не казалось ему абсолютно невероятным.

И все же вот этого он не предугадал. Он не понимал, что Коринн тоже легко прочитывает супруга, и, несмотря на все его старания не выдать своей тревоги, она поняла: мужа что-то сильно расстроило, и это не обычная мелкая неприятность, нормальная вещь, а нечто крайне важное – возможно, даже роковое.

Коринн стояла в ожидании удара. И он его нанес.

– Ты симулировала беременность?

Глава 8

Незнакомец сидел за угловым столиком в «Красном лобстере» в Бичвуде, Огайо, недалеко от Кливленда.

Он вертел бокал с фирменным коктейлем «Красного лобстера» – «Манго май-тай». Креветки в чесночном соусе начали застывать и превращаться в нечто похожее на замазку для стыков кафельной плитки. Официант дважды пытался забрать тарелку, но незнакомец его отгонял. Напротив сидела Ингрид. Она вздохнула и посмотрела на часы:

– Это будет самый длинный обед в истории.

Незнакомец кивнул:

– Почти два часа.

Они следили за столиком, занятым четырьмя женщинами, которые пили уже по третьему фирменному коктейлю, и бокалы были пока опустошены лишь на треть. Две из них управились с «Крабовым праздником» – блюдом из всякой всячины, которое подается на тарелке диаметром с крышку люка. Третья заказала «Альфредо» – лингвини с креветками. В уголках ее накрашенного розовой помадой рта налип сливочный соус.

Имя четвертой женщины было им известно – Хейди Данн, из-за нее они тут и сидели. Хейди заказала жаренного на дровяном гриле лосося. Ей было сорок девять: крупная, жизнерадостная, с соломенными волосами. Она была одета в топ с тигровым рисунком и гуляющим вырезом. Хейди смеялась заливисто, но мелодично. Незнакомец слушал это последние два часа. В этом звуке было нечто завораживающее.

– Она начинает мне нравиться, – произнес он.

– Мне тоже. – Ингрид обеими руками откинула назад светлые волосы, собрала их в воображаемый хвост и отпустила. Она делала это часто. Волосы у нее были длинные и очень прямые, отчего постоянно падали на лицо. – Знаешь, а тут определенно есть какая-то искра жизни.

Он прекрасно понял, о чем идет речь.

– В конце концов, – добавила девушка, – мы делаем ей одолжение.

Это было обоснованное утверждение. Незнакомец согласился. Если фундамент сгнил, нужно сносить весь дом. Его нельзя подправить, наложив слой краски или прибив несколько деревянных планок. Он это знал. Он это понимал. Он жил этим.

Он в это верил.

Но это не означало, что он наслаждался, когда подкладывал бомбы. Просто так он смотрел на жизнь: взрывал дома с прогнившим фундаментом, но никогда не задерживался посмотреть, будет ли дом воссоздан и как это произойдет. Даже узнать, не остался ли кто внутри разлетающегося на куски здания, не удосуживался.

Официантка принесла подружкам счет. Они принялись осторожно рыться в кошельках и вынимать бумажки. Женщина, которая ела лингвини, произвела подсчет, точно разделив сумму на всех. Две любительницы «Крабового праздника» одновременно выложили на стол банкноты, а после каждая открыла кошелек с мелочью, как будто расстегнула проржавевший пояс верности.

Хейди просто бросила в общую кучу две двадцатки.

Нечто в том, как она это сделала – аккуратно и с легкостью, – тронуло незнакомца. Он решил, что у Даннов все хорошо с деньгами, хотя кто знает – в сегодняшнем-то мире? Хейди и ее муж Марти были женаты двадцать лет. У них было трое детей. Старшая дочь Кимберли училась на первом курсе в Нью-Йоркском университете на Манхэттене. Двое мальчиков, Чарли и Джон, еще ходили в школу. Хейди работала в косметических отделах коммерческого центра «Маки'с» на Университетских высотах. Марти Данн был вице-президентом торговой и маркетинговой фирмы «ТТИ – уход за полом» в Гленвиллоу. ТТИ занималась только пылесосами. Она владела марками «Хувер», «Орек», «Ройал», а подразделение, где последние одиннадцать лет работал Марти, специализировалось на пылесосах линейки «Дерт дьявол». Марти нередко бывал в командировках – по большей части ездил в Бентонвилль, Арканзас, потому что там находился головной офис корпорации «Уолмарт».

Ингрид рассматривала лицо незнакомца.

– Я справлюсь сама, если хочешь.

Он покачал головой. Это его работа. Ингрид находилась здесь только потому, что ему нужно было подойти к женщине, а это иногда выглядит странно. Но если подходят мужчина и женщина? Никаких подозрений. Мужчина подходит к мужчине, скажем, в баре или холле Американского легиона? Тоже нормально. Но если двадцатисемилетний мужчина подойдет к сорокадевятилетней женщине, например, в «Красном лобстере»?

Возможны неожиданные затруднения.

Ингрид уже оплатила счет, поэтому поднялись они быстро. Хейди приехала одна на сером «ниссане-центра». Незнакомец с Ингрид припарковали взятую напрокат машину за два места от Хейди. Они ждали ее на стоянке с ключами в руках, изображая, что собираются сесть в тачку и

уехать.

Они не хотели привлекать к себе внимание.

Через пять минут четверка женщин вышла из ресторана. Может быть, Хейди наконец останется одна? Полной уверенности в этом не было. Кто-то из подруг мог проводить ее до машины. В этом случае придется ехать за Хейди до дома и либо пытаться переговорить с ней там (а подлавливать жертву на ее территории – плохая идея: в этом случае люди чувствуют себя более защищенными), либо дожидаться, пока она снова куда-нибудь выйдет.

Женщины обнимались на прощание. Незнакомец видел, что Хейди в этом деле мастерица. Она обнимала от всей души, не напоказ. Когда Хейди заключала кого-то в объятия, она закрывала глаза, и обнятый делал то же. Вот какое это было обнимание.

Три другие женщины разошлись в разные стороны. Отлично.

Хейди направилась к машине. На ней были брюки капри. Из-за высоких каблук и выпитого она слегка покачивалась, но справлялась, напуская важность. Она улыбалась. Ингрид кивнула знакомцу: мол, готова. Они оба приняли как можно более безобидный вид.

– Хейди Данн?

Незнакомец постарался сохранить дружелюбное или в худшем случае нейтральное выражение лица. Хейди обернулась и встретила с ним взглядом. Улыбка сошла с ее лица, словно утянутая якорем.

Она догадалась.

Он не был удивлен. Многие каким-то образом понимали, хотя нежелание вступать в контакт тоже проявлялось не раз. Однако в этой женщине незнакомец почувствовал силу и мудрость. Хейди уже сообразила: его слова изменят все.

– Да?

Незнакомец научился сразу переходить к сути дела. Не надо спрашивать жертву, есть ли у нее время поговорить, или не хочет ли она присесть или пройти в какое-нибудь тихое место. Начинайте сразу.

– Что?

– С виду это современный онлайн-сервис знакомств. Но на деле все иначе. Мужчины – предположительно богатые, имеющие свободные деньги, – регистрируются там для интимных встреч. Слыхали?

Хейди разглядывала его еще секунду. Потом перевела глаза на Ингрид. Та попыталась ободряюще улыбнуться.

– Кто вы такие?

– Это не важно, – ушел от ответа незнакомец.

Некоторые люди сопротивлялись. Другие, глядя на вещи широко, понимали, что это напрасная трата времени. Хейди принадлежала ко второй группе.

– Нет, никогда о таком не слышала. Похоже, это один из сайтов, которые женатые мужчины используют для измен.

Незнакомец неопределенно повел головой и сказал:

– Не совсем. Этот сайт обеспечивает транзакции для бизнеса, если вы понимаете, о чем я.

– Я вообще ничего не понимаю, – ответила Хейди.

– Вам нужно при случае почитать материалы. Сайт говорит, что всякие отношения – это на самом деле транзакция, и еще о том, как важно четко определить роли, знать, чего ждут от вас и какие надежды возлагаются на вашего любовника.

Хейди начала бледнеть.

– Любовника?

– Вот как это работает, – продолжил незнакомец. – Например, мужчина регистрируется. Он просматривает список женщин, как правило, значительно моложе себя. Находит ту, что ему нравится. Если она принимает его, они начинают торговаться.

– Торговаться?

– Он подыскивает себе сладкую крошку, назовем это так. Сайт определяет ее как женщину, которую он пригласит на ужин или возьмет в качестве сопровождающей на бизнес-конференцию, и все в таком роде.

– Но на самом деле происходит совсем не это, – сказала Хейди.

– Нет, – подтвердил незнакомец, – происходит не это.

Хейди издала долгий вздох и положила руки на бедра:

– Продолжайте.

– И они торгуются.

– Богатый парень и сладкая крошка.

– Именно так. Сайт морочит девушке голову. Говорит, как все четко определено; что при таких встречах все по-честному и это не игра; что мужчины богаты и утонченны, будут обращаться с ней хорошо, покупать подарки и возить в экзотические места за моря-океаны.

Хейди покачала головой:

– И девушки ловятся на это?

– Некоторые – возможно. Но я сомневаюсь, что многие. Большинство понимают, на что идут.

Казалось, что Хейди готовилась к визиту незнакомца, ждала этой новости. Теперь она была спокойна, хотя он улавливал опустошение,

произведенное его словами.

– И так они торгуются? – подтолкнула она к продолжению.

– Точно. Наконец они достигают понимания. И все оговаривается в онлайн-контракте. В одном случае, к примеру, молодая женщина соглашается быть с мужчиной пять раз в месяц. Они прописывают возможные дни недели. Он предлагает восемьсот долларов.

– За каждый раз?

– В месяц.

– Дешево.

– Ну, это только начало. Она выставляет свою цену в две тысячи долларов. Они повышают и снижают ставки.

– И договариваются? – спросила Хейди.

Глаза ее были мокры.

Незнакомец кивнул.

– В нашем случае они остановились на двенадцати сотнях в месяц.

– Это четырнадцать тысяч четыреста долларов в год, – с горькой усмешкой произвела подсчет Хейди. – У меня хорошо с математикой.

– Все правильно.

– А девушка? – спросила Хейди. – Что она сообщает о себе? Погодите, не говорите. Она представляется студенткой колледжа, которой нужна помощь в оплате учебы.

– В нашем случае – да.

– Ух, – сказала Хейди.

– И в нашем случае, – добавил незнакомец, – девушка говорит правду.

– Она студентка? – Хейди покачала головой. – Ужасно.

– Но наша девушка на этом не останавливается, – продолжил незнакомец. – Девушка намечает другие дни для встреч с другими сладкими папиками.

– О, это жуть.

– Так что с одним она всегда по вторникам, с другим – по четвергам. Кому-то еще достаются выходные.

– Сумма увеличивается. Денег, я имею в виду.

– Увеличивается.

– Не говоря уже о венерических заболеваниях, – сказала Хейди.

– Это я не берусь комментировать.

– В смысле?

– В смысле, мы не знаем, пользуется ли она презервативами. Ее медицинская карта нам тоже недоступна. На самом деле мы вообще не в курсе, чем она занимается со всеми этими мужчинами.

– Сомневаюсь, что она играет в криббидж.

– Я тоже.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Незнакомец посмотрел на Ингрид. Та в первый раз заговорила:

– Потому что вы вправе знать.

– Это все?

– Да, это все, что мы можем вам рассказать, – завершил беседу незнакомец.

– Двадцать лет. – Хейди качала головой и старалась сдержать слезы. – Эта скотина...

– Простите?

– Марти. Скотина.

– О, мы говорим не о Марти, – возразил незнакомец.

Тут Хейди впервые пришла в полное замешательство:

– Что? Тогда о ком?

– Мы говорим о вашей дочери, Кимберли.

Глава 9

Коринн приняла удар, пошатнулась, но осталась стоять.

– О чем ты, черт возьми, говоришь?

– Давай пропустим эту часть, – попросил Адам.

– Что?

– Ту часть, где ты притворяешься, будто не имеешь понятия, о чем я говорю. Давай опустим отпирательства, ладно? Я знаю, что ты подделала беременность.

Она попыталась собраться, единым махом сложить себя из кусочков.

– Если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

– А как насчет мальчиков?

Это ее озадачило:

– А что с ними?

– Они мои?

Глаза Коринн расширились.

– Ты спятил?

– Ты подделала беременность. Кто знает, на что еще ты способна?

Коринн стояла неподвижно.

– Ну?

– Боже, Адам, посмотри на них.

Он молчал.

– Конечно, они твои.

– Есть тесты, ты знаешь. Генетические. Их можно купить в «Волгринс», и не надо кричать.

– Так купи, – рявкнула Коринн. – Дети – твои. И ты это знаешь.

Они стояли по разные стороны кухонного островка. Даже сейчас, даже в состоянии злости и смятения он не мог не замечать, как она красива. Он не мог поверить, что из всех парней, домогавшихся ее, она каким-то чудом выбрала его. Коринн была из тех девушек, на которых мужчины хотят жениться. Так глупо смотрят парни на женщин в молодые годы. Они делят их на два лагеря. В один попадают те, что вызывают в молодых людях мысли о полных страсти ночах и ногах, задранных к небу. Другой лагерь возбуждает мечты о прогулках при луне, шатрах и свадебных обетах. Коринн точно принадлежала ко второму.

Мать Адама была эксцентрична до такой степени, что ее заносило в оба лагеря. Именно это по глупости привлекло его отца. «Ее выходки» –

так объяснял он сам. Но выходки со временем превратились в подобие мании. Они были веселые и спонтанные, однако непредсказуемость матери вымотала отца, состарила его. У них бывали высокие взлеты, но рано или поздно они уничтожались растущим числом серьезных падений. Адам не совершил отцовской ошибки. Жизнь – это серия ответных реакций. Реакцией Адама на промашку отца стала женитьба на женщине, которую он считал уравновешенной, последовательной, управляемой, как будто люди так уж просты.

– Расскажи мне, – сказал Адам.

– Почему ты думаешь, что я подделала беременность?

– Из-за платежа по карте «Виза» фирме «Новые игрушки», – объяснил Адам. – Ты сказала, что это за украшения для школы. Ничего подобного. Под этим названием выставляет счета сайт Fake-A-Pregnancy.com.

Вид у Коринн был сконфуженный.

– Я не понимаю. С чего вдруг ты стал проверять счета двухлетней давности?

– Это не важно.

– Для меня важно. Ты не начал бы копаться в старых квитанциях просто так.

– Ты сделала это, Коринн?

Она опустила взгляд на гранитную столешницу кухонного островка. Коринн потратила целую вечность на выбор цвета и в конце концов остановилась на варианте под названием «Коричневый Онтарио». Сейчас она зацепилась взглядом за какую-то присохшую к поверхности грязь и принялась отскабливать ее ногтем.

– Коринн?

– Помнишь, у меня был перерыв на два урока в обеденное время?

Резкое изменение темы на миг сбilo Адама с толку.

– При чем тут это?

Грязь отстала. Коринн перестала тереть столешницу.

– За все время моей учительской карьеры это единственный случай, когда у меня было такое большое окно. Мне разрешили уходить из школы на обед.

– Я помню.

– Я ходила в кафе в книжном магазине «Букэндс». Там готовили отличные сэндвичи-панини. Я брала себе один, заказывала стакан домашнего чая со льдом или кофе, садилась в уголке и читала. – На ее лице появилась слабая улыбка. – Это было блаженство.

Адам кивнул:

– Отличная история, Коринн.

– Оставь свой сарказм.

– Нет, что ты, я серьезно, она берет за душу и сейчас так кстати. Я, вообще-то, спрашиваю тебя о симуляции беременности, но эта история и правда гораздо лучше. Так какой панини нравился тебе больше? Мне по вкусу с индейкой и швейцарский.

Коринн закрыла глаза:

– Ты всегда защищаешься сарказмом.

– О, верно, а у тебя всегда было прекрасное чувство момента. Как сейчас, Коринн. Самое время подвергать меня психоанализу.

Теперь в ее голосе зазвучала мольба.

– Я пытаюсь тебе кое о чем сказать.

Адам пожал плечами:

– Так скажи.

Несколько секунд она собиралась с духом, чтобы продолжить. А когда начала говорить, голос зазвучал почти незнакомо.

– Я ходила в «Букэндс» едва ли не каждый день, и по прошествии некоторого времени ты становишься – ну я не знаю, завсегдатаем, что ли. Тебе встречаются одни и те же люди. Это вроде маленького сообщества. Или как в сериале «Веселая компания». Там был Джерри, безработный. И Эдди, амбулаторный больной из клиники «Бергенские сосны». Дебби приносила ноутбук и писала...

– Коринн...

Она подняла руку:

– И еще там была Сюзанн, которая выглядела как беременная месяце на девятом.

Тишина.

Коринн обернулась:

– Где там эта бутылка вина?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Мне нужно еще немного вина.

– Я убрал его в шкафчик над раковиной.

Коринн пошла туда, открыла дверцу и вынула бутылку. Потом взяла бокал и стала его наполнять.

– Сюзанн Хоуп было лет двадцать пять, и это был ее первый ребенок. Ты знаешь, какие они, молодые будущие матери, – все сияют и вне себя от счастья, как будто они первые на свете, кто забеременел. Сюзанн была очень мила. Мы все говорили с ней о беременности и о ребенке. Ты знаешь. Она рассказывала о своих пренатальных витаминах, выбирала имена.

Сюзанн не хотела знать, мальчик у нее будет или девочка. Говорила, пусть будет сюрприз. Она всем нравилась.

Адам подавил саркастическую ремарку, заменив ее очевидным возражением:

– Я думал, ты ходила туда, чтобы почитать в тишине.

– Да. То есть сначала так и было, но по ходу дела мне начал нравиться этот кружок. Знаю, звучит смешно, но я ждала встреч с этими людьми. И было, понимаешь, впечатление, что они существуют только в то время и в том месте. Помнишь, ты раньше играл со случайными людьми в баскетбол? На площадке эти люди тебе симпатичны. Но вне игры ты ничего о них не знаешь. Один был владельцем ресторана, куда мы ходили, а ты этого даже не знал, помнишь?

– Я помню, Коринн. Но не вижу тут никакого смысла.

– Просто пытаюсь объяснить. Я заводила друзей. Люди появлялись и исчезали без предупреждения. Как Джерри. Однажды Джерри исчез. Мы решили, что он нашел работу, но сам он нам об этом ничего не говорил. Просто перестал появляться. Сюзанн тоже. Мы подумали, что она родила ребенка. Она уже перенашивала. И потом, к несчастью, начался новый семестр и двойной перерыв на обед для меня закончился. Я решила, что тоже исчезну. Вот как это бывает. Сменяется циклами, как актерские составы в театре.

Адам понятия не имел, к чему она клонит, но зачем ее торопить? Он и сам теперь хотел, чтобы события разворачивались помедленнее. Ему нужно обдумать все варианты. Адам посмотрел на кухонный стол, за которым только что сидели Томас и Райан, которые ели и чувствовали себя уверенно и спокойно.

Коринн сделала большой глоток вина. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, Адам спросил:

– Ты встречалась с кем-нибудь из них снова?

Коринн почти улыбнулась:

– В этом вся суть истории.

– И какова она?

– Я встретила с Сюзанн. Может быть, месяца через три.

– В «Букэндсе»?

Коринн мотнула головой:

– Нет. В «Старбаксе» в Рамси.

– У нее был мальчик или девочка?

Грустная улыбка промелькнула на губах у Коринн.

– Никого.

Адам не знал, как это понять или как отреагировать, поэтому просто выдохнул:

– Ух.

Коринн поймала его взгляд:

– Она была беременна.

– Сюзанн?

– Да.

– Когда ты встретила с нею в «Старбаксе»?

– Да. Хотя с нашей предыдущей встречи прошло три месяца. И она все еще выглядела беременной на последней стадии.

Адам кивнул, наконец поняв, о чем идет речь.

– Что, разумеется, невероятно.

– Конечно.

– Она симулировала.

– Да. Послушай, в Рамси я поехала случайно – посмотреть новый учебник. Было обеденное время. Сюзанн, наверно, рассчитывала, что никто из «Букэндса» там появиться не может. Этот «Старбакс» расположен минутах в пятнадцати езды от «Букэндса»?

– Минимум в пятнадцать.

– Я заказывала латте у стойки и услышала знакомый голос. Сюзанн была там, сидела в уголке и вещала группе восхищенных завсегдатаев о режиме приема витаминов для беременных.

– Я не понимаю.

Коринн вскинула голову:

– Правда?

– А ты понимаешь?

– Конечно. Я мигом все поняла. Сюзанн вела собрание в углу, и тут я направилась к ней. Когда она меня заметила, то сразу как-то потускнела. Ну, ты можешь представить. Как объяснить, что ты на девятом месяце беременности уже где-то полгода? Я просто стояла там и ждала. Думаю, она надеялась, что я уйду. Но я не уходила. Мне пора было возвращаться в школу, но я потом сказала, что лопнула шина. Кристин меня подменила.

– Вы с Сюзанн в итоге поговорили?

– Да.

– И?

– Она сказала, что живет в Наяке, Нью-Йорк.

«Это в тридцати минутах езды и от „Букэндса“, и от „Старбакса“», – прикинул Адам.

– Она рассказала мне, что родила мертвого ребенка. Едва ли это

правда, хотя чего не бывает. Но вообще-то, история Сюзанн наверняка проще. Некоторым женщинам нравится быть беременными. Не из-за гормонального сдвига или потому, что они ощущают, как внутри растет плод. Причины гораздо основательнее. Это единственный период в их жизни, когда они ощущают себя особенными. Люди придерживают для них двери, спрашивают, как прошел день, интересуются, когда им рожать и как они себя чувствуют. Короче, они пользуются всеобщим вниманием. Это как быть известным человеком. Сюзанн – обычная девушка, ничего особенного в ней нет. Она не произвела на меня впечатления ни умом, ни какими-то другими качествами. Беременность дала ей почувствовать себя знаменитостью. Это было как наркотик.

Адам покачал головой. Он вспомнил рекламный слоган на сайте «Подделай беременность»: «Ничто не сделает вас центром внимания так, как беременность!»

– Значит, она подделала беременность, чтобы забраться на эти высоты?

– Да. Она похлопывала себя по фальшивому животу, ходила по кофейням. Постоянное внимание.

– Но ведь она совсем недолго могла безнаказанно морочить людям голову, – заметил Адам. – Нельзя же быть на девятом месяце беременности больше месяца или двух.

– Правильно. Поэтому она меняла обеденные места. Кто знает, сколько времени она занималась этим или, может, до сих пор занимается. Она сказала, что мужу нет до нее дела. Он возвращается домой и садится к телевизору или торчит с приятелями в баре. И я снова не знаю, правда ли это. Не имеет значения. О, Сюзанн проделывала свой трюк и в других местах. Например, ездила в супермаркет не в своем городе, а отправлялась куда-нибудь подальше, улыбалась людям, и люди улыбались ей в ответ. Если она шла в кино и хотела сидеть на хорошем месте, ей это легко удавалось. То же самое с местами в самолете.

– Вау, – произнес Адам. – Это смахивает на безумие.

– Но до тебя не дошло?

– До меня дошло. Ей надо к психиатру.

– Не знаю. Это выглядит довольно безобидно.

– Прицеплять фальшивый живот, чтобы привлечь к себе внимание?

Коринн пожала плечами:

– Я признаю, это крайность, но некоторые люди привлекают к себе внимание тем, что красивы; другие – богатым наследством или работой, о которой мечтают многие.

– А некоторые получают свою долю внимания, когда лгут, что

беременны, – продолжил мысль Адам.

Тишина.

– Итак, я полагаю, что твоя подружка Сюзанн рассказала тебе о сайте «Подделай беременность»?

Коринн отвернулась.

– Коринн?

– Это все, что я хотела сказать тебе сию секунду.

– Ты шутишь?

– Нет.

– погоди, ты намекаешь, что жаждешь внимания, как Сюзанн? По-моему, это не вполне нормально. Ты сама это знаешь, правда? Это, наверное, какое-то психическое расстройство.

– Мне нужно все обдумать.

– Что обдумать?

– Уже поздно. Я устала.

– Ты сошла с ума?

– Стоп.

– Что?

Коринн повернулась к нему:

– Ты тоже это чувствуешь, верно, Адам?

– О чем ты говоришь?

– Мы на минном поле, – сказала она. – Как будто кто-то закинул нас в самую середину, и если мы пойдем слишком быстро в любом направлении, то наступим на взрывчатку и все взлетит на воздух.

Коринн посмотрела на него. Он – на нее.

– Я никого не забрасывал на минное поле, – процедил Адам. – Это сделала ты.

– Я иду спать. Поговорим об этом завтра.

Адам преградил ей путь:

– Ты никуда не пойдешь.

– Что ты собираешься сделать, Адам? Выбить из меня правду?

– Ты должна объяснить.

Она покачала головой:

– Ты не понимаешь.

– Чего я не понимаю?

Она заглянула ему в глаза:

– Как ты узнал, Адам?

– Это не имеет значения.

– Ты даже представить себе не можешь, какое это имеет значение, –

тихо сказала она. – Кто посоветовал тебе проверить счета по карте «Виза»?

– Незнакомец, – ответил Адам.

Она сделала шаг назад:

– Кто?

– Я не знаю. Какой-то тип. Я никогда его раньше не видел. Он подошел ко мне в Американском легионе и рассказал, что ты сделала.

Коринн потрясла головой, будто прочищая мозги:

– Я не понимаю. Что за тип?

– Я тебе только что сказал. Незнакомый.

– Нам нужно об этом подумать, – проговорила Коринн.

– Нет, ты должна мне объяснить, что происходит.

– Не сегодня. – Она положила руки ему на плечи. Он попятился, как будто прикосновение его обожгло. – Это не то, что ты думаешь, Адам. Все гораздо сложнее.

– Мам?

Адам обернулся на голос. На лестнице стоял Райан.

– Поможете с математикой?

Коринн не замедлила с ответом. Улыбка мгновенно вернулась на ее лицо.

– Я сейчас поднимусь, дорогой. – Она повернулась к Адаму и шепнула: – Завтра. В ее голосе звучала мольба. – Ставки слишком высоки. Пожалуйста, дай мне время до завтра.

Глава 10

Что ему было делать?

Коринн просто молчала. Позже, когда они остались одни в спальне, он испробовал все – злился, молил, требовал, угрожал. Он применял слова любви, насмешки, стыдил, взывал к достоинству. Она не отвечала. Это доводило до бешенства.

В полночь Коринн аккуратно сняла юбилейные бриллиантовые гвоздики и положила их на ночной столик. Она выключила свет, пожелала мужу спокойной ночи и закрыла глаза. Он растерялся, подошел к ней – может быть, слишком близко, – чтобы сделать с ней что-нибудь. Он прикидывал, не сорвать ли с нее одеяло. Но что это даст? Он хотел – посмел бы он признаться себе в этом? – встряхнуть ее хорошенько и заставить говорить или, по крайней мере, вести себя благоразумно. Но когда Адаму было двенадцать, он увидел, как отец набросился на мать. Та раззадоривала его – уж такая она была, к несчастью. Она обзывала отца по-всякому, оскорбляла его мужское достоинство, пока он не сломался. Однажды вечером Адам увидел, как отец схватил мать руками за шею и начал душить.

Странно, но он не испытал особого страха и не ощутил опасности, видя, как отец применяет силу. Нет. Его больше всего беспокоило, каким жалким и слабым выглядел отец, исполняя этот акт превосходства; как, несмотря на положение жертвы, мать манипулировала им и вынудила опуститься до такого ничтожества, чтобы совершить поступок, вовсе ему не свойственный и противный его натуре.

Адам никогда не мог поднять руку на женщину. Не просто потому, что это плохо, а из-за того, что такой поступок сделал бы с ним самим.

Не зная, что предпринять, Адам улегся рядом с Коринн, поправил подушку и закрыл глаза. Он дал себе десять минут. М-да, ничего не вышло. Тогда с подушкой в руке он спустился вниз и попытался уснуть на диване.

Он поставил будильник на пять утра, чтобы гарантированно вернуться в спальню, пока дети еще спят. В этом не было нужды. Если страдальца и посетил сон, то визит был слишком краток, чтобы Адам его заметил. Когда он поднялся наверх, Коринн крепко спала. По дыханию он определил, что это не игра – она в отключке. Забавно. Он спать не мог. Она спала. Адам вспомнил прочитанное где-то: полицейские часто определяют, виновен подозреваемый или нет, по сну. Теория гласила, что невиновный человек,

оставленный наедине с собой в камере, не ляжет спать, потому что сильно нервничает из-за возможности быть ложно обвиненным. Виновный же засыпает. Адам никогда не покупался на теории, они звучат красиво, но проверки не выдерживают. Однако вот он, невиновный, не может уснуть, тогда как его жена – виновная? – спит как младенец.

У Адама возникло искушение встряхнуть ее и разбудить, застать врасплох в момент перехода от сна к бодрствованию, выпытать у нее, полусонной, правду, но он пришел к заключению, что это не сработает. У нее есть причины соблюдать осторожность. Но еще важнее то, что она намеревалась действовать в своих временных рамках. Он не мог торопить ее слишком активно. И может быть, это к лучшему.

Вопрос состоял в том, что ему делать сейчас.

Он знал правду. Ведь знал? Нужно ли ему ждать подтверждения, что она подделала беременность и выкидыш? Если бы она этого не совершала, то он уже услышал бы отпирательства. Она тянула время – может быть, чтобы придумать разумное объяснение или, возможно, чтобы дать ему время успокоиться и обдумать варианты развития событий.

Что он мог предпринять?

Готов ли он уйти? Развестись?

Ответа Адам не знал. Он стоял у кровати и смотрел на жену. Что он чувствовал? Он сказал себе, что должен прямо сейчас, не раздумывая, ответить на вопрос: если подозрения верны, то продолжает ли он любить жену и хочет ли провести с ней остаток жизни?

Чувства были в раздразе, но нутро отозвалось: да.

Сделаем шаг назад. Какое значение имеет этот обман? Огромное. Тут нет вопросов. Огромное.

Но разрушится ли из-за этого их жизнь? Или они сумеют смириться и продолжить совместное существование? Все семьи пропускают мимо сознания слонов в гостиных. Сможет ли Адам когда-нибудь перестать замечать своего?

Адам не знал. А потому нужно быть осторожным. Придется подождать, выслушать ее объяснения, даже если эта история кажется почти непристойной.

«Это не то, что ты думаешь, Адам. Все гораздо сложнее».

Так сказала Коринн, но он представить не мог о чем. Он скользнул под одеяло и на мгновение закрыл глаза.

В следующий раз он открыл их через три часа. Усталость навалилась на него и утянула в сон. Он похлопал по постели рядом с собой. Пусто. Свесил ноги, ступни с глухим стуком уперлись в пол. Снизу доносился

голос Томаса. Томас – оратор. Райан – слушатель.

А Коринн?

Он выглянул в окно спальни. Минивэн жены стоял на подъездной дорожке. Адам тихо спустился по лестнице. Спроси его, он и сам не смог бы внятно объяснить почему. Может, подстерегал жену, пока не уехала на работу. Мальчики сидели за столом. Коринн приготовила для Адама его любимый – она была большая мастерица состряпать что-нибудь вкусненькое – сэндвич с беконом, яичницей и сыром на хлебе с сезамом. Райан ел из миски рисовые шарики – здоровое питание – и читал текст на коробке так внимательно, словно это было Священное Писание.

– Привет, ребята.

Два хрюка. Какими бы ни становились его дети позднее по ходу дня, болтать с родителями перед школой они склонны не были.

– Где мама?

Два пожатия плечами.

Адам вошел в кухню и посмотрел через окно на задний двор. Коринн была там. Он видел ее со спины. Она прижимала к уху телефон.

Адам почувствовал, как к лицу приливает кровь.

Когда он распахнул заднюю дверь, Коринн обернулась и подняла палец, как бы говоря: погоди минутку. Он не стал ждать. Решительно зашагал к ней. Она прервала звонок и сунула телефон в карман.

– Кто это был?

– Из школы.

– Врешь. Дай посмотреть.

– Адам...

Он протянул руку:

– Дай его мне.

– Не устраивай сцен на глазах у детей.

– Не валяй дурака, Коринн. Я хочу знать, что происходит.

– Сейчас нет времени. Через десять минут я должна быть в школе. Ты отвезешь мальчиков?

– Ты серьезно?

Она подошла к нему ближе:

– Я пока не могу сказать тебе то, что ты хочешь знать.

Он чуть не ударил ее. Почти уже занес кулак и...

– Что за стратегию ты выбрала, Коринн?

– А ты?

– Что?

– Какой у тебя худший сценарий? – спросила она. – Подумай, бросишь

ли ты нас, если все это правда.

– Нас?

– Ты понимаешь, что я имею в виду.

Ему потребовалась секунда, чтобы выдавить:

– Я не могу жить с человеком, которому не доверяю.

Коринн вскинула голову:

– И ты мне не доверяешь?

Он ничего не ответил.

– Согласись, что у всех есть свои секреты. Даже у тебя, Адам.

– Я от тебя ничего подобного не утаивал. Но, честно говоря, у меня есть свое объяснение.

– Нет, у тебя его нет. – Она придвинулась ближе и заглянула ему в глаза. – Но скоро будет. Я обещаю.

Он отпрянул и спросил:

– Когда?

– Давай сегодня поужинаем. В бистро «У Джанис» в семь. Дальний от входа столик. Там и поговорим.

Глава 11

На верхней полке стояли хаммелевские^[3] фарфоровые фигурки: маленькая девочка с осликом, три ребенка, игравшие в пятнашки, мальчик с пивной кружкой и, наконец, паренек, качающий девочку на качелях.

– Евнис любит их, – сказал Адаму старик. – А я терпеть не могу эту дребедень. Меня от них тошнит. Я, знаете ли, все время думаю: кто-нибудь должен снять фильм ужасов с этими персонажами. Использовать вместо страшного клоуна или лепрекона. Представляете эти фигурки ожившими?

Кухня была отделана старыми деревянными панелями. На холодильнике висел магнит с надписью «Виват Лас-Вегас!» На выступе над раковиной стоял снежный шар с тремя розовыми фламинго; подставку украшало набранное витиеватым шрифтом: «Майами, Фло». «То есть „Флорида“, добавили для сомневающихся, о каком Майами речь», – подумал Адам. Коллекционные тарелки с росписью по мотивам «Волшебника из страны Оз» и часы в виде совы с подвижными глазами занимали верхнюю часть стены справа. Стену слева украшали многочисленные, хотя и потускневшие полицейские сертификаты и почетные грамоты – ретроспектива долгой успешной карьеры подполковника в отставке Майкла Рински.

Старик заметил, что Адам заинтересовался «украшениями», и проворчал:

– Евнис настояла, чтобы мы их повесили.

– Она вами гордится, – сказал Адам.

– А-а, все равно.

Адам повернулся к старику:

– Расскажите мне о визите мэра.

– Мэр Рик Гашеровски. Арестовывал его дважды, когда он учился в старшей школе, один раз за вождение в пьяном виде.

– Его наказали?

– Нет, позвонили отцу, чтобы тот его забрал. Это было лет тридцать назад. Мы в те годы часто так поступали. Считали вождение под мухой незначительным нарушением. Глупость.

Адам кивнул, чтобы показать, что слушает.

– Теперь с пьяными водителями обращаются очень строго. Спасает жизни. Но как бы там ни было, Рик появился у моих дверей. Мистер мэр нынче. Одет в костюм с американским флагом на лацкане. Не служи в

армии; не помогай маленьким людям; не думай об изможденных, бедных, ютящихся в трущобах массах; но если ты носишь флажок, значит патриот.

Адам старался сдерживать улыбку.

– Так, значит, Рик вошел, выпятив грудь и сияя улыбочкой. «Застройщики предлагают вам кучу денег», – говорит он мне. И все продолжает петь о том же: какие они щедрые.

– А вы что сказали?

– Пока ничего. Я просто плююсь на него. Даю наболтаться.

Рински знаком пригласил Адама сесть к кухонному столу. Адаму не хотелось занимать стул Евнис – почему-то это казалось ему неправильным, – и он спросил:

– Куда прикажете?

– Любой сойдет.

Адам взял стул. Потом сел Рински. Виниловая скатерть была старой и немного липкой, а как иначе? У стола по-прежнему стояли пять стульев, хотя трое сыновей, которых Майкл и Евнис растили в этом доме, стали взрослыми и разъехались.

– Потом он начал мне пенять пользой для общества. «Вы стоите на пути прогресса, – говорит. – Из-за вас люди потеряют работу, возрастет преступность». Вы же знаете суть дела.

– Да, конечно, – сказал Адам.

Такие истории он слышал неоднократно, и они не оставляли его безразличным. С течением времени этот район по соседству с центром пришел в запустение. Некий застройщик, получив огромные налоговые льготы, по дешевке скупил все здания в квартале. Он захотел снести все полуразвалившиеся дома, частные и многоквартирные, торговые центры и лавчонки и построить сияющие новизной кондоминиумы, магазины с модной одеждой и рестораны с изысканной кухней. Вы можете смеяться над идеями джентрификации,^[4] но городам тоже нужна свежая кровь.

– И он все говорил о новом сверкающем Кассельтоне, как преобразится вся округа, станет безопаснее, люди снова захотят здесь жить и все такое прочее. Потом мэр решил подсластить пилюлю. Застройщик, мол, возвел новый жилой дом для престарелых на высотах, а потом он, Рик, имел наглость склониться ко мне и сказать с грустью в глазах: «Вам нужно подумать и о Евнис».

– Вау, – сказал Адам.

– А то я не знаю? Потом он сказал, что мне нужно соглашаться на сделку, а не то следующее предложение будет хуже и меня могут просто вышвырнуть отсюда. Это правда?

– Могут, – кивнул Адам.

– Мы купили этот дом в семидесятом на то, что мне выплатили как участнику войны. Евнис... с ней все хорошо, но временами ее немного сносит с катушек. Иногда она сильно пугается в незнакомых местах, начинает плакать и даже дрожать, но потом возвращается домой, верно? Она видит эту кухню, эти мерзкие фигурки, этот старый ржавый холодильник, и с ней снова полный порядок. Вы понимаете?

– Понимаю.

– Вы можете нам помочь?

Адам откинулся назад:

– О да, думаю, что могу.

Рински изучал его несколько мгновений, сверля взглядом. Адам заерзал на стуле. Он подумал, какой это, наверное, был знатный коп.

– У вас забавное выражение лица, мистер Прайс.

– Зовите меня Адам. Что в нем забавного?

– Я старый коп, вы не забыли?

– Конечно нет.

– Я горжусь своим умением читать по лицам.

– И что вы видите в моем? – спросил Адам.

– Вы обдумываете нечто отчаянное, убийственное.

– Может, и так, – сказал Адам. – Думаю, я могу быстро покончить с делом, если у вас хватит духу.

Старик усмехнулся:

– Я похож на человека, который боится драки?

Глава 12

Адам вернулся домой в шесть вечера. Машины Коринн на дорожке не было.

Удивило ли это его? Черт его знает. Коринн обычно возвращалась домой раньше его, но нынче, вероятно, мудро рассудила, что не исключена бурная сцена, если они встретятся до ужина в бистро «У Дженис», и лучше избегать общества мужа. Адам повесил пальто и поставил в угол портфель. Рюкзаки и толстовки сыновей валялись на полу, как после авиакатастрофы.

– Привет! – крикнул он. – Томас? Райан?

Нет ответа. Было время в этом мире, когда такая тишина могла что-то означать, даже стать поводом к беспокойству, но при наличии видеоигр, наушников и постоянной тяги мальчиков-подростков «дúшиться» – эвфемизм? – в смысле, мыться под душем – любая тревога очень быстро развеивается. Адам начал подниматься по лестнице. Конечно, вода в душе лилась. Наверное, Томас. Дверь в комнату Райана закрыта. Адам быстро постучал по ней костяшками пальцев и приоткрыл, не дожидаясь отклика. Если музыка в наушниках включена достаточно громко, Райан мог вообще не ответить, но взять и открыть дверь Адам не мог: это было бы грубым вторжением в личное пространство сына. Метод постучать и сразу войти был честным родительским способом разрешить эту дилемму.

Как и ожидалось, Райан лежал на кровати в наушниках и возился с айфоном. Он стянул с ушей «закрывашки» и сел.

– Привет.

– Привет.

– Что на ужин? – спросил Райан.

– Хорошо, спасибо. Было полно работы, конечно, но в целом, я бы сказал, у меня выдался неплохой день. А у тебя как?

Райан молча глазел на отца. Он делал так часто – просто смотрел.

– Ты видел маму? – спросил Адам.

– Нет.

– Мы с ней сегодня пойдем к Дженис. Заказать вам пиццу из «Пиццайолы»?

Трудно задать вопрос более риторический: хочет ли сын, чтобы отец заказал ему пиццу? Райан не удосужился даже ответить «да», а перешел сразу к делу:

– Можно с начинкой из куриных крылышек «Баффало»?

– Твой брат любит пеперони, – сказал Адам, – так что я закажу по половинке.

Райан нахмурился.

– Что?

– Всего одну?

– Но вас только двое.

Райана это не утешило.

– Если мало, возьмете в морозилке чипвичи^[5] на десерт, – предложил Адам. – Так сойдет?

Ворчливо:

– Сойдет.

Адам прошел по коридору в спальню, сел на кровать и позвонил в пиццерию, добавив к заказу палочки с моцареллой. Кормить мальчиков-подростков – все равно что наполнять ванну ложкой для поедания грейпфрута. Коринн постоянно жаловалась – большей частью со счастливым видом, – что ей приходится ездить за продуктами как минимум раз в два дня.

– Привет, пап.

Бедро Томаса были обернуты полотенцем. С волос капала вода. Он улыбнулся и спросил:

– Что на ужин?

– Я только что заказал вам пиццу.

– «Пеперони»?

– Половину пеперони, половину с курицей-буйволом. – Адам поднял руку, чтобы предупредить дальнейшее. – И порцию палочек с моцареллой.

Томас показал большой палец:

– Здорово.

– Вы не обязаны съедать все. Только уберите остатки в холодильник.

Томас скроил недоуменную мину:

– О каких остатках ты говоришь?

Адам покачал головой и хмыкнул:

– Ты оставил мне горячей воды?

– Немного.

– Отлично.

В обычной ситуации Адам не стал бы принимать душ и переодеваться, но у него было время, и он ощущал странную нервозность. Он быстро вымылся, успев закончить парой секунд раньше, чем не станет горячей воды; сбрил вечернюю пятичасовую, как у Гомера Симпсона, щетину. Потом пошарил в шкафчике и достал лосьон, который нравился Коринн.

Он не пользовался им уже довольно давно. Почему – непонятно. С чего решил надуться сегодня, он тоже не знал.

Надел голубую рубашку, потому что Коринн говорила, что голубой цвет идет к его глазам; из-за этого он почувствовал себя глупо и едва не начал переодеваться, но потом решил, что какого черта. Уже стоя на пороге спальни, Адам обернулся и долго осматривал комнату, которую так долго делил с женой. Королевского размера кровать была аккуратно застелена. На ней лежало много подушек – когда люди начали заваливать кровати подушками? – но они с Коринн провели здесь много лет. Простая, неинтересная мысль, да что поделаешь. Это были просто комната и просто кровать.

И все-таки Адам не мог не отметить: в зависимости от того, как пройдет ужин, они с Коринн могут больше не провести здесь ни одной ночи.

Конечно, это мелодрама. Чистая гипербола. Но если гиперболе нельзя повертеться в его голове, то где ей вертеться?

Звякнул дверной звонок. Никакого движения со стороны мальчишек. И никогда не было. Каким-то образом они были приучены не подходить к домашнему телефону (все равно звонили не им) и не откликаться на звонки в дверь (обычно это бывала доставка). Как только Адам расплатился и закрыл дверь, мальчишки загрохотали вниз по лестнице, как клейдесдальские тяжеловозы. Дом затрясся, но устоял.

– Бумажные тарелки, ладно? – попросил Томас.

Томас и Райан хотели есть с бумажных тарелок исключительно потому, что так было меньше уборки, но сегодня, когда они оставались без родителей, можно было считать данностью: если Адам заставит их есть с обычных тарелок, то, когда они с Коринн вернутся, посуда будет лежать в раковине. Коринн разное. Адаму придется звать детей, чтобы они спустились вниз и поставили тарелки в посудомоечную машину. Дети заявят, что как раз собирались это сделать – да, точно, – предложат не париться, потому что они придут и все уберут, как только через пять (читай: пятнадцать) минут закончится телешоу. Пять (читай: пятнадцать) минут пройдут, и Коринн снова начнет причитать, как безответственны их дети, и ему придется звать снова, для убедительности повышая голос до яростной ноты.

Циклы семейной жизни.

– Хорошо, бумажные тарелки, – согласился Адам.

Мальчишки накинудись на пиццу, как будто репетировали финальную сцену из романа «День саранчи». Жуя, Райан с любопытством смотрел на

отца.

– Что такое? – спросил Адам.

Райан наконец проглотил кусок:

– Я думал, вы идете ужинать к Дженис.

– Идем.

– А чего ты так нарядился?

– Я не наряжался.

– И надушился? – встрял Томас.

– Ты облился одеколоном?

– Э-э-э. От него пицца невкусная.

– Доедай давай, – сказал Адам.

– Хочешь поменять кусок пеперони на кусок курицы-буйвола?

– Нет.

– Да ладно тебе, всего один.

– Добавишь палочку с моцареллой?

– Нет. Половинку.

Когда торг прекратился, Адам направился к двери:

– Мы вернемся не поздно. Сделайте уроки и, пожалуйста, засуньте коробку от пиццы в бак для бумаги, ладно?

Адам проехал мимо нового крутого центра йоги на Франклин-авеню – под «крутым» понималась температура в помещении, а не популярность заведения или внешний вид – и нашел место для парковки напротив кафе «У Дженис». На пять минут раньше. Он поискал машину Коринн. Ее не было и следа, но Коринн могла припарковаться за домом.

Дэвид, сын Дженис, изображавший метрдотеля, встретил Адама у входа и провел к дальнему столику. Коринн нет. Что ж, ладно, он приехал первым. Не беда. Через пару минут из кухни показалась Дженис. Адам встал и поцеловал ее в щеку.

– А где твое вино? – спросила Дженис. В ее бистро выпивку приносили с собой. Адам с Коринн всегда прихватывали бутылку вина.

– Забыл.

– Может, Коринн что-нибудь захватит?

– Сомневаюсь.

– Я могу послать Дэвида к Карлу Руссо.

«У Карло Руссо» – так назывался винный магазин, находившийся на той же улице.

– Да не надо.

– Это не трудно. Сейчас устроим. Дэвид! – Дженис снова повернулась к Адаму. – Что будете сегодня?

- Может быть, телятину миланезе?
- Дэвид, принеси Адаму и Коринн бутылку «Парадокс Зет бленд».

Дэвид доставил вино. Коринн все еще не было. Дэвид откупорил бутылку и наполнил бокалы. Коринн не появилась. В четверть восьмого у Адама возникло неприятное тягучее чувство. Он отправил Коринн сообщение. Ответа не последовало. В половине восьмого к нему подошла Дженис и поинтересовалась, все ли в порядке. Адам заверил ее, что все благополучно, а Коринн, должно быть, задержалась на родительском собрании.

Адам смотрел на свой мобильник и остро хотел, чтобы раздалось знакомое жужжание. В 7:45 это случилось. Пришло сообщение от Коринн:

НАВЕРНОЕ, НАМ НУЖНО НЕМНОГО ПОЖИТЬ
ОТДЕЛЬНО.

ПОЗАБОТЬСЯ О ДЕТЯХ. НЕ ПЫТАЙСЯ МЕНЯ ИСКАТЬ.
ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.

Потом:

ДАЙ МНЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. ПРОШУ.

Глава 13

Адам послал несколько отчаянных эсэмэсок, пытаясь заставить Коринн отозваться. Среди них были такие: «Это не решение проблемы», «Пожалуйста, позвони мне», «Где ты?», «Сколько дней?», «Как ты можешь так с нами поступать?» – и прочее в том же духе. Он испробовал ласку, грубость, спокойствие, ярость.

Никакой реакции.

Все ли в порядке с Коринн?

Он неуклюже объяснился с Дженис: мол, Коринн задерживается и нам придется отменить заказ. Дженис настойчиво предлагала ему взять домой две порции телятины миланезе. Он был намерен отказаться, но какой в этом смысл?

Когда Адам вырулил на улицу, он все еще надеялся, что Коринн передумает и вернется домой. Ситуация его откровенно бесила. Но имелась и другая проблема: как сообщить об этом сыновьям. Машины Коринн у дома не было, и первое, что спросил Райан, когда Адам открыл дверь:

- Где мама?
- Задерживается на работе, – сказал Адам тоном одновременно неопределенным и равнодушным.
- Мне нужна домашняя форма.
- И?
- Я бросил ее в стиральную машину. Ты не знаешь, мама запускала стирку?
- Нет, – сказал Адам. – Посмотри в корзине.
- Я смотрел.
- А в своих ящиках?
- И там смотрел.

В детях всегда видны либо твои недостатки, либо жены. Райану была присуща характерная черта Коринн – беспокоиться по пустякам. Важные дела – квартирная плата, болезни, поломки, несчастные случаи – ее не тревожили. В этих случаях она возвышалась над ситуацией. Может быть, потому, что растрачивала энергию на мелочи, превращая их как бы в пни, которые надо выкорчевать. А может быть, Коринн, как настоящая спортсменка, умела при необходимости собирать волю в кулак.

Хотя для Райана, конечно, это была не мелочь.

– Может, она все еще в машине или в сушилке? – предположил Адам.

- Уже смотрел.
- Тогда я не знаю, что и сказать тебе, сынок.
- Когда мама вернется?
- Я не знаю.
- Часов в десять?
- Что в моем «я не знаю» тебе не понятно?

Вопрос прозвучал неожиданно резко. Райан, как и его мать, был крайне чувствителен.

- Я не имел в виду...
- Я отправлю маме сообщение.
- Отличная идея. О, и скажи мне, что она ответит, ладно?

Райан кивнул и послал эсэмэску.

Коринн не ответила ни сразу, ни через час, ни даже через два. Адам лепетал что-то о затянувшемся педсовете. Мальчишки купились на это, они никогда не цеплялись к таким вещам. Адам пообещал Райану найти его форму до игры.

Конечно, Адам гнал от себя тревожные мысли. Не угрожает ли Коринн беда? Не случилось ли с ней что-то ужасное? Не лучше ли обратиться в полицию?

Последнее показалось ему глупым. Полицейские узнают об их размолвке, увидят сообщение Коринн с просьбой оставить ее в покое и покачают головой. По правде говоря, так ли уж странно стремление жены держать дистанцию после того, что Адам о ней узнал?

Сон приходил урывками. Адам постоянно проверял телефон, не пришло ли сообщение. Пусто. В три часа ночи он прокрался в комнату Райана и взял мобильник сына. Никаких новостей. Как так можно? Избегать его, Адама, – это ладно, это он способен понять. Коринн могла разозлиться, испугаться, застыдиться, почувствовать себя загнанной в угол. В этом случае желание провести несколько дней вдали от мужа вполне объяснимо.

Но дети?

Могла ли Коринн и правда взять и бросить своих мальчиков? Неужели она думает, что он ее оправдает?

...ПОЗАБОТЬСЯ О ДЕТЯХ. НЕ ПЫТАЙСЯ ИСКАТЬ МЕНЯ...

Что это значит? Почему он не должен ее искать? А как насчет...

Он сел на постели, едва в окно заглянуло солнце. Здрасьте вам.

Коринн могла бросить его. Может, она даже хотела – откуда ему знать? – полностью переложить на него заботу о детях.

Но как быть с учениками?

К учительским обязанностям, как и ко всем прочим важным делам, Коринн относилась очень серьезно. Она даже доходила до некоторых чудачеств, когда речь шла о работе, и ей была ненавистна сама идея, что кто-то, заменяя ее хотя бы на день, будет проводить с ее классом кое-как подготовленные уроки. Забавно, что он сейчас подумал об этом. За последние четыре года Коринн пропустила в школе всего один день.

День после «выкидыша».

Это был четверг. Он поздно вернулся с работы и застал жену рыдающей в постели. Когда начались сильные схватки, она поехала к врачу. Напрасно. «Честно говоря, – это слова Коринн, – доктор в любом случае не смог бы помочь». – «Бывает», – утешил ее врач.

– Почему ты мне не позвонила? – спросил Адам.

– Я не хотела поднимать суматоху. От тебя тоже не было бы толку.

И он это проглотил.

Коринн собиралась идти на работу на следующий же день, но Адам топнул ногой. Она пережила травму. Незачем сразу вскакивать и нестись на работу. Он подал ей телефон.

– Позвони в школу. Скажи, что не придешь.

Она нехотя позвонила и сообщила, что выйдет на работу в понедельник. Адам тогда решил, что это метод Коринн. Вернуться к жизни. Снова взяться за дело. Не топтаться на месте. Однако его изумила скорость, с которой Коринн оправилась.

Где пределы мужской наивности?

Но все же – разве он в чем-то ошибся? Кто, черт возьми, станет доискиваться правды в такой тяжелый момент? С чего бы он стал подвергать сомнению ее слова в столь серьезной ситуации? Даже сейчас, заново прокручивая в голове все события, он не понимал, почему Коринн решилась на поступок такой... Гнусный? Безумный? Отчаянный? Манипулятивный?

Что это было?

Однако сейчас это не имело значения. Главное, что Коринн должна быть в школе. Она могла сознательно пойти на разлуку с ним и, вероятно, даже с детьми, но ничто не удержит ее от работы.

Дети достаточно выросли, чтобы собраться в школу самостоятельно. Адаму удалось не столкнуться с ними: он увиливал от ответов на вопросы о матери посредством отрывистых выкриков из спальни и притворно долгого утреннего душа.

Когда сыновья ушли, Адам подъехал к зданию старшей школы. Звонок, призывающий учеников в классную комнату, наверное, уже

прозвенел. Это было ему на руку. Адам мог войти и подстеречь Коринн на пути из классной комнаты на первый урок. Ее кабинет был под номером 233. Он будет поджидать жену у двери.

Здание старшей школы построили в семидесятые, и от него этими годами так и разило. То, что считалось шикарным и модным в то время, выцвело и потускнело, как старые научно-фантастические сериалы вроде «Бегства Логана» и прочих. Серая громадина с блеклой волнообразной декоративной полосой. Здание было архитектурным эквивалентом мягкого сыра «Чиз-виз» или популярной у хоккеистов стрижки «маллет» с короткими волосами на темени и висках и длинной гривой сзади.

На школьной стоянке не нашлось свободного места, и Адам припарковал машину с нарушением правил, на свой страх и риск. Он быстро направился к входу. Боковая дверь была закрыта. Адам никогда прежде этого не делал – не приходил к Коринн во время уроков, – но он был в курсе, что здесь помнят о случаях стрельбы и других происшествиях в школах и строго соблюдают правила безопасности. Он обошел здание и оказался у главного входа. Дверь и тут была на замке. Адам нажал кнопку переговорного устройства.

Камера с жужжанием обратила к нему свое единственное око, и усталый женский голос, который мог принадлежать только сотруднице школьной канцелярии, спросил, кто он такой.

Адам выдал свою самую обворожительную улыбку:

– Я Адам Прайс. Муж Коринн.

Щелкнул замок. Адам вошел и увидел табличку: «Зарегистрируйтесь у администратора». Он не мог решить, что делать. Если заявить о своем визите, то у него поинтересуются, зачем он пришел, и, вполне возможно, позвонят в класс. Этого Адам не хотел. Он предпочел бы сделать Коринн сюрприз или на самый крайний случай хотя бы не объяснять персоналу причину своего появления. Кабинет администраторов находился справа. Адам собрался было повернуть налево и метнуться в противоположном направлении, но увидел вооруженного охранника. Пришлось обезоруживать его новой ослепительной улыбкой. Страж порядка натужно улыбнулся в ответ. Теперь выбора не было. Надо идти к администратору. Адам сменил курс и, петляя, пробрался между несколькими мамашками. Посреди пола стояла огромная бельевая корзина, куда родители складывали обеды для своих непутевых детей, забывавших взять с собой еду.

Настенные часы хрипло тикали. Они показывали восемь семнадцать. Три минуты до звонка. Вот и хорошо. Листок для записи посетителей лежал на высокой стойке. Адам взял ручку и небрежно, насколько хватило

сил изображать мистера Беззаботность, быстро и намеренно неразборчиво нацарапал свое имя. Потом схватил пропуск для посетителей. Женщины, работавшие за столом, были очень заняты. Они даже не взглянули в его сторону.

Ждать вроде нечего?

Он быстро пошел по коридору, махнув карточкой в сторону охранника. Как в большинстве старших школ, здесь тоже с течением времени производились различные перепланировки, и пробираться по запруженным артериям было довольно сложно. Несмотря на это, когда прожужжал звонок, Адам уже занял самый удобный пост для наблюдения за дверью под номером 223.

Школьники устремились на волю, они сшибались друг с другом и устраивали пробки в коридоре – картина напоминала научно-популярный фильм о сердечном заболевании. Адам дождался, когда поток иссякнет окончательно. Через несколько секунд из кабинета вышел и повернул налево молодой парень. Адам решил, что ему еще нет тридцати.

Замена.

Адам стоял, вжавшись в стену, – пропускал валивших мимо него толпой учеников, не желая быть втянутым в эту стремнину. Он плохо соображал, как все это понимать и что теперь делать. Удивил ли его такой поворот дела? Трудно сказать. Адам пытался свести концы с концами, выстроить логическую цепочку – фальшивая беременность, незнакомец, выяснение отношений, – которая привела к тому, что жена решила сбежать от него на несколько дней.

Смысл не вырисовывался.

Что дальше?

Ничего, решил он. По крайней мере, сию секунду. Иди на работу. И займись делом. Обдумай все. Адам что-то упускал из виду и знал это. Разве Коринн не сказала ему сама?

«Это не то, что ты думаешь, Адам. Все гораздо сложнее».

Наконец река школьников превратилась в струйку, и Адам двинулся к главному входу. Углубившийся в мысли, он собирался пойти налево, но вдруг его руку стиснули стальные когти. Обернувшись, Адам увидел подругу жены, Кристин Хой.

– Какого черта! Что происходит? – прошептала она.

– А?

Мышцы она накачала не только для шоу. Кристин затащила Адама в пустой кабинет химии и закрыла дверь. Тут были лабораторные столы, разные колбы и раковины с торчащими высоко над ними кранами.

Гигантская таблица с периодической системой элементов – обязательный атрибут и клише для оформления кабинетов, где проходят естественные науки, – занимала всю дальнюю стену.

– Где она? – спросила Кристин.

Адам не был уверен, какую карту разыграть, и решил начать с честного ответа:

– Не знаю.

– Как это ты не знаешь?

– Вчера мы должны были встретиться и поужинать. Но она не пришла.

– Просто не... – Кристин в замешательстве помотала головой. – Ты звонил в полицию?

– Что? Нет.

– Почему нет?

– Я не знаю. Она прислала сообщение. Написала, что ей нужно немного побыть вдали.

– От чего?

Адам взглянул на Кристин.

– От тебя? – спросила она.

– Похоже на то.

– О. Прости. – Кристин отступила, пристыженная. – Тогда зачем ты сюда пришел?

– Хотел убедиться, что с ней все в порядке. Я думал, Коринн будет в школе, она ведь никогда не отпрашивалась даже по болезни.

– Никогда, – подтвердила Кристин.

– Кроме как сегодня.

Кристин обдумала эти слова:

– Похоже, вы, друзья мои, хорошо поцапались.

Адаму не хотелось касаться этой темы, но какой у него был выбор?

– Недавно кое-что произошло, – произнес он в уклончивой манере адвоката.

– И это совершенно не мое дело?

– Верно.

– Но в некотором роде это мое дело, потому что Коринн сделала меня причастной к нему.

– Что ты имеешь в виду?

Кристин вздохнула и приложила ладонь ко рту. За пределами школы она одевалась так, чтобы привлечь внимание ко всем изгибам своего подтянутого тела: даже в плохую погоду носила блузки без рукавов и либо шорты, либо коротюсенькие юбки. Здесь ее блуза выглядела более

консервативно, хотя все равно были видны рельефные мышцы на шее и возле ключиц.

– Я тоже получила сообщение, – сказала Кристин.

– Какое?

– Адам.

– Что?

– Я не хочу в это вступать. Ты ведь меня понимаешь? У вас были проблемы. Я это понимаю.

– У нас не было проблем.

– Но ты только что сказал...

– У нас была проблема, одна, и... она возникла только что.

– Когда?

– Когда возникла проблема?

– Да.

– Позавчера.

– Ох, – сказала Кристин.

– Что означает это твое оханье?

– Просто... Коринн вела себя странно, наверное, весь последний месяц.

Адам постарался сохранить бесстрастное лицо:

– В чем была странность?

– Ну, я не знаю – она была не такая. Рассеянная. Пропустила один или два урока и просила меня ее подменить. Она не пришла на несколько тренировок и сказала...

Кристин остановилась.

– Что сказала? – подтолкнул Адам.

– Сказала, что если кто-нибудь спросит, где она была, то подтвердить, что со мной.

Молчание.

– Она говорила что-нибудь обо мне, Кристин?

– Нет, она никогда ничего такого не говорила. Послушай, мне пора возвращаться. У меня урок...

Адам заступил ей путь:

– Что говорилось в эсэмэске?

– А?

– Ты сказала, вчера она прислала тебе сообщение. Что в нем было?

– Слушай, она моя подруга. Ты это знаешь, ведь правда?

– Я не прошу предавать ее доверие.

– Нет, Адам, именно к этому ты меня и принуждаешь.

- Я просто хочу убедиться, что с Коринн все в порядке.
 - А почему с ней должно быть что-то не в порядке?
 - Потому что это на нее не похоже.
 - А может, все так и есть, как она тебе сказала. Ей нужно время.
 - Тебе она тоже это написала?
 - Да, что-то в этом роде.
 - Когда?
 - Вчера после обеда.
 - погоди, когда? После уроков?
 - Не-е-ет, – протянула Кристин. – Во время.
 - Во время уроков?
 - Да.
 - В какое точно?
 - Не знаю. Около двух.
 - Ее уже не было в школе?
 - Не было.
 - Она и вчера не пришла на работу?
 - Нет, – ответила Кристин. – Я видела Коринн утром. Ее как будто слегка потряхивало. Я подумала, что вы поссорились.
- Адам ничего не сказал.
- Коринн должна была следить за детьми в учебном зале во время обеда, но попросила меня подежурить за нее. Я согласилась. А потом увидела, как она бежит к своей машине.
- Куда она поехала?
 - Не знаю. Она не сказала.
- Пауза.
- Она вернулась в школу?
- Кристин покачала головой:
- Нет, Адам, она так и не вернулась.

Глава 14

Незнакомец дал Хейди ссылку на сайт «Найди свою сладкую крошку», идентификатор пользователя ее дочери и пароль. С тяжелым сердцем Хейди вошла на сайт под именем Кимберли, где подтвердилось все, о чем сообщил ей незнакомец.

Он снабдил ее этими сведениями не от доброты (или пустоты) сердца. Разумеется, он попросил денег. Десять тысяч – такова была цена. Если она не заплатит в течение трех дней, весть о «хобби» ее Кимберли распространится со скоростью вируса.

Хейди закрыла страницу и села на диван. Она прикинула, не налить ли вина, но проголосовала против. Потом Хейди долго и горько плакала. Когда слезы кончились, она пошла в ванную, вымыла лицо и села обратно на диван.

Ладно, подумала Хейди, что мне теперь делать?

Первое решение было наипростейшим: не говорить Марти. Она не любила держать что-либо в секрете от мужа, но и особого отвращения к этому не испытывала. Не такова ли жизнь? Марти сойдет с ума, если узнает, в какие тяжкие пустилась его лапушка-дочка, вместо того чтобы, как все полагали, прилежно учиться в Нью-Йоркском университете. Муж был склонен реагировать на все слишком бурно. Хейди так и видела, как он мчится в машине на Манхэттен и тащит дочь за волосы домой.

Не нужно Марти знать правду. Если подумать хорошенько, то и Хейди это знание было ни к чему.

Черт бы побрал этих двух незнакомцев.

Однажды, когда Кимберли училась в старшей школе, она здорово набралась на вечеринке у одноклассника. Опьянение, как это часто бывает, привело к тому, что юная дева зашла с одним парнем слишком далеко. Весь путь они не прошли. Но в даль далекую заглянули. Некая известная в городе мамаша, хлопочущая о всеобщем благе, случайно услышала, как ее дочь рассказывает об этом происшествии. Доброжелательница позвонила Хейди: «Мне неприятно вам об этом говорить, но я на вашем месте предпочла бы знать».

Так вот, она сообщила Хейди о том, что случилось. Та передала Марти, который совершенно вышел из себя. Отношения отца с дочерью кардинально изменились и никогда уже не были такими, как прежде. А если бы эта доброхотка не позвонила? В конце концов, что хорошего это им

принесло? Дочь сгорала со стыда. Отношения с отцом испорчены. Кроме того, Хейди была убеждена: эта история послужила толчком к тому, чтобы Кимберли уехала учиться куда подальше. И даже, может статься, глупый телефонный звонок непрошеной доброжелательницы привел Кимберли, а за ней и Хейди на этот отвратительный сайт и спровоцировал дочь – о ужас! – на связь с тремя любовниками одновременно.

Хейди не хотела в это верить, но доказательства были налицо – они содержались в «секретной» переписке ее юной дочери со взрослыми мужчинами. Можно обрядить это в любые одежды, но факт оставался фактом: ее дочь занималась настоящей проституцией.

Хейди снова захотелось плакать. Ее самым большим желанием было ничего не предпринимать, забыть двух тихих незнакомцев и никогда не вспоминать о том, что они сообщили. Но выбора уже нет? Секрет сунули ей прямо под нос. Разбитые яйца в корзину не сложишь, мешались у нее в голове метафоры. Древний парадокс, который не могут разрешить родители: она не желала знать, но хотела быть в курсе.

Хейди позвонила дочери, и Кимберли ответила со всей живостью:

– Привет, мам.

– Привет, моя дорогая.

– Все в порядке? У тебя голос какой-то смешной.

Сначала Кимберли все отрицала. Этого следовало ожидать. Потом она попыталась придать истории невинный вид. Это тоже было вполне предсказуемо. Затем Кимберли принялась защищаться, обвиняя мать в том, что та взломала аккаунт и грубо вторглась в ее личную жизнь. И снова вполне ожидаемо.

Хейди боролась с дрожью в голосе, хотя у нее разрывалось сердце. Она рассказала Кимберли, как к ней подошел незнакомец; передала его слова и добавила то, что видела сама. Терпеливо. Спокойно. По крайней мере, внешне.

Потребовалось некоторое время, но они обе знали, к чему клонится разговор. Припертая к стенке и понемногу отходя от первого шока, Кимберли стала говорить начистоту. Денег не хватало, объяснила она.

– Ты не поверишь, как тут все дорого.

Студентка из группы рассказала Кимберли об этом сайте. «Тебе не придется ничем таким заниматься. Девушки нужны им просто для компании». Тут Хейди едва не расхохоталась. Мужчины, она знала это прекрасно, а Кимберли быстро усвоила, никогда не ищут просто компании. Эти обещания – всего лишь дешевый товар, выставленный в витрине, чтобы заманить вас в магазин.

Хейди и Кимберли проговорили два часа. В конце беседы Кимберли спросила, что ей теперь делать.

– Порви с ними. Сегодня. Сейчас.

Кимберли пообещала так и сделать. Следующий вопрос был такой: что дальше? Хейди сказала, что возьмет отпуск, приедет к ней и проведет некоторое время в Нью-Йорке. Кимберли заартачилась.

– Семестр заканчивается через две недели. Давай подождем.

Хейди эта идея не понравилась. В конце концов они решили поговорить об этом завтра. Прежде чем повесить трубку, Кимберли сказала:

– Мам?

– Да?

– Пожалуйста, не говори папе.

Хейди и сама уже так решила, но Кимберли об этом не сообщила. Когда Марти вернулся домой, Хейди обошла эту историю молчанием. Муж приготовил во дворе на гриле бургеры. Хейди налила им обоим по стаканчику. Марти рассказал, как прошел день. Она – о своем. Секрет, конечно, никуда не делся. Он сидел за кухонным столом на старом стуле Кимберли, не произнося ни слова и не шелохнувшись.

Утром, когда Марти ушел на работу, раздался стук в дверь.

– Кто там?

– Миссис Данн? Я детектив Джон Кунц из отдела полиции Нью-Йорка. Могу я поговорить с вами о...

Хейди рывком отворила дверь, едва не упав.

– О боже, моя дочь?..

– Мэм, с ней все в порядке, – быстро проговорил Кунц и сделал шаг вперед, чтобы поддержать Хейди. – Господи, извините меня. Наверное, я должен был сразу сказать вам об этом. Могу себе представить: ваша дочь учится в Нью-Йорке, и вдруг у двери появляется офицер из нью-йоркской полиции. – Кунц покачал головой. – У меня тоже есть дети. Я понимаю. Но не волнуйтесь, с Кимберли полный порядок. Я имею в виду, в смысле здоровья. Но есть другие факторы...

– Факторы?

Кунц улыбнулся, обнажив редковатые зубы. Он носил какой-то ужасный зачес из тех, что вызывают желание взять ножницы, оттянуть несколько прядей и оттяпать их. Хейди решила, что ему лет сорок пять. Пузатый, с покатыми плечами и запавшими глазами человека либо недоедающего, либо хронически недосыпающего.

– Могу я на минутку войти?

Кунц предъявил удостоверение. Неопытному глазу Хейди оно

показалось подлинным.

– А в чем дело?

– Думаю, у вас есть на этот счет кое-какие соображения. – Кунц кивком указал на дверь. – Можно?

Хейди отступила:

– У меня нет.

– Чего нет?

– Никаких соображений.

Кунц вошел в дом и огляделся, как будто собирался покупать жилье. Он пригладил несколько непослушных волосин из зачеса, которые стронулись с места от статического электричества.

– Что ж, вчера вы звонили дочери? Я прав?

Хейди засомневалась, как лучше ответить. Не важно. Кунц продолжил вспахивать почву, не дожидаясь реакции.

– Нам известно, что ваша дочь занималась деятельностью, которая не одобряется законом.

– Что вы имеете в виду?

Детектив сел на диван. Хейди опустилась на стул напротив.

– Могу я просить вас об одолжении, миссис Данн?

– О каком?

– Одолжение небольшое, но, думаю, это упростит разговор и для вас, и для меня. Перестаньте притворяться, ладно? Это напрасная трата времени. Ваша дочь Кимберли занималась проституцией в Сети.

Хейди сидела без движения.

– Миссис Данн?

– Думаю, вам лучше уйти.

– Я пытаюсь помочь.

– А звучит так, будто выдвигаете обвинения. Я, пожалуй, сперва посоветуюсь с адвокатом.

Кунц снова прибил непокорные пряди.

– Вы меня не так поняли.

– Как это?

– Нас не интересует, чем занималась или не занималась ваша дочь. Это мелочи, и это ваше дело: когда речь идет об онлайн, грань между деловыми отношениями и проституцией очень тонка. А может, она и всегда была такой. Мы не заинтересованы в том, чтобы докучать вам и вашей дочери.

– Тогда что вам нужно? – спросила Хейди.

– Содействие. Ничего больше. Если вы и Кимберли согласитесь на

сотрудничество, то не останется никаких причин, чтобы мы вспоминали о ее роли в этой истории.

– Ее роли в чем?

– Давайте двигаться шаг за шагом, хорошо? – Кунц запустил руку в карман и вынул маленький блокнот. Потом извлек из него крошечный карандаш, какими игроки в гольф записывают очки. Детектив лизнул грифель и снова обратил внимательный взгляд на Хейди. – Прежде всего: как вы узнали о том, что ваша дочь связана с сайтом сладких крошек?

– Какая разница?

Кунц пожал плечами:

– Дежурный вопрос.

Хейди ничего не сказала. Легкая дрожь, возникшая глубоко в горле, начала усиливаться.

– Миссис Данн?

– Пожалуй, я все-таки посоветуюсь с адвокатом.

– Ох, – вздохнул Кунц. Он сделал разочарованное лицо, с каким учитель смотрит на своего лучшего ученика, не оправдавшего надежд. – Значит, ваша дочь солгала нам. Это не слишком здорово в такой ситуации, я вам честно скажу.

Хейди понимала: он хочет, чтобы она разозлилась. Тишина повисла жуткая, Хейди едва дышала. Она не могла этого вынести, а потому спросила:

– Почему вы думаете, что моя дочь солгала?

– Все просто. Кимберли сказала, что вы узнали о сайте совершенно законным способом. Она сообщила, что два человека – мужчина и женщина – остановили вас на выходе из ресторана и проинформировали о происходящем. Но если это так, то я не понимаю, почему вы сами нам этого не скажете. В таком поступке нет ничего противозаконного.

У Хейди закружилась голова.

– Я ничего не понимаю. Зачем вы вообще сюда пришли?

– Полагаю, это резонный вопрос. – Кунц вздохнул и сел поудобнее. – Вы знаете, что такое отдел по борьбе с киберпреступностью?

– Наверное, он имеет какое-то отношение к преступлениям в Интернете.

– Именно. Я работаю в ОКП – Отделе по борьбе с киберпреступностью, который является совершенно новым подразделением департамента полиции Нью-Йорка. Мы ловим преступников, которые используют Интернет в неблагоприятных целях, – хакеров, разных мошенников и прочий сброд. И мы подозреваем, что

человек или люди, подходившие к вам у ресторана, являются частью синдиката неуловимых киберпреступников, за которыми мы охотимся уже очень давно.

Хейди сглотнула:

– Я понимаю.

– И мы бы хотели, чтобы вы оказали нам помощь в розыске и идентификации людей, которые могут быть причастны к таким преступлениям. Это для вас что-то значит? Тогда давайте вернемся к сути дела. Подходили к вам двое на парковке у ресторана – да или нет?

Дрожь не унималась, но Хейди выдавила:

– Да.

– Отлично. – Кунц улыбнулся своей редкозубой улыбкой, что-то записал и снова посмотрел на Хейди. – Какой это был ресторан?

Она колебалась.

– Миссис Данн?

– Я кое-чего не понимаю, – медленно произнесла она.

– Чего именно, мэм?

– Я беседовала с дочерью только вчера вечером.

– Да.

– Когда вы успели поговорить с ней?

– Ночью.

– А как вы так быстро добрались сюда?

– Для нас это дело огромной важности. Я прилетел утром.

– Но как вы вообще об этом узнали?

– Простите?

– Моя дочь не собиралась звонить в полицию. Так откуда вы знаете?.. – Она остановилась. Вырисовывалось несколько вариантов. И каждый был не слишком светлым.

– Миссис Данн?

– Думаю, вам лучше уйти.

Кунц кивнул. Он снова занялся непослушными волосами, перекидывая их с одного уха на другое. Потом произнес:

– Сожалею, но я не могу этого сделать.

Хейди встала и пошла к двери:

– Я не собираюсь продолжать этот разговор.

– Нет, вы его продолжите.

Не поднимаясь с дивана и делал вид, будто сейчас тяжело вздохнет, Кунц вынул пистолет, нацелил его точно в коленную чашечку Хейди и нажал на спуск. Выстрел прозвучал тише, чем она ожидала, но его

воздействие оказалось неизмеримо большим, чем можно было представить. Хейди рухнула на пол, как сломанный складной стул. Кунц подскочил и зажал ей рот, чтобы заглушить крик. Он приблизил губы к ее уху и прошептал:

– Будешь орать, я прикончу тебя медленно, а потом примусь за твою дочурку. Поняла?

Боль накатывала волнами, и Хейди рисковала потерять сознание. Кунц приставил дуло пистолета к другому колену:

– До вас дошло, миссис Данн?

Она кивнула.

– Жуть какая-то. Давайте начнем заново. Как назывался ресторан?

Глава 15

Адам сидел в своем кабинете и в тысячный раз прокручивал в голове всю историю, когда вдруг возник элементарный вопрос: если Коринн действительно решила сбежать от жизни такой, куда она могла податься?

Честно? Он понятия не имел.

Они с Коринн были такой парой, таким союзом, что сама идея о возможном бегстве жены, отъезде куда-то в одиночестве была для него совершенно невообразимой. «Есть друзья, которым Коринн могла позвонить, – предположил Адам, – несколько знакомых женщин из колледжа, какое-то количество родственников». Но он не мог допустить, что при таких обстоятельствах Коринн доверится им или будет жить у кого-то из них. Ни с кем другим она не была такой открытой, как... как с Адамом.

Тогда, возможно, Коринн осталась одна.

Это казалось наиболее вероятным. Она могла поселиться в отеле. Но в любом случае, и это было ключевым моментом, что бы она ни делала, ей нужны средства – с кредитной карты или наличные. А значит, где-то должны остаться следы оплаты счетов по кредитке или снятия денег в банкомате.

Так найди их, тупица.

Они пользовались двумя счетами. Дебетовая карта была привязана к одному, а платежная «Виза» – к другому. Коринн мало смыслила в финансовых схемах. Со всеми счетами и платежами разбирался Адам – это была его доля в домашнем разделении труда. Он знал все имена пользователей и пароли.

Короче говоря, он мог отследить любой оплаченный женой счет или снятие наличных. Следующие двадцать минут Адам просматривал платежи Коринн. Он начал с последних, искал следы какой-либо активности за дни вчерашний и сегодняшний. Не нашел ничего. Тогда Адам углубился в прошлое – вдруг обнаружится нечто сомнительное. Коринн не любила наличные. С кредитками проще, к тому же на них начисляются баллы за каждую покупку. Ей это нравилось.

Вся ее финансовая жизнь, или, вернее, транжирная ее часть, была перед ним и не вызывала удивления.

Коринн ходила в супермаркет «А&Р», в «Старбакс», в магазин «Лакс». Она обедала в «Баумгартс» и брала еду навынос в «Хо-хо-кус суши». Тут

были перечисленные с карты автоплатежи за спортзал и еще за какой-то заказ онлайн в «Банановой республике». Обычная жизнь. Жена ежедневно платила как минимум за что-то одно.

Но не сегодня. И не вчера.

Никаких расходов.

И что ему это дает?

Может, Коринн и не особо разбирается в тонкостях оплаты счетов, но она не глупа. Если она хотела, чтобы он ее не нашел, то наверняка сообразила, что можно проверить выписки с онлайн-операциями по кредитной карте и обнаружить ее.

Верно. Но как она тогда поступит? Будет пользоваться наличными.

Адам проверил, снимались ли деньги через банкоматы. Последняя сумма в двести долларов была обналичена две недели назад.

Хватит ли на побег?

Сомнительно. Адам задумался.

Если она сколько-то ездила на машине, ей был нужен бензин. Сколько же наличных могло остаться? Непохоже, что Коринн планировала бегство. Она не могла знать заранее, что он уличит ее в симуляции беременности, что появится незнакомец...

Или могла?

Адам остановился. Могла ли Коринн отложить какую-то сумму денег, зная, что такое развитие событий вполне вероятно? Он попытался вспомнить, как все происходило. Была ли она удивлена, когда он задал ей прямой вопрос? Или ее реакцию скорее можно назвать... возмущением?

Подозревала ли она, что ее ложь в один прекрасный день выплывет наружу?

Адам не знал. Когда он откинулся на спинку стула и попытался сделать наконец какой-нибудь вывод, то понял, что ни на йоту не приблизился даже к малейшей определенности. В эсэмэске Коринн просила его – нет, можно считать, умоляла оставить ее в покое – а как иначе расценить ее: «ДАЙ МНЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. ПРОШУ»? Может, оно и к лучшему. Пусть она выпустит пар, пусть делает то, что делает, а он наберется терпения и подождет. Разве не об этом она с особой настойчивостью просила в своей эсэмэске?

* * *

Однако факты наталкивали на мысль, что Коринн уехала из школы и с

нею произошло несчастье. Может быть, она знала незнакомца, отправилась к нему и вступила в открытый конфликт, а тот разозлился и упрятал ее куда подальше или еще что похуже сделал. Правда, с виду незнакомец был не из таких. К тому же пришли сообщения со словами, что Коринн нужно время, и просьбой дать ей несколько дней. Хотя, конечно, – его так и швыряло с пятого на десятое – эсэмэски мог отправить кто угодно.

Даже убийца.

Может быть, Коринн убита, а кто-то взял ее телефон и...

Ну и ну, притормози-ка на секундочку. Давай не будем опережать события.

Адам чувствовал, как бешено бьется сердце. Теперь, когда смутная тревога достигла сознания – подавленная, она уже там сидела, но сейчас он почти облек ее в слова, – появился страх: наглый, как родственник, который явился в гости без приглашения и не собирается уезжать. Адам снова перечитал сообщения:

МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ НАДО НЕМНОГО ПОЖИТЬ
ОТДЕЛЬНО.

ПОЗАБОТЬСЯ О ДЕТЯХ. НЕ ПЫТАЙСЯ ИСКАТЬ МЕНЯ.
ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.

И потом:

ДАЙ МНЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. ПРОШУ.

В этих словах что-то было не так, но Адам не мог сообразить, что именно. Предположим, Коринн действительно в опасности. Он снова задумался, стоит ли обращаться в полицию. Ведь Кристин Хой об этом сразу и спросила? Она поинтересовалась, звонил ли он в полицию, коль скоро его жена пропала. Только она не пропала. Она прислала сообщение. Если, конечно, это сделала она.

У Адама голова пошла кругом.

Ладно, допустим, он обратится в полицию. Дальше? Ему придется общаться с местными полицейскими. И что он им скажет? Они краем глаза посмотрят на сообщения и пробурчат, что беспокоиться пока рано. А чего еще от них ждать? Тем временем в городе, как ни противно было Адаму признавать, что его это волнует, начнутся разговоры. Он знал почти всех местных полицейских. Главным копом в Седарфилде был Лен Гилман. Он, скорее всего, и примет заявление. У Лена есть сын такого же возраста, как

Райан. Каждый учебный день они начинают вместе, в одном классе. Слухи и сплетни о Коринн будут расползаться, как это свойственно слухам и сплетням. Заботило ли это Адама? Легко сказать «нет», но он знал, что это важно для Коринн. Седарфилд – ее город. Она боролась за то, чтобы вернуться сюда и обустроить здесь жизнь.

– Эй, братишка.

В кабинет вошел Энди Гриббель с широкой улыбкой на бородатом лице. Сегодня он не снимал солнцезащитные очки даже в помещении, и не потому, что хотел выглядеть крутым, – скорее из желания скрыть красные белки: либо не выспался, либо дело в чем-то еще, из области ботаники, ближе к травам.

– Привет, – откликнулся Адам. – Как выступили?

– Мы всех порвали, – сказал Гриббель. – Порвали и разметали.

Адам откинулся назад, радуясь возможности отвлечься:

– С чего начали?

– «Dust in the Wind». «Kansas».

– Хм, – промычал Адам.

– Что?

– Начать с медляка?

– Да, но это здорово сработало. В баре темно, приглушенный свет, все так атмосферно, и потом мы сразу, без остановки переходим к «Paradise by the Dashboard Light». У всех сносит крышу.

– Мит Лоуф, ^[6] – кивнув, сказал Адам. – Хорошо.

– Правда?

– погоди, с каких пор у вас появилась вокалистка?

– У нас ее нет.

– Но «Paradise» – это дуэт мужчины и женщины.

– Я знаю.

– Причем довольно агрессивный, – продолжил Адам, – со всеми этими «Ты будешь любить меня вечно?» и его мольбами дать ему вздремнуть на приборной доске.

– Знаю.

– И вы это исполнили без женского вокала?

– Я пел за обоих, – ответил Гриббель.

Адам сел прямо, пытаясь представить себе это:

– Ты поешь и за мужчину, и за женщину?

– Всегда.

– Это, должно быть, чертовски трудно.

– Тебе надо послушать, как я пою «Don't Go Breaking My Heart». Одну

секунду я – Элтон, следующую – Кики Ди. Ты обрыдаешься, правда. К слову сказать...

– Что?

– Вам с Коринн надо куда-нибудь выбраться вечером. По крайней мере, тебе-то уж точно. Если мешки под глазами станут еще больше, тебе придется вносить доплату при регистрации на самолет.

Адам нахмурился:

– Ну, ты хватил.

– Да ладно, ничего.

– Завтра мы все занимаемся делом Майка и Евнис Рински?

– Я потому к тебе и пришел.

– Проблемы?

– Нет, только мэр Гаш-какой-то-вски хочет поговорить с тобой о выселении Рински. У него какое-то собрание в семь, и он спрашивал, сможешь ли ты заехать к нему после. Я отправил тебе адрес эсэмэской.

Адам проверил телефон:

– Ага, ладно. Думаю, надо его выслушать.

– Я сообщу его помощникам. Приятного вечера, друг мой.

Адам посмотрел на часы и удивился: уже шесть часов.

– И тебе приятного.

– Дай мне знать, к чему готовиться завтра.

– Сделаю.

После этого Гриббель удалился, оставив Адама наедине с собой. Секунду он сидел и прислушивался. Издалека до него доносились звуки медленно и мучительно отходящего на ночной покой офиса. Ладно, сделаем шаг назад. И рассмотрим все заново. Начнем с того, что нам известно точно.

Первое он знал: вчера Коринн приходила в школу. Второе, примерно в обеденное время Кристин видела, как Коринн выехала со школьной автостоянки. Третье... ладно, не третье, но...

Кассы на платных дорогах.

Если Коринн проехала хоть какое-то расстояние, это зафиксировано в терминалах, где взимается дорожный сбор. Школа находится неподалеку от платежного пункта на Гарден-Стейт-парквей, проезд через него должен быть зафиксирован на транспондере. Могла ли Коринн убрать транспондер, минуя пункт оплаты? Едва ли. Вы прикрепляете эту штуку к ветровому стеклу и забываете о ней. Иногда это срабатывает в обратном направлении: однажды Адам взял напрокат машину и поехал по полосе, где плата берется только через транспондер, забыв, что у него этого приспособления

нет.

В любом случае стоит попробовать.

С помощью поисковой системы «Гугл» он вышел на нужный сайт, но с него затребовали номер аккаунта и пароль. У Адама не было ни того ни другого – он никогда еще не пользовался этим сайтом, – но дома среди счетов что-нибудь да найдется. Ладно, хорошо. Все равно пора двигать отсюда.

Адам взял пиджак и быстро пошел к машине. Когда он влился в поток на восьмидесятом шоссе, соединяющем штаты, у него зазвенел мобильник. Это был Томас.

– Где мама?

– Я расскажу тебе позже.

– Ты будешь дома к ужину?

– Я сейчас еду домой. Сделай мне одолжение. Достань из морозилки по бургеру для себя и для брата. Я поджарю их на гриле, когда приеду.

– Не люблю я эти бургеры.

– Плохо. Встретимся через полчаса.

По дороге он переключал радиостанции, разыскивая несуществующую идеальную песню, подходящую к моменту. Как спел бы Стив Никс – «до навязчивости знакомую», но все же исполняемую не так часто, чтобы набить оскомину. Стоило Адаму зацепиться за подходящую мелодию – редкий случай, – всегда звучал последний куплет, и он возобновлял поиск.

Адам свернул на свою улицу и с удивлением обнаружил на подъездной дорожке у дома «додж-дуранго» Эвансов. Трипп Эванс как раз вылезал из машины, когда Адам притормозил рядом. Мужчины приветствовали друг друга пожатием рук и хлопками по спине. Оба были в деловых костюмах и галстуках с ослабленными узлами, и внезапно отбор детей в команду по лакроссу в холле Американского легиона три дня назад показался событием далеким и почти нереальным.

– Здорово, Адам.

– Здорово, Трипп.

– Извини, что вот так просто взял и заехал.

– Не беспокойся. Чем я могу быть полезен?

Трипп был крупный мужчина с большими руками – из тех, кто всегда чувствует себя неуютно в деловом костюме. То ли пиджак жал в плечах, то ли один рукав был длинноват, но что-то вечно заставляло Триппа приноравливаться к костюму – одергивать его и поправлять, и было ясно, что им владеет единственное желание – сорвать с себя эту проклятую

штуку. По мнению Адама, так выглядели очень многие. На каком-то отрезке жизненного пути их повязали костюмом, как вошедшей в пословицу смирительной рубашкой, и теперь его просто не снять.

– Я рассчитывал переговорить с Коринн, – сказал Трипп.

Адам застыл на месте, надеясь, что на лице не отразится смущение.

– Я ей отправил несколько сообщений, – продолжил Трипп, – но... она не ответила. Поэтому я решил просто заехать.

– Могу я поинтересоваться, о чем идет речь?

– Ничего особенного, правда, – сказал тот каким-то странным тоном; для такого прямодушного человека, как Трипп, голос звучал чересчур принужденно. – Речь о лакроссе.

Может быть, это всего лишь воображение Адама. Или два последних, абсолютно сумасшедших дня. Однако возникло чувство, будто в воздухе между ними нагнетается некое напряжение.

– А что там с лакроссом? – спросил Адам.

– Вчера вечером заседал оргкомитет. Коринн не пришла. Что было странно, я считаю. Я хотел ввести ее в курс дела, вот и все.

Трипп посмотрел в сторону дома, как будто ожидал, что Коринн сейчас покажется на пороге.

– Ее здесь нет, – сказал Адам.

– Ладно. Тогда ты передай ей, что я заезжал. – Трипп повернулся и посмотрел в глаза Адаму. Напряжение как будто сгустилось. – Все в порядке?

– Да, – сказал Адам. – Я в порядке.

– Давай как-нибудь выпьем пивка.

– С удовольствием.

Трипп открыл дверцу машины:

– Адам?

– А?

– Скажу по правде, вид у тебя немного расстроенный.

– Трипп?

– Что?

– И я врать не буду. У тебя тоже.

Трипп попытался отделаться усмешкой:

– Это правда пустяковое дело.

– Ага, ты уже говорил. Не обижайся, но я тебе не верю.

– Дело касается лакросса. Это правда. И я надеюсь, что все обойдется, но сказать тебе больше сейчас не могу.

– Почему?

– Требования конфиденциальности.

– Ты серьезно?

Серьезно. Адам видел, что Триппа тут с места не сдвинешь, но тогда опять возникает вопрос: если Трипп говорит правду, то может ли этот чертов оргкомитет лиги лакросса иметь какое-то отношение к исчезновению Коринн?

Трипп Эванс забрался в машину:

– Попроси Коринн, чтобы она позвонила мне, когда сможет.
Спокойной ночи, Адам.

Глава 16

Адам ожидал, что мэр Гашеровски будет выглядеть как толстый кот-политик, только что хапнувший взятку, – мягкотелый, краснолицый, с заученной улыбкой; может быть, с перстнем на мизинце, – и в данном случае он не был разочарован. Адам подивился: всегда ли Гашеровски напоминал коррупционера с агитплаката, или за годы «службы» произошло изменение его ДНК?

Прокуратура Соединенных Штатов предъявляла обвинения троим из четырех последних мэров Кассельтона. При двоих Рик Гашеровски работал в администрации, а при третьем был членом городского совета. Адам не стал бы строго судить о человеке по его внешности или даже по прошлому, но когда речь заходила о коррупции в малых городах Нью-Джерси, то где был дым, там обычно пылал и огонь – яркий, как сверхновая звезда.

Немногочисленные участники заседания городского совета как раз начали расходиться, когда приехал Адам. Средний возраст собравшихся, казалось, близился к середине девятого десятка. Возможно, все объяснялось тем, что это конкретное заседание было организовано в широко разрекламированном новом люксовом поселке Пайнклифф – Сосновый Утес; обозначение «люксовый поселок», без сомнения, являлось эвфемизмом для слов «богадельня» и/или «дом престарелых».

Мэр Гашеровски подошел к Адаму с улыбкой Гая Смайли^[7] – совершенная смесь ведущего игрового телешоу и Маппета.

– Замечательно, что вы пришли, Адам! – Мэр с большим энтузиазмом, но без всякого чувства потряс руку гостя, едва заметно притянув его к себе. Политики верят, что в такой позиции реципиент рукопожатия ощущает себя слегка приниженным или обязанным. – Могу я называть вас Адам?

– Конечно, господин мэр.

– О, к чему это. Зовите меня Гаш.^[8]

Гаш? О, Адам не считал это приемлемым.

Мэр развел руками:

– Что вы думаете об этом месте? Красиво, правда?

Адаму оно представлялось похожим на конференц-зал в отеле «Кортъярд Марриотт», о котором только и скажешь – опрятно, стандартно, безлико, ничего больше. Пришлось ответить каким-то неопределенно-уклончивым кивком.

– Идемте со мной, Адам. Я устрою вам маленькую экскурсию. – Мэр

двинулся по коридору с зелеными, как лес, стенами. – Великолепно, не правда ли? Здесь все на уровне искусства.

– Что это значит? – спросил Адам.

– А?

– На уровне искусства. Как это – на уровне искусства?

Мэр почесал подбородок, выражая этим глубокое раздумье.

– Ну, во-первых, тут есть телевизоры с плоскими экранами.

– Как почти в каждом американском доме.

– Тут есть доступ в Интернет.

– Опять же как почти в каждом доме, не говоря уже о кафе, библиотеке и «Макдоналдсе», тоже в Америке.

Гаш – Адам начинал теплее относиться к этому прозвищу – снял вопрос с повестки, вновь засветившись улыбкой.

– Позвольте, я покажу вам наше самое роскошное помещение.

Он отпер и распахнул дверь – вероятно, ум Адама настроился на тему телевизионных игр – широким жестом участника шоу «Цена удачи».

– Ну, как?

Адам вошел.

– Что скажете? – спросил Гаш.

– Похоже на «Кортъярд Марриотт».

Улыбка Гаша задрожала.

– Все совершенно новое и на уровне... – Он осекся. – Современное.

– Это не важно, – сказал Адам. – Честно, пусть это выглядит хоть как «Ритц – Карлтон». Мой клиент не хочет переезжать.

Гаш кивнул с выражением глубокого сожаления:

– Я понимаю. Еще как понимаю. Мы все хотим хранить воспоминания. Дело ведь в этом? Но иногда они тянут нас назад. Принуждают жить в прошлом вместо настоящего.

Адам молча смотрел на мэра.

– А иногда, будучи членами общества, мы должны задумываться не только о себе. Вы были в доме у Рински?

– Был.

– Это же свалка, – сказал Гаш. – О, я не в буквальном смысле. Я сам вырос в этом районе и говорю как человек, который сумел подняться наверх, выйдя с этих самых улиц.

Адам ждал аналогии с волосами, за которые сам себя вытягиваешь из топи, и был несколько разочарован, когда ее не последовало.

– У нас есть шанс добиться подлинного прогресса, Адам. Мы можем избавить город от этого рассадника преступности и принести солнечный

свет в тот район, где он особенно необходим. Я говорю о новом домостроении. О настоящем общественном центре. Рестораны. Качественный шопинг. Реальные рабочие места.

– Я видел планы, – сказал Адам.

– Прогрессивно. Вы согласны?

– Меня это не интересует.

– О?

– Я представляю Рински. Меня интересует он. Меня не волнуют размеры прибыли «Олд неви» или «Хоум депот».

– Это несправедливо, Адам. Мы оба знаем, что общество получит более качественное обслуживание, если этот проект будет реализован.

– Мы оба этого не знаем, – возразил Адам. – Но в любом случае я представляю интересы не общества, а Рински.

– Давайте говорить начистоту. Посмотрите вокруг. Здесь им будет лучше.

– Сомневаюсь, хотя чего не случается, – сказал Адам. – Но послушайте, в Соединенных Штатах не правительство определяет, что делает человека счастливым. Правительство не может решить за людей, которые упорно трудились, купили себе дом и вырастили в нем детей, что теперь им будет лучше в другом месте.

Улыбка медленно вернулась на лицо Гаша.

– Могу я немного побыть откровенным, Адам?

– А что, до сих пор не были?

– Сколько?

Адам сцепил пальцы и проговорил голосом киношного злодея:

– Миллиард долларов.

– Я серьезно. Теперь я могу играть в игры и делать это так, как попросил меня застройщик, – торговаться с вами, повышать ставки с шагом в десять тысяч долларов. Но давайте сосредоточимся на главном. Согласны? Я уполномочен дать пятьдесят тысяч долларов сверх вашего предложения.

– А я уполномочен сказать вам «нет».

– Вы поступаете неразумно.

Адам не стал утруждать себя ответом.

– Вы знаете, что судья уже дал добро по нашему знаменитому делу о домовладении?

– Знаю.

– И что предыдущий адвокат мистера Рински уже проиграл апелляцию. И потому теперь его нет.

– Это мне тоже известно.

Гаш улыбнулся:

– Что ж, вы не оставляете мне выбора.

– Разумеется, оставляю, – сказал Адам. – Вы ведь работаете не только на застройщика. А, Гаш? Вы ведь трудитесь для людей. Так постройте свою линию магазинов вокруг его дома. Измените план. Это возможно.

– Нет, – отрезал Гаш, на этот раз без улыбки. – Это невозможно.

– Значит, вы просто вышвырнете их вон?

– Закон на моей стороне. И после того, как вы все себя вели... – Гаш склонился к Адаму достаточно близко, чтобы тот почувствовал запах «Тик-така», и прошептал: – С удовольствием.

Адам отступил назад, кивая:

– Да, я так и предполагал.

– Значит, вы прислушаетесь к голосу разума?

– Если бы я знал, как он звучит. – Адам слегка махнул рукой и повернулся с намерением уйти. – Спокойной ночи, Гаш. Скоро мы продолжим наш разговор.

Глава 17

Незнакомцу отчаянно не хотелось этого делать.

Однако Михаэла Сигель, которая сейчас петляла в поле его зрения, заслуживала того, чтобы узнать правду, прежде чем совершит роковую ошибку. Незнакомец вспомнил об Адаме Прайсе. Он подумал о Хейди Данн. Вероятно, его визиты были для них разрушительными событиями, но на этот раз, в случае с Михаэлой Сигель, все могло обернуться гораздо хуже.

Или нет.

Может быть, Михаэла почувствует облегчение. Или, не исключено и такое, после первичных разрушений правда принесет освобождение, ее жизнь обретет равновесие, и Михаэла снова вступит на тот путь, которым ей нужно идти, которым она и шла бы.

Никогда же не знаешь, как человекотреагирует, пока чека не вырвана из гранаты.

Было поздно, часа два ночи. Михаэла Сигель обнимала на прощание своих шумных друзей. Они все были слегка навеселе после ночной пирушки. Незнакомец уже дважды пытался застать Михаэлу одну. Ничего не вышло. Он надеялся, что сейчас она направится к лифту и ему представится шанс запустить процесс.

Михаэла Сигель. Двадцать шесть лет. Третий год ординатуры по внутренним болезням в больнице «Гора Синай» после получения диплома врачебно-хирургического колледжа Колумбийского университета. Она начинала в качестве интерна в больнице Джона Хопкинса, но после того, что произошло, сама Михаэла и администратор больницы сочли за благо для всех, чтобы она сменила место.

Девушка уже почти ступила одной ногой в лифт, когда в поле зрения возник незнакомец.

– Мои поздравления, Михаэла.

Она обернулась с кривой усмешкой. Он уже знал, что Михаэла довольно сексуальная женщина; в некотором смысле это делало вторжение в ее личную жизнь еще более неприятным. Незнакомец почувствовал, что краснеет при воспоминании об увиденном, однако ускорил шаг.

– Ммм, – протянула девушка.

– Ммм?

– Вы принесли мне повестку в суд или что?

– Нет.

– И вы не волочитесь за мной? Я помолвлена.

– Нет.

– Что-то я сомневаюсь, – произнесла Михаэла Сигель. В ее голосе слышались пьяные нотки. – Я, вообще-то, не разговариваю с незнакомцами.

– Понимаю, – сказал он и, боясь упустить ее, бросил бомбу.

– Вы знаете человека по имени Дэвид Торнтон?

Лицо ее замкнулось, как дверца машины. Незнакомец это предчувствовал.

– Это он тебя послал? – спросила Михаэла.

Невнятность исчезла из ее голоса.

– Нет.

– Ты извращенец или как?

– Нет.

– Но ты видел...

– Да, – сказал незнакомец. – Всего пару секунд. Я не смотрел всего и не паялся, ничего такого. Просто... Мне надо было убедиться.

Теперь он видел, что девушка столкнулась с той же дилеммой, которую пытались разрешить многие из тех, к кому он обращался: сбежать от этого сумасшедшего или выслушать его? В большинстве случаев любопытство побеждало, но он никогда не знал, как обернется дело.

Михаэла Сигель мотнула головой и облекла эту дилемму в слова:

– Почему я продолжаю с тобой разговаривать?

– Говорят, у меня честное лицо.

Это была правда. Вот почему такие задания почти всегда брал на себя он. Эдуардо и Мертон бывали на высоте, но при виде таких битюгов первым желанием становилось молниеносное бегство.

– Раньше я так думала и о Дэвиде. Что у него честное лицо. – Она склонила голову набок. – Кто ты?

– Это не важно.

– Зачем ты здесь? Все это осталось в прошлом.

– Нет, – возразил он.

– Нет?

– Не в прошлом. Но мне бы этого хотелось.

Голос Михаэлы превратился в испуганный шепот:

– О чем ты, черт возьми, говоришь?

– Ты порвала с Дэвидом.

– Ну. И что? – выпалила она. – В выходные у нас с Маркусом свадьба.

Она показала ему кольцо на пальце.

– Нет, – сказал незнакомец. – То есть... Я не утверждаю этого. Не возражаешь, если я изложу все последовательно, шаг за шагом?

– Мне плевать, честное у тебя лицо или нет, – вспылила Михаэла. – Я не хочу выслушивать все это заново.

– Понимаю.

– Это в прошлом.

– Да нет же. Пока нет, во всяком случае. Потому-то я и здесь.

Михаэла смотрела на него, ничего не говоря.

– Вы с Дэвидом расстались, когда... – Он не знал, какие подобрать слова, и прибег к помощи жестов – поводил руками туда-сюда.

– Можешь произнести. – Михаэла расправила плечи. – Это называется «порноместь». Мне говорили, что это почти повальное увлечение.

– Да я не о том, – возразил незнакомец. – Я спрашиваю, в каком состоянии были ваши отношения до того, как он выложил это видео в Сеть.

– Все его видели, знаешь ли.

– Знаю.

– Мои друзья. Пациенты. Преподы. Все в больнице. Мои родители...

– Я знаю, – мягко повторил незнакомец. – Вы с Дэвидом Торнтоном тогда уже разошлись?

– Мы крупно поссорились.

– Я спрашиваю не об этом.

– Я не понимаю...

– Вы расстались до того, как видео попало в публичный доступ?

– Какая теперь разница?

– Ответь, – попросил незнакомец.

Михаэла пожала плечами:

– Я не знаю.

– Ты все еще любила его. От этого было так больно.

– Нет, – сказала она. – Так больно было потому, что это страшное предательство. Так больно было потому, что мужчина, с которым я встречалась, пошел на сайт порномести и выложил запись, как мы с ним... – Она остановилась. – Ты представляешь? Мы поссорились, и он так отреагировал.

– Он отрицал, что выложил запись, да?

– Конечно отрицал. У него не хватило смелости...

– Он говорил тебе правду.

Вокруг были люди. Один парень вошел в лифт. Две женщины торопливо прошли мимо. За конторкой сидел консьерж. Все они были там,

и вдруг никого не стало.

Ее голос доносился издалека, из пустоты:

– О чем ты говоришь?

– Дэвид Торнтон не выкладывал видео в Сеть.

– Ты его друг, что ли?

– Я никогда его не видел и ни разу с ним не говорил.

Михаэла сглотнула:

– Ты один из тех, кто постил видео?

– Нет, конечно нет.

– Тогда откуда ты можешь...

– Ай-пи-адрес.

– Что?

Незнакомец приблизился к ней на шаг:

– Сайт обещает, что сохранит анонимность ай-пи-адресов пользователей. Таким образом, никто не может узнать и предать суду человека, который выложил запись.

– Но ты узнал?

– Да.

– Как?

– Люди думают, что сайт соблюдает анонимность; им ведь так говорят. Это ложь по умолчанию. За каждым секретным сайтом в Интернете скрывается человек, который отслеживает любое нажатие на клавишу. Нет ни секретов, ни анонимности.

Тишина.

Они добрались до сути. Незнакомец ждал. Это не затянется. Он видел по ее губам, что буря близка.

– Так чей же это был адрес?

– Думаю, ты уже сама догадалась.

Лицо Михаэлы сморщилось от боли. Она закрыла глаза.

– Это был Маркус?

Незнакомец не сказал ни «да» ни «нет». В этом не было необходимости.

– Они ведь были близкими друзьями? – спросил он.

– Сволочь.

– Жили в одной комнате. Я не знаю подробностей. Но вы с Дэвидом поссорились. Маркус увидел в этом возможность и ухватился за нее. – Незнакомец сунул руку в карман и вынул конверт. – Здесь доказательства.

Михаэла выставила ладонь:

– Мне незачем их видеть.

Незнакомец кивнул и убрал конверт.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросила девушка.

– Это наша работа.

– До свадьбы четыре дня. – Она подняла на него глаза. – Что мне теперь делать?

– Это вопрос не ко мне, – сказал незнакомец.

– Конечно, разумеется. – В ее голосе слышалась горечь. – Ты просто потрошишь чужие жизни. Латать дыры – это не к тебе.

Незнакомец молчал.

– Полагаю, ты прикинул, что я теперь побегу обратно к Дэвиду? Скажу ему, что знаю правду, и попрошу прощения? И потом? Он заключит меня в объятия и мы будем навеки счастливы? Ты рассчитывал, что это так сработает? А сам ты будешь героем нашей любви?

Сказать по правде, такие мысли приходили в голову незнакомцу, хотя и без героической части. Но идея исправления ошибки, восстановления баланса, возвращения Михаэлы на ту стезю в жизни, которую она избрала, – да, он надеялся на развязку такого рода.

– Но есть одна проблема, мистер Таинственный Разоблачитель. – Михаэла подошла к нему ближе. – Даже встречаясь с Дэвидом, я с ума сходила по Маркусу. Ирония судьбы, верно? Маркусу не надо было этого делать. Мы все равно в конце концов оказались бы вместе. Может быть – я не знаю, но может быть, – Маркус переживает из-за того, что сделал. Чувствует вину. Может, он пытается загладить ее и потому так заботится обо мне.

– Это не причина для заботы.

– О-о, так ты еще и жизненные советы раздаешь? – рывкнула Михаэла. – Ты хоть понимаешь, перед каким выбором меня поставил? Я теперь должна либо разнести все к черту, либо жить во лжи.

– Ты еще молода и привлекательна...

– И влюблена. В Маркуса...

– Даже сейчас? Когда ты знаешь, на какие поступки он способен?

– Ради любви люди способны на что угодно.

Теперь голос у Михаэлы был мягкий, без запала. Она повернулась и нажала кнопку вызова лифта.

– Ты собираешься рассказать об этом еще кому-нибудь? – спросила девушка.

– Нет.

– Спокойной ночи.

– И ты все равно выйдешь за него?

Открылись двери лифта. Михаэла вошла внутрь, повернулась к незнакомцу и сказала:

– Ты не раскрыл секрет, а сотворил еще один.

Глава 18

Выехав на главную улицу Седарфилда, Адам притормозил на обочине. Он вынул мобильник и снова написал сообщение Коринн:

Я ВОЛНУЮСЬ. ДЕТИ ВОЛНУЮТСЯ. ПОЖАЛУЙСТА,
ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ.

Нажав кнопку «отправить», Адам включил передачу. Он начал размышлять с оттенком недоумения, причем не в первый раз, как случилось, что он оказался в Седарфилде и проводит здесь жизнь. Мысль возникла простая, однако ее отягощали некоторые дополнительные вопросы. Было ли столь важное решение сознательным выбором? Как знать. Они с Коринн могли поселиться где угодно, Адам не возражал, но скажите на милость, что плохого в Седарфилде? Во многих смыслах это местечко даст фору любому лидеру в гонке за так называемой американской мечтой. В Седарфилде были живописные дома с обширными дворами; приятный, обустроенный центр с множеством ресторанов, магазинов и даже кинотеатром. Тут имелись обновленные спортзалы, современная библиотека и пруд с утками. Журнал «Money», авторитет которого сравним с библейским, в прошлом году поставил Седарфилд на двадцать седьмую строчку в списке «Лучших для жизни мест в Америке». Согласно данным департамента образования Нью-Джерси, Седарфилд входит в категорию «Джей», самую высокую из восьми существующих по социоэкономическим показателям, фиксируемым в пределах округов. Да, правительство составляет рейтинги городов всерьез. Зачем оно это делает, можно только гадать.

Справедливости ради – Седарфилд был отличным местом, чтобы растить детей, даже при намерении воспитать себе подобных. Некоторые называют это жизненным циклом, но Адаму последовательность событий представлялась больше похожей на неизбежное повторение процедуры намыливания волос шампунем и его смывания. У Адама было много друзей и соседей – хороших, основательных людей, которых он очень любил: они росли в Седарфилде, уезжали на четыре года в колледж, возвращались, женились и растили детей в родном городе, а те, в свою очередь, выросли здесь и отправлялись на четыре года в колледж, питая надежду вернуться в Седарфилд, вступить в брак и воспитать тут детей

своих.

Ничего плохого в этом не было. Кто бы спорил.

Кроме того, Коринн провела в Седарфилде первые десять лет жизни, но ей не удалось пройти проторенной стезей без помех. Когда она училась в четвертом классе и этот город с его ценностями уже встроились в ДНК, в автокатастрофе погиб ее отец. Ему было всего тридцать семь – слишком молод, по общему мнению, чтобы задумываться о таких вещах, как собственная смерть или судьба недвижимого имущества. Страховые выплаты оказались жалкими крохами, и вскоре матери пришлось продать дом и ужаться до проживания вместе с Коринн и ее старшей сестрой Розой в кирпичном садовом домике в городке Хакенсак, где качество жизни было отнюдь не таким высоким.

Несколько месяцев мать периодически совершала десятимильные переезды между Хакенсаком и Седарфилдом, так что Коринн могла встречаться со старыми друзьями. Но потом начался учебный год, и ее бывшие одноклассники вполне предсказуемо погрузились в занятия – кто спортом, кто танцами, чего Коринн теперь не могла себе позволить. Физически расстояние оставалось прежним, однако социальная пропасть разрасталась слишком быстро, чтобы успевать наводить мосты. Школьные приятельские отношения поистрепались и довольно скоро развалились окончательно.

Сестра Коринн Роза вела себя соответственно возрасту и сложившейся ситуации: плохо училась, бунтовала против матери, экспериментировала с полным набором веселящих наркотиков и никчемных парней. Коринн же, наоборот, нашла для глубокой боли и возмущения несправедливостью судьбы позитивный, по общему мнению, выход. Она сосредоточилась на учебе и жизни, решительно нацелившись на успех. Коринн занималась упорно, не поднимая головы; она игнорировала обычные для подростков соблазны и дала молчаливый обет вернуться победительницей туда, где была с виду счастливой девочкой и имела отца. Следующие два десятилетия она провела как ребенок, прижавшийся лицом к стеклу роскошного загородного особняка, пока наконец, по прошествии долгого времени, окно не открылось или – что столь же вероятно – не разбилось вдребезги.

Коринн и Адам приобрели дом, подозрительно похожий на тот, в котором росла она. Беспокоило ли его это тогда, Адам не помнил, но, может быть, к тому моменту он уже стал участником квеста Коринн. Когда вы женитесь или выходите замуж, то берете в мужья или жены надежды и мечты своего супруга. Мечтой Коринн было триумфальное возвращение в

то место, откуда ее однажды вытеснили. Оказывать ей помощь в завершении этой двадцатилетней одиссеи было увлекательно и волнующе – так считал Адам сейчас.

В спортзале с метким названием «Хардкор» (девиз: «Ты не хардкор, если не тягаешь хардкор»)^[9] еще горел свет. Адам окинул взглядом парковку и увидел машину Кристин Хой. Потом быстрым набором вызвал Томаса – нет смысла звонить на домашний телефон, сыновья все равно к нему не подойдут – и стал ждать. Томас ответил после третьего гудка и выдал свое традиционно небрежное и еле слышное «алло?».

– Дома все в порядке?

– Ага.

– Чем занимаешься?

– Ничем.

– Что это значит?

– Игру в «Колл оф дьюти».^[10] Только что начал.

Ну разумеется.

– Уроки сделал? – по привычке спросил Адам. Бег белки в колесе, изо дня в день повторяемый разговор родителя с ребенком, который ни к чему не ведет, хотя почему-то считается обязательным.

– Большую часть.

Адам не потрудился добавить к сыновнему «большую часть» свое фирменное «сначала доделай». Бесполезно. Пусть сам справляется. Немного ослабим хватку.

– Где твой брат?

– Я не знаю.

– Но он хотя бы дома?

– Наверное.

Братья.

– Ну ты хоть проверь. Я скоро буду.

– Ладно. Пап?

– Да?

– А где мама?

– Она далеко.

– Где?

– Это по работе. Мы поговорим, когда я вернусь, ладно?

Долгая пауза.

– Ага, ладно.

Адам поставил машину рядом с кабриолетом «ауди» Кристин и пошел

в спортзал. Раздутый качок за стойкой оглядел его сверху донизу и, очевидно, признал достойным пропуска. Брови кроманьонца, застывшие в презрительной усмешке губы, одет в нечто вроде эластичного комбинезона без рукавов. Адам с ужасом подумал, что сейчас этот тип обратится к нему: «Ну че, братан?»

– Помочь те?

– Я ищу Кристин Хой.

– Член?

– Что?

– Ты член?

– Нет, я друг. Моя жена – член. Коринн Прайс.

Парень кивнул, как будто это все объясняло. Потом спросил:

– С ней норм?

Вопрос удивил Адама:

– А что может случиться?

Вероятно, качок пожал плечами: боулинговые шары по бокам его головы чуть шелохнулись.

– Пропускает важную неделю. В следующую пятницу соревнования.

Коринн в соревнованиях не участвует. Адам знал это. Она прекрасно сложена, но ни за что не наденет обтягивающие тряпки и не станет позировать, хотя в прошлом году вместе с Кристин посещала национальное первенство.

Качок, поиграв мышцами, указал на дальний угол:

– Зал «Б».

Адам шагнул за стеклянную дверь. В одних спортивных залах бывает тихо, в других орет музыка, а в некоторых, как этот, разносятся первобытные рыки и лязг тяжелых металлических снарядов. Все стены были в зеркалах; здесь, и только здесь, крутиться перед зеркалом и принимать разные позы для собственного удовольствия было не только можно, но и нужно. Помещение пропахло потом, средствами для дезинфекции и чем-то еще: в воображении Адама такой запах должен иметь широко рекламируемый одеколон под названием «Топор».

Адам отыскал зал «Б», легонько постучал в дверь и толкнул ее. За ней обнаружилось нечто вроде йога-студии со светлым деревянным полом, гимнастическим бревном и, упс, кучей зеркал. Какая-то суперподтянутая женщина в бикини ковыляла на невероятно высоких каблуках.

– Стоп, – громко скомандовала Кристин.

Женщина остановилась. Кристин в розовом бикини и на таких же высоченных каблучищах решительно подошла к ней. Ни шаткости, ни

неуклюжести, ни медлительности в ее походке не было. Кристин шагала по полу важно и уверенно, как будто пол был перед нею в долгу.

– Улыбка у тебя какая-то квялая. И вид такой, будто ты в жизни не ходила на каблуках.

– Я их редко ношу, – ответила женщина.

– Значит, надо потренироваться. Тебя будут оценивать по всем параметрам: как ты вошла, как вышла, как двигаешься, какая у тебя осанка, улыбка, уверена ли в себе, как держишься, какое выражение лица. У тебя есть только один шанс произвести впечатление с самого начала. Ты можешь проиграть соревнования с первого шага. Хорошо, все сели.

Пять других суперподтянутых женщин опустили на пол. Кристин прохаживалась перед ними туда-сюда. При каждом шаге ее мышцы играли – сжимались и расслаблялись.

– Вам всем надо продолжать занятия, – говорила Кристин. – За тридцать шесть часов до соревнований большинство из вас загрузятся углеводами. Это не позволит вашим мышцам схлопнуться и придаст им естественный пышный вид, к чему мы и стремимся. А пока ешьте белок. Девяносто девять процентов белка в рационе. Для каждой из вас спланирована особая диета. Так?

Кивки.

– Следуйте ей, как Священному Писанию. Каждая должна выпивать по полтора галлона^[11] жидкости в день. Это минимум. Потом мы начнем снижать это количество. Только несколько глотков накануне Национального и никакой воды в день соревнований. У меня есть мочегонное на случай, если у кого-то накопится лишняя жидкость в организме. Вопросы?

Поднялась рука.

– Да?

– Мы отрепетируем вечерние выходы в платьях?

– Отрепетируем. Запомните, дамы. Большинство людей считают, что это соревнования по бодибилдингу. Но это не так. WBFF – это скорее фитнес. Вы будете вставать в позы и менять их так, как мы это делали. Но судьи теперь ищут мисс Америку, модель для «Виктория секрет»,^[12] Недели моды и «Масклмэг»^[13] в одной элегантной упаковке. Харриет поможет вам с выходом в вечерних платьях. А теперь давайте пройдемся по тому, что понадобится в поездке. Пожалуйста. Возьмите с собой следующее: клей для ягодиц – подклеивать бикини, ленту для верха костюма, клей E6000, наклейки на соски, набор пластырей, обувной клей – в последнюю минуту вечно отрываются завязки, – тональник, перчатки для

тональника, крем – блокатор тона для ладоней и подошв стоп, полоски для отбеливания зубов, капли от покраснения глаз...

Только сейчас она увидела в зеркале Адама. Лицо Кристин моментально изменилось. Дрессировщица, занятая подготовкой к национальному чемпионату WBFF, исчезла, и вернулась подруга и коллега-учительница. «Удивительно, как легко мы входим в роли и выходим из них», – подумал Адам.

– Отрабатывайте стартовые позы, – скомандовала Кристин, глядя на Адама. – При первом выходе вы делаете одну лицом к залу, дальше – одну спиной, потом уходите. Это все. Выводить вас будет Харриет. Я сейчас вернусь.

С этими словами Кристин направилась к Адаму, для чего снова пересекла комнату на высоких каблуках, которые почти уравнивали ее по росту с ним.

– Есть новости? – спросила Кристин.

– Вообще-то, нет.

Кристин отвела Адама в уголок:

– Тогда в чем дело?

Наверное, разговор с женщиной, одетой в бикини и стоящей на нелепо высоких каблуках, надо воспринимать как нечто вполне естественное. Но Адаму было не по себе. В восемнадцать лет он провел две недели в Испании, на Коста-дель-Соль. Многие женщины там ходили с голой грудью, и Адам убеждал себя, что он достаточно взрослый, чтобы не коситься на них. Он и не косился, но чувствовал неловкость. Сейчас это ощущение вернулось.

– Вы, похоже, готовитесь к какому-то шоу, – сказал Адам.

– Не к какому-то шоу, а к Национальному чемпионату. Могу я побыть эгоисткой? Коринн исчезла в неудачный момент. Она моя партнерша. Я знаю все схемы, что не так уж важно, но это мое первое выступление в качестве профи и... ладно, глупо об этом беспокоиться. Но это лишь малая часть того, что я чувствую. А главное, я действительно боюсь. Это на нее не похоже.

– Знаю, – сказал Адам. – Я потому и хочу спросить тебя кое о чем.

– Давай.

Он не знал, как подступиться к теме, и бросился в омут:

– Это касается ее беременности два года назад.

Золотая жила.

Его слова хлестнули по Кристин, как внезапно набежавшая волна. Теперь пришла ее очередь пошатнуться на высоченных каблучицах.

– А что такое?

– У тебя удивленный вид, – заметил Адам.

– Что?

– Когда я упомянул о беременности. У тебя было такое выражение лица, будто ты увидела привидение.

Глаза Кристин забегали, она смотрела куда угодно, только не на него.

– Ну да, я, наверное, удивилась. Она исчезла, а ты почему-то спрашиваешь о том, что случилось два года назад. Я не вижу связи.

– Но ты помнишь ее беременность?

– Конечно. А что?

– Как она тебе об этом рассказала?

– О беременности?

– Да.

– Ох, я не помню. – Но она помнила. Адам мог поклясться. Кристин лгала. – Какая разница, как она об этом сказала?

– Мне нужно, чтобы ты подумала. Не припоминаешь ли ты чего-нибудь странного в связи с этим?

– Нет.

– Вообще ничего необычного в связи с беременностью?

Кристин положила руки на бедра. Кожа у нее блестела то ли от испарины, то ли от бронзатора.

– Чего ты добиваешься?

– А что насчет выкидыша? – сделал новую попытку Адам. – Как она вела себя тогда?

Странно, но эти два вопроса вынудили Кристин сконцентрироваться. Она перевела дух и задышала ровно и медленно, будто медитируя. Рельефная ключица поднималась и опускалась.

– Не по ситуации.

– То есть?

– Я сочла, что она отреагировала очень сдержанно.

– В смысле?

– Знаешь, я думала об этом. Она так здорово справилась. После того как ты сегодня уехал из школы, я начала думать – сперва, – что Коринн слишком легко перенесла выкидыш.

– Я не понимаю.

– Человеку нужно грустить, Адам. Каждому надо выражать эмоции и чувствовать. Если ты ничего не чувствуешь и ни на что не реагируешь, в крови появляются токсины.

Адам постарался не хмуриться, слушая эту нью-эйджевскую ^[14]

бредятину.

– Мне кажется, что Коринн заупорила боль, – продолжила Кристин. – А когда человек так делает, то появляются не только токсины, но и внутреннее давление. И в конце концов либо одно, либо другое дает о себе знать. Так вот, когда ты уехал, я сперва стала думать, что Коринн, возможно, подавила боль от потери ребенка, загнала ее вглубь и не выпускала наружу, но теперь, через два года, стены, которые она возвела, внезапно рухнули.

Адам смотрел на нее.

– Сперва.

– Что?

– Ты сказала, что начала так думать «сперва». Значит, где-то в процессе размышлений ты изменила мнение.

Кристин не ответила.

– Почему?

– Она моя подруга, Адам.

– Мне это известно.

– А ты – муж, от которого она хочет скрыться. Так? Если, конечно, ты говоришь правду и ничего плохого с ней не случилось.

– Ты серьезно?

– Вполне. – Кристин тяжело сглотнула. – Ты ходишь по улицам, на которых мы все живем, видишь опрятные домики соседей, ухоженные лужайки, удобную уличную мебель на задних дворах. Но никто из нас не знает, что творится за этими фасадами. Разве не так?

Адам стоял столбом.

– Насколько я знаю, Адам, ты плохо с ней обращался.

– О, перестань...

Кристин выставила ладонь:

– Я этого не утверждаю. Просто привожу пример. Мы ничего не знаем наверняка. – В глазах у Кристин стояли слезы. Адам вспомнил о ее муже, Хэнке, и про себя подивился: почему с такими физическими данными Кристин временами ходит в одежде с длинным рукавом или надевает скрывающие тело балахоны. Он подумал, что и ей порой хочется побыть скромницей. Но причина могла крыться в другом.

Вообще в ее словах был смысл. Может, они и жили в дружелюбном и с виду сплоченном добрососедском мирке, но каждый дом – отдельный остров со своими секретами.

– Ты что-то знаешь, – произнес Адам.

– Нет. И мне пора к девочкам.

Кристин отвернулась. Адам готов был схватить ее за руку, но вместо этого сказал:

– Я сомневаюсь, что Коринн вообще была беременна.

Кристин остановилась.

– Ты знала, да?

Стоя спиной к нему, она покачала головой:

– Коринн мне ничего не говорила.

– Но ты знала.

– Ничего я не знала, – пробасила Кристин. – Ты лучше уходи.

Глава 19

Райан поджидал его у задней двери:

– Где мама?

– Далеко, – сказал Адам.

– Что значит – далеко?

– Она путешествует.

– Где?

– По учительским делам. Но скоро вернется.

Райан панически заныл:

– Мне нужна форма, помнишь?

– Ты проверил свой ящик?

– Да! – Паническое нытье перешло в крик: – Ты вчера меня уже спрашивал! Я проверил и ящик, и корзину для белья!

– А как насчет машинки и сушилки?

– Их я тоже проверил, обе! Я везде посмотрел!

– Хорошо, – сказал Адам, – успокойся.

– Но мне нужна форма! Без формы тренер Жосс заставляет бегать больше кругов и не пускает в игру.

– Нет проблем. Давай искать.

– Ты никогда ничего не можешь найти! Нам нужна мама! Почему она не отвечает на мои эсэмэски?

– Она вне зоны доступа.

– Ты не понимаешь! Ты не...

– Нет, Райан, это ты не понимаешь!

Адам услышал собственный голос, громом разносящийся по дому. Райан умолк. Адам – нет.

– Ты считаешь, мы с мамой существуем только для того, чтобы обслуживать тебя? Так ты думаешь? Ну что же, тебе придется кое-что усвоить, приятель. Твоя мать и я – мы тоже люди. Удивительно, правда? У нас тоже есть жизнь. Мы расстраиваемся так же, как ты. У нас есть свои заботы так же, как у тебя. Мы здесь не только для того, чтобы служить тебе и выполнять твои прихоти. Теперь до тебя дошло?

Глаза сына наполнились слезами. Адам услышал шаги. Он обернулся. Наверху лестницы стоял Томас и смотрел на отца в полном недоумении.

– Прости, Райан, я не имел в виду...

Мальчик стрелой метнулся наверх.

– Райан!

Тот промчался мимо брата. Адам услышал стук захлопнувшейся двери в спальню. Томас стоял на верхней площадке лестницы и смотрел на него.

– Я сорвался, – сказал Адам. – Это бывает.

Томас долго ничего не говорил. Потом произнес:

– Пап?

– Что?

– Где мама?

Адам закрыл глаза:

– Я тебе говорил. Она уехала по своим учительским делам.

– Она только что ездила по учительским делам.

– А теперь снова поехала.

– Куда?

– В Атлантик-Сити.

Томас покачал головой:

– Нет.

– Что значит «нет»?

– Я знаю, где она, – сказал Томас. – И это очень далеко от Атлантик-Сити.

Глава 20

– Иди-ка сюда, пожалуйста, – позвал Адам.

Томас помялся, но все же спустился в кухню. Райан не выходил из своей комнаты, дверь оставалась закрытой. Может, оно и к лучшему. Пусть все немного поостынут. Но прямо сейчас Адаму позарез было нужно расспросить Томаса. Что он такое брякнул?

– Тебе известно, где твоя мать? – спросил он.

– Типа того.

– Что значит это «типа того»? Она тебе звонила?

– Нет.

– Прислала сообщение или написала на электронку?

– Нет, – сказал Томас. – Ничего такого.

– Но ты знаешь, что она не в Атлантик-Сити.

Томас кивнул.

– Откуда ты это знаешь?

Сын опустил голову. Случалось, Адам замечал какое-нибудь особенное движение или жест Томаса и узнавал в нем себя. Не было никаких сомнений: Томас – его сын. Сходство слишком велико. Были ли у него подозрения насчет Райана? До сих пор нет, но в каком-то потайном, темном углу сердца все мужчины хранят эту смутную тревогу. Они никогда не облачают свои сомнения в словесную форму, и потому тревожные мысли об отцовстве редко достигают их сознания. Но они всегда там, спят в укромном уголке, и сейчас незнакомец разворошил эти страхи и вытащил их наружу.

Объясняло ли это глупую выходку Адама?

Он вышел из себя, разбираясь с Райаном. Конечно, в сложившихся обстоятельствах такая реакция казалась вполне объяснимой. Сколько можно канючить про свою форму?

Но не было ли тут чего-то большего?

– Томас?

– Мама страшно разозлится.

– Не разозлится.

– Я обещал ей, что никогда не буду так делать, – сказал Томас. – Но она всегда отвечает на мои эсэмэски. Я не понимаю, что происходит. И я сделал кое-что, чего не надо было делать.

– Ничего страшного, – произнес Адам, силясь не выдать отчаяния. –

Скажи мне, что случилось.

Томас глубоко вздохнул, собираясь с духом:

– Ладно. Помнишь, перед тем как ты ушел, я спросил, где мама?

– Да.

– И... Я не знаю, ты ответил так странно... Вот и все. Во-первых, ты не сказал, где мама, а потом она не отвечала на мои эсэмэски... – Томас поднял глаза. – Папа?

– Что?

– Когда ты сказал, что мама на учительской конференции, ты говорил правду?

Адам задумался, но ненадолго:

– Нет.

– Ты знаешь, где мама?

– Нет. Мы, кажется, поссорились.

Сын кивнул, причем как-то слишком глубокомысленно:

– Так мама убежала от тебя, что ли?

– Я не знаю, Томас. Я сам пытаюсь в этом разобраться.

Томас еще раз кивнул:

– Тогда, может быть, мама не хочет, чтобы я говорил тебе, где она.

Адам откинулся назад и почесал подбородок.

– Это возможно, – согласился он.

Томас положил руки на стол. На запястье у него был силиконовый браслет, какие носят, чтобы выражать свои взгляды на жизнь, но на этом было написано лишь: «Седарфилд. Лакросс». Томас подцепил его, со щелчком отпустил, потом снова подцепил.

– Но есть одна проблема, – сказал Адам. – Я не знаю, что тут произошло. Если мама связалась с тобой и попросила, чтобы ты не говорил мне, где она, – что ж, я ничего с этим поделать не могу. Но я сомневаюсь, что она так поступила. Она бы не поставила тебя или Райана в такое положение.

– Мама этого не делала, – сказал Томас, упорно продолжая смотреть на свой браслет.

– Хорошо.

– Но она взяла с меня обещание, чтобы я не подписывался на это.

– Не подписывался на что?

– На это приложение.

– Томас?

Сын поднял глаза.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Смотри, мы договорились. Мама и я.
– О чем договорились?
– Что она будет использовать приложение только в экстренных случаях, не чтобы шпионить за мной. Но сам я не должен им пользоваться.
– Что ты понимаешь под экстренными случаями?
– Ну, если я потеряюсь или она не сможет до меня дозвониться.
У Адама снова голова пошла кругом. Он сделал паузу и попытался собраться с мыслями.
– Может, ты объяснишь, что это за приложение?
– Оно называется «телефонный локатор». Ищет мобильник, если ты его потерял или его украли.
– Понятно.
– Так вот, оно показывает на карте, где находится мобила. Я думаю, все телефоны выпускаются с похожими приложениями, но это продвинутая версия. Смотри, если с нами что-нибудь случится или мама не сможет найти меня или Райана, то с помощью этого приложения она узнает, где мы.
– С телефона?
– Точно.
Адам протянул руку:
– Дай посмотреть.
Томас колебался.
– Но в том-то и дело. Я не должен, по идее, им пользоваться.
– Но ты воспользовался?
Томас понурил голову и кивнул.
– Ты подписался и посмотрел, где мама?
Новый кивок.
Адам положил руку на плечо сына.
– Я не сержусь, – сказал он. – Ты можешь показать мне приложение?
Томас вытащил телефон. Его пальцы заплясали по экрану. Когда все было готово, он передал мобильник отцу. Адам посмотрел на картинку: карта Седарфилда. В одном месте мигали три точки – голубая, зеленая и красная.
– Значит, эти точки... – начал Адам.
– Это наши.
– Наши?
– Да. Твоя, моя и Райана.
У Адама застучало в висках. Когда он заговорил, голос прозвучал словно издалека:

- Моя?
- Конечно.
- Одна из точек показывает меня?
- Ну да. Твоя – зеленая.

Во рту у Адама пересохло.

– Иными словами, если бы мама захотела, она могла бы проследить... – Он остановился. Не было смысла заканчивать фразу. – И как давно это приложение на наших телефонах?

- Я не знаю. Может быть, года три-четыре.

Адам сидел неподвижно, пока на него накатывало осознание. Три или четыре года. Три или четыре года Коринн имела возможность пользоваться этим приложением и смотреть, где находятся ее дети и, что гораздо важнее, муж.

- Папа?

Он мог гордиться собственным простодушием, когда речь заходила о владении техническими устройствами, которые поработили массы и вынуждают людей игнорировать друг друга, послушно выполняя их ненасытные требования внимания к себе. У Адама на телефоне, насколько он знал, не было ничего лишнего – ни игр, ни «Твиттера», ни «Фейсбука», ни магазинов, ни опций для зарабатывания очков, ничего такого. Он пользовался только приложениями, с которыми телефоны поступали в продажу: электронная почта, текстовые сообщения, звонки и прочее в том же роде. Он попросил Райана установить ему навигатор, который прокладывал оптимальные маршруты с учетом ситуации на дорогах.

И это было все.

- Почему я не вижу здесь мамы? – спросил Адам.
- Надо увеличить картинку.
- Как?

Томас забрал у него телефон, поставил два пальца на экран и сдвинул их. Потом передал аппарат обратно отцу. Теперь Адам видел целиком весь штат Нью-Джерси и на западе – Пенсильванию. В левой части экрана появилась оранжевая точка. Адам легонько прикоснулся к ней, и картинка увеличилась еще больше.

Питтсбург?

Однажды Адам ездил в Питтсбург, чтобы вызволить клиента из тюрьмы под залог. Поездка заняла у него больше шести часов.

- Почему эта точка не мигает? – спросил Адам.
- Потому что она не активна.
- Что это значит?

Томас подавил вздох. Он делал так всякий раз, когда приходилось объяснять отцу какую-нибудь техническую тонкость.

– Несколько часов назад я заглядывал в приложение, и она еще двигалась. Но потом, примерно час назад... короче, это место, где была мама.

– Значит, она там остановилась?

– Вряд ли. Смотри, если ты кликнешь вот сюда... – Он дотронулся до экрана. Появился значок мобильного телефона с надписью: «Коринн». – Справа выводится заряд батареи. Видишь? Так вот, когда я проверял в прошлый раз, у нее оставалось всего четыре процента зарядки. Теперь телефон отключился, поэтому точка перестала мигать.

– Так она все еще там, где точка?

– Я не знаю. Точка показывает, где она была, пока не сдохла батарейка.

– И теперь тебе не видно, где она?

Томас покачал головой:

– Нет, пока мама не зарядит телефон. Смысла писать ей сообщения или звонить сейчас тоже нет.

– Потому что ее телефон разрядился.

– Да.

Адам кивнул:

– Но если мы продолжим следить, то увидим, когда она снова зарядит мобильник?

– Верно.

Питтсбург. С чего это Коринн туда понесло? Насколько ему известно, у нее там не было ни друзей, ни знакомых. Она туда вообще ни разу не ездила. Адам не помнил, чтобы Коринн хоть раз говорила что-нибудь об этом городе, упоминала друзей или родственников, которые туда переехали.

Он приблизил оранжевую точку. Стало видно название улицы: Саут-Брэддок-авеню. Адам кликнул по кнопке «Фото со спутника». Появились супермаркет, сетевой магазин «Доллар», обувной – «Футлокер», магазин видеоигр – «Геймстоп». Может, она остановилась там, чтобы купить еды или чего-нибудь еще.

Или встречалась с незнакомцем.

– Томас?

– А?

– У меня на телефоне тоже есть это приложение?

– Должно быть. Если кто-то может видеть тебя, то и ты можешь.

– Покажешь мне, где оно?

Адам протянул сыну телефон. Томас прищурился, и его пальцы вновь

заплясали. Наконец он сказал:

– Нашел.

– Почему я его никогда не видел?

– Оно было на последней странице – в группе других приложений, которыми ты, наверное, никогда не пользовался.

– Значит, если я зарегистрируюсь сейчас, то смогу следить за телефоном мамы?

– Я же сказал, сейчас у нее батарейка сдохла.

– Но если она ее зарядит?

– Да, тогда ты сможешь следить. Только тебе нужен пароль.

– И какой он?

Томас застыл в нерешительности.

– Томас?

– «ЛюблюМоюСемью», – сказал он. – В одно слово. «Эл», «Эм» и «Эс» – большие.

Глава 21

Вот это да, какой удар, молодчага.

Боб Байме – или, как предпочитал называть его Адам, Гастон – совершил очередной бросок в прыжке с разворотом. Ах, Большой Боб сегодня в ударе. Просто жжет. En fuego.^[15]

Шел любительский баскетбольный матч в лютеранской церкви Вефиля. Постоянно меняющийся состав – в большинстве своем в него входили городские отцы семейств – раза два в неделю по вечерам собирался погонять мяч. Способности у игроков были разные. Некоторые играли отлично – один парень даже был в сборной Университета Дьюк, которая участвовала в чемпионате Америки, и отбирался в первый состав «Бостон селтикс» до того, как выбыл из строя с травмой колена; другие никуда не годились и еле волочили ноги.

Однако сегодня Боб Байме, Большой Боб Байме, был мужиком, незаменимым помощником, машиной по забрасыванию мячей. Под кольцом на подборе он один действовал как целая спасательная команда. Используя свое массивное тело – двести семьдесят фунтов, – он сметал с пути всех. Боб повалил даже спортсмена года, мистера Суперзвезду Баскетбола. Чемпион метнул в него грозный взгляд, но Боб Байме ответил ему тем же.

Участник первенства Америки мотнул головой и побежал на другой край площадки.

Ага, ослина, пошевеливай копытами, пока тебе не навешали.

Леди и джентльмены, Великий Боб Байме снова с вами. Этот чемпион со своей паршивой повязкой на колене обычно одерживал над ним верх. Но не сегодня. О нет. Боб не отступился. Да, друзья, его старик гордился бы сыном. Его старик, все детство обращавшийся к сыну «Бетти» вместо «Бобби», называвший его слабым и бесполезным или, того хуже, мохнаткой, педиком и даже девчонкой. Его отец, чертов гад, тридцать лет был главным физруком в старшей школе Седарфилда. Поищите в словаре «тренеры старой школы», и вы увидите портрет Роберта Байме-первого. Это было нелегко – расти при таком родителе, но в конце концов его уродская любовь принесла достойные плоды.

Плохо. Очень плохо, что старик так и не увидел, какой важной шишкой стал его сын. Боб теперь не живет на вшивой окраине, где влачат жалкое существование учителя и синие воротнички. Нет, он купил большой

особняк с мансардой под крышей в «загородном клубе» – фешенебельном районе. Они с Мелани ездят на «мерседесах». Люди их уважают. Бобу предложили вступить в седарфилдский гольф-клуб для избранных, где отец побывал всего раз в качестве гостя. У Боба трое детей, и все они – отличные спортсмены даже притом, что у Пита сейчас не лучшие времена в лакроссе. Возможно, ему не дадут стипендию из-за Томаса Прайса, который теснит его в команде. И все равно жизнь удалась.

И будет еще лучше.

Очень жаль, что отец не узнал и другой стороны его жизни – не застал сына безработным; тогда бы он точно понял, какой человек Боб – непотопляемый, способный побеждать и упорно бороться с трудностями. Он был готов перевернуть последнюю страницу этой ужасной главы в своей жизни и снова превратиться в Большого Боба – кормильца семьи. Даже Мелани увидит. Мелани, его жена, бывшая предводительница чирлидерш. Раньше она смотрела на него почти как на божество, но с тех пор, как фортуна обернулась к Бобу задом, Мелани перешла в режим пилы и без конца ездила ему по мозгам: зачем он был таким расточительным, швырял деньги на ветер, а вот теперь, когда потерял работу, они остались без сбережений. Да, стервятники кружили над его головой. Банк готовился наложить арест на дом. Судебный пристав уже закидывал удочки насчет двух «мерседесов-купе» класса S.

Ну и кто же будет смеяться последним?

Отец Джимми Хоха, нью-йоркский спец по подбору персонала, записал его на собеседование, и, скажем прямо, Боб Байме сломал все преграды. Смял, как пустую банку от содовой. Тип, который проводил интервью, просто ел у Большого Боба с руки. Конечно, ему еще не перезвонили – Боб постоянно поглядывал на телефон, лежавший у края площадки, – но ждать осталось недолго. Он обязательно получит эту работу. Может быть, даже вытребует себе бо́льшую долю положенных сотрудникам акций, и вот тогда он вернется официально. Погодите, он еще расскажет о собеседовании Мелани, и она наконец снова раскрепостится; глядишь, даже наденет ту маленькую розовую штучку, которая ему так нравилась.

На площадке Боб получил пас, всей массой подвалил к кольцу и забросил в корзину победный мяч.

О да, Боб снова в строю, и он лучше, чем прежде. Боже, хотел бы он чувствовать себя так же в тот вечер, когда этот педант Адам Прайс наезжал на него из-за места Джимми Хоха в лакроссной команде.

Обливаясь слезами, придется признать, что все эти трое ребят никуда

не годятся. Когда-нибудь они найдут себя и будут подавать полотенца. Кому какое дело до того, что их разделяет десятая доля балла в сумме оценок, выставленных какими-то утомленными судьями, которые обращали внимание на толковых игроков, а больше ни на кого? Он не провалит важнейшего собеседования и доберется до хлебного места. Это вообще не должно иметь значения. У них с отцом Джимми Хоха не было никакого уговора – мол, услуга за услугу, но ладно же, ведь жизнь – это чувство локтя. А спорт дает жизненные уроки. И дети могут кое-чему поучиться прямо сейчас.

Команда Боба готовилась вновь выйти на площадку, когда у него зазвонил телефон.

ГОЛДМАН.

Вот оно.

– Боб, ты готов?

– Начинайте игру без меня, ребята. Мне нужно ответить.

Боб направился в коридор, ища уединения. Он прочистил горло и улыбнулся, потому что если улыбаешься по-настоящему, то уверенность передается даже по телефону.

– Алло?

– Мистер Байме?

– Слушаю.

– Это Джерри Катц от Голдмана.

– Да, приветствую, Джерри. Рад вас слышать.

– Боюсь, мне придется огорчить вас, мистер Байме.

У Боба упало сердце. Джерри Катц говорил что-то еще о том, какая конкуренция на рынке и как ему было приятно общаться с Бобом, но его слова начали расплываться, создавая какую-то невнятную шумовую завесу. Джерри, этот костлявый идиот, продолжал что-то бубнить. А тем временем в грудь Боба просочилась тьма, и одновременно с нею пришло воспоминание о том вечере, когда Адам открыто бросил ему вызов из-за приема в команду Джимми Хоха. И сейчас Боб понял: его тогда удивил не только сам вызов. Во-первых, какое Прайсу до этого дело? Он и близко не стоял к тому, чтобы тренировать выездную команду, игроков для которой отбирал Боб. Сын Адама и Коринн был зачислен. Так почему его так взволновал Джимми Хох?

Но еще важнее – особенно сейчас, когда Боб снова задумался об этом, – был тот факт, что Адаму удалось быстро оправиться от сокрушительного удара, нанесенного известием, которое он получил несколькими минутами раньше в баре Американского легиона. Как он

сумел взять себя в руки?

Джерри все еще что-то говорил. Боб продолжал улыбаться. Улыбался и улыбался. Улыбался как идиот, и когда наконец произнес: «Ну, спасибо, что позвонили и дали мне знать. Я ценю это», то мог побиться об заклад: это был ответ настоящего самоуверенного болвана.

Он повесил трубку.

– Боб, ты готов?

– Давай, приятель, ты нам нужен.

Так оно и было. «Наверно, – подумал Боб, – нечто подобное испытывал в тот вечер и Адам». Боб собирался пойти на площадку и дать там волю своему гневу; может быть, Адам накинулся на него тогда из-за Джимми, потому что ему тоже нужно было выпустить пар.

«А какой была бы реакция Адама, – размышлял Боб, – узнай он всю правду о своей жене? Не о ее предательстве, как он думает, что знает сейчас, но всю правду?»

«Что ж, – решил Боб, трусцой возвращаясь на площадку, – очень скоро он все уяснит».

Глава 22

В два часа ночи Адам вдруг кое-что вспомнил – вернее, кое-кого.

Сюзанн Хоуп из Наяка, Нью-Йорк.

Только она могла направить Коринн на сайт «Подделай беременность». Ведь с этого все и началось? Коринн познакомилась с Сюзанн. Та подделала беременность. Коринн по какой-то причине решила повторить ее затею. Может быть. А потом появился незнакомец.

Адам запустил на смартфоне поисковик и набрал: «Сюзанн Хоуп, Наяк, Нью-Йорк». Едва ли это поможет; наверняка эта женщина назвалась вымышленным именем и выдумала город, чтобы ее не уличили в притворной беременности, однако он почти сразу попал в яблочко.

«Белые страницы» упоминали Сюзанн Хоуп из Наяка, Нью-Йорк, в возрастной категории от тридцати до тридцати пяти. Указывались и номер ее телефона, и домашний адрес. Адам уже собрался записать их, но тут вспомнил кое-что, чему Райан научил его несколько недель назад: нажимаешь одновременно на экране две кнопки и получаешь моментальный снимок. Адам попробовал, проверил результат в фотоприложении и убедился: картинка четкая.

Он выключил телефон и попытался отчалить в сон.

Тесная гостиная в доме старика Рински пропахла «Пайн-солом»^[16] и кошачьей мочой. Комната была набита битком, хотя находилось в ней всего человек десять. Большого Адаму и не нужно. Он заметил лысого парня, который обычно освещал спортивные события для «Стар леджер». Была тут и женщина-репортер из бергенского «Рекорда»; она нравилась Адаму. По информации Энди Гриббеля, его особого помощника, здесь также присутствовали представители «Эсбери-парк пресс» и «Нью-Джерси геральд». Основные телеканалы пока не заинтересовались, но нью-джерсийский «Ньюс-12» съемочную группу прислал.

Этого должно хватить.

Адам наклонился к Рински:

– Вы уверены, что справитесь?

– Шутите? – Старик удивленно изогнул бровь. – Я постараюсь не упиваться этим.

Трое репортеров втиснулись на клеенчатый диван. Еще один прислонился к стоявшему сбоку пианино. На дальней стене висели выполненные в форме домика часы с кукушкой. Журнальный столик

украсился новыми хаммелевскими фигурками. Ковер, когда-то сливший длинноворсовым, был вытоптан и напоминал искусственный дерн.

Адам напоследок еще раз проверил телефон. Ничего нового о местоположении Коринн. Либо она так и не зарядила мобильник, либо... сейчас об этом незачем думать. Репортеры смотрели на него выжидающе и одновременно скептически: «поглядим, что у тебя есть» и «это пустая трата времени». Адам выступил вперед. Мистер Рински остался на месте.

– В тысяча девятьсот семидесятом, – без предисловий начал Адам, – Майкл Джей Рински вернулся домой, отслужив стране на полях жесточайших сражений во Вьетнаме. Он приехал сюда, в свой любимый родной город, и женился на подруге сердца, которую знал со школьной скамьи, Евнис Шеффер. Потом на деньги, полученные в качестве пособия от государства, Майк Рински купил дом.

Адам сделал паузу. Затем уточнил:

– Этот дом.

– У Майка и Евнис родились трое детей, и они выросли в этом доме. Майк работал в местной полиции, начав с новичка-постового и поднявшись по служебной лестнице до должности шефа. Многие годы они с Евнис были важными членами местного сообщества. Они оказывали добровольную помощь приюту, городской библиотеке, участвовали в детской баскетбольной программе «Бидди», параде Четвертого июля. За последние пятьдесят лет Майк и Евнис приняли участие в жизни многих жителей этого города. Они упорно трудились. Утомленный, Майк возвращался отдыхать сюда, в этот самый дом. Он сам переделал отопительный котел в подвале. Его дети выросли, получили образование и разъехались. Майк продолжал работать и наконец, по прошествии тридцати лет, выплатил ипотеку. Теперь он безоговорочный владелец дома, в котором мы с вами сейчас находимся.

Адам оглянулся. Как по команде – ну, так и было задумано, – старик сгорбился, сделал скорбное лицо и выставил вперед рамку с выцветшей фотографией Евнис.

– А потом, – продолжил Адам, – Евнис Рински заболела. Мы не станем вторгаться в ее личную жизнь и упоминать подробности. Но Евнис любит этот дом. Он ее утешает. Сейчас новые места пугают ее, и она успокаивается только здесь, в этом доме, где с любимым мужем они вырастили Майка-младшего, Дэнни и Билла. И теперь, после стольких трудов и многих лет служения обществу, правительство собирается отнять у нее этот дом – ее дом.

Журналисты перестали писать. Адам хотел, чтобы они прочувствовали

значимость момента, поэтому он завел руку за спину, взял бутылку с водой и смочил горло. Когда он возобновил свою речь, в его голосе заклокотал еле сдерживаемый гнев.

– Правительство вознамерилось вышвырнуть Майка и Евнис из единственного дома, который у них был за всю жизнь, чтобы какие-то богатеи снесли его и построили «Банановую республику». – «Не чистая правда, – подумал Адам, – но близко к тому». – Этот человек, – Адам указал за спину на старика Рински, который с упоением играл свою роль и принял вид еще более тщедушного и беззащитного создания, – этот американский герой и патриот хочет только одного – остаться в доме, ради которого ему пришлось так много и долго трудиться. Вот и все. А у него хотят его отнять. Я спрашиваю вас: разве такое возможно в Соединенных Штатах Америки? С каких пор наше правительство стало отбирать собственность у тружеников и отдавать ее богачам? Мы выбросим на улицу героя и пожилую женщину? Мы заберем их дом после того, как они проработали всю жизнь, чтобы за него расплатиться? Мы бульдозером сровняем с землей их мечты ради того, чтобы создать очередной торговый центр длиной в милю?

Теперь все смотрели на старика Рински. Адам и сам уже чуть не плакал. Конечно, кое-что он опустил – например, как Рински предлагали заплатить больше, чем стоит его дом, – но речь о непредвзятости не шла. Адвокаты всегда становятся на чью-либо сторону. Противная же, когда и если ей выпадает случай ответить, выкручивается по-своему. Никто не ждет от адвоката беспристрастности. Так устроена система.

Кто-то щелкнул камерой – снял старика Рински. Потом еще один. Поднялись руки желающих задать вопросы. Один репортер выкрикнул с места, интересуясь чувствами Рински. Тот сыграл умно, приняв вид растерянный и жалкий. Он изобразил не столько гнев, сколько изумление, пожал плечами, поднял фотографию жены и сказал: «Евнис хочет провести последние дни здесь».

«Гейм, сет, партия», – подумал Адам.

И пусть противник выворачивает факты наизнанку, как ему нравится. Звуковой фрагмент в новостях – за ними. Их история лучше – это то, чего всегда хотят СМИ: им нужна не правдивая история, а лучшая. Что делает повествование более увлекательным – торгаши, выбрасывающие из дома героя и его больную жену, или упрямый старик, который препятствует реновации, отказываясь взять деньги и перебраться в новое жилье?

Тут и сравнивать нечего.

Через полчаса, когда репортеры ушли, Гриббель с улыбкой похлопал

Адама по плечу:

– Это мэр Гаш по вашу душу.

Адам взял телефон:

– Здравствуйте, господин мэр.

– Вы думаете, это поможет?

– Только что звонили из программы «Сегодня». Они хотят, чтобы мы пришли завтра утром и дали эксклюзивное интервью. Я сказал, что пока рано.

Это был блеф, но недурной.

– Вы знаете, с какой скоростью в наши дни сменяется лента новостей? – задал вопрос Гаш. – Мы это благополучно перенесем и забудем.

– О, сомневаюсь, – возразил Адам.

– Почему же?

– Потому что на первых порах мы решили представить это дело без персоналий и как бы в общих чертах. Но мы готовы сделать следующий шаг.

– В смысле?

– В том смысле, что мы напомним, что, дескать, мэр, который так старается выкинуть из дома стариков-супругов, вполне вероятно, имеет личные причины точить зуб на честного копа, так как тот однажды арестовал его, хотя в конце концов отпустил.

Тишина. Потом:

– Я был мальчишкой.

– Ага, я уверен, что пресса это учтет.

– Ты не знаешь, с кем связался, приятель.

– Думаю, я очень хорошо это себе представляю, – сказал Адам. – Гаш?

– Что?

– Строй свою новую деревню в обход дома. Это можно сделать. И кстати, приятного дня.

* * *

Дом Рински покинули все.

Адам услышал кликанье кнопок клавиатуры в кухонном закутке. Войдя, он был ошеломлен количеством техники. Два компьютера с большими мониторами, а на столе с покрытием из огнеупорной пластмассы – лазерный принтер. Одна стена была почти полностью занята

прикрепленными фотографиями, газетными вырезками и распечатанными статьями из Интернета.

На кончике носа у Рински сидели очки. Отражения экранов усиливали голубизну его глаз.

– Зачем это все? – спросил Адам.

– Так, от нечего делать. – Старик откинулся назад и снял очки. – Хобби.

– Рыться в Интернете?

– Не совсем. – Майк ткнул пальцем себе за спину. – Видишь эту фотографию?

На снимке была запечатлена девушка с закрытыми глазами. Адам предположил, что ей лет восемнадцать или двадцать.

– Она мертва?

– С тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, – пояснил Рински. – Ее тело нашли в Мэдисоне, Висконсин.

– Студентка?

– Сомневаюсь. Студентку легко опознали бы. Но эту не узнал никто.

– Неизвестная?

– Именно. Так что видишь, я и еще несколько ребят онлайн совместными усилиями решили проблему. Поделились информацией.

– Вы занимаетесь глухими делами?

– Пытаемся. – И Майк улыбнулся Адаму, как бы говоря «а-а, ерунда». – Я же сказал, это хобби. Чтоб старый коп не сидел без дела.

– А у меня к вам вопрос.

Рински показал жестом: валяй.

– У меня есть свидетель, с которым нужно связаться. Я считаю, что это надо делать лично.

– Так всегда лучше, – согласился Рински.

– Да, но я не знаю, дома ли эта женщина, а предупредить ее о своем визите или просить о встрече не хочу.

– Ты хочешь преподнести ей сюрприз?

– Точно.

– Как ее зовут?

– Сюзанн Хоуп, – сказал Адам.

– У тебя есть ее телефон?

– Да, Энди нашел для меня в Интернете.

– Хорошо. Далеко она живет?

– Минут двадцать езды.

– Дай мне номер. – Рински вытянул руку и пошевелил пальцами. – Я

покажу тебе один приемчик маленького умного копа, и ты сможешь им пользоваться. Но я буду благодарен, если ты оставишь его при себе.

Адам дал Майку телефон. Рински нацепил очки для чтения на кончик носа, снял трубку с черного аппарата – такие Адам видел только в детстве – и набрал номер.

– Не волнуйся, – сказал он, – у меня заблокировано определение номера.

Два гудка, и женский голос ответил:

– Алло?

– Сюзанн Хоуп?

– Кто говорит?

– Я работаю в фирме по прочистке дымоходов «Акме»...

– Не интересуется. Вычеркните меня из своего списка...

Клик.

Рински пожал плечами и улыбнулся:

– Она дома.

Глава 23

Поездка заняла ровно двадцать минут.

Адам очутился посреди унылого квартала, застроенного кирпичными домами с палисадниками. В таких обычно находят пристанище молодые пары, копящие средства на покупку первого дома, и разведенные отцы, которые сидят на мели или хотят быть поближе к своим детям. Адам отыскал квартиру 9b и постучал в дверь.

– Кто там?

Голос был женский. Дверь хозяйка не открыла.

– Сюзанн Хоуп?

– Что вам нужно?

На такое он не рассчитывал. Почему-то Адам решил, что она откроет дверь и предложит войти и уже внутри он объяснит причину визита, хотя не вполне ясно понимает, в чем она заключается. Сюзанн Хоуп была тонкой ниточкой, едва заметной связью, которая могла хоть как-то объяснить бегство Коринн. Возможно, ему удастся мягко потянуть за эту ниточку и что-нибудь вызнать.

– Меня зовут Адам Прайс, – сообщил он закрытой двери. – Коринн – моя жена.

Молчание.

– Вы помните ее? Коринн Прайс?

– Ее тут нет, – ответила, как считал Адам, Сюзанн Хоуп.

– Я и не думал, что она здесь, – отозвался он, хотя сейчас, прокручивая в голове сказанное, вынужден был признать: слабая, неозвученная надежда на то, что найти Коринн будет так просто, у него все же была.

– Чего вы хотите?

– Мы можем поговорить?

– О чем?

– О Коринн.

– Это не мое дело.

Конечно, перекрикиваться сквозь дверь – это не дело, но Сюзанн Хоуп явно не испытывала желания ее отворить. Адам не хотел давить, так можно полностью потерять связь.

– Что не ваше дело? – спросил он.

– Вы и Коринн. Какие бы проблемы у вас ни были.

– Почему вы думаете, что у нас с ней проблемы?

– А иначе с чего бы вам сюда заявляться?

Действительно, с чего? Очко в пользу Сюзанн Хоуп.

– Вам известно, где Коринн?

Справа на бетонной дорожке стоял почтальон и косо поглядывал на Адама. Неудивительно. Адам вспомнил о здешних разведенных отцах, хотя тут, конечно, жили и разведенные матери. Он кивнул почтальону, демонстрируя исключительно мирные намерения, но это, похоже, не помогло.

– Откуда мне знать? – спросил из-за двери голос.

– Она пропала, – сказал Адам. – Я ее ищу.

Прошло несколько секунд. Адам сделал шаг назад и вытянул руки по швам, стараясь выглядеть как можно безобидней. Наконец дверь слегка приоткрылась. Цепочка была на месте, но теперь Адам видел в щелку часть лица Сюзанн Хоуп. Ему хотелось войти, сесть, поговорить с ней с глазу на глаз, увлечь, обезоружить, ослабить внимание, он был готов применить все средства, какие понадобятся. Но если цепочка дает Сюзанн Хоуп ощущение безопасности, то быть посему.

– Когда вы в последний раз видели Коринн? – спросил он ее.

– Давно.

– Как давно?

Адам видел, что женщина смотрит вверх и вправо. Он не считал абсолютно верной мысль, что можно определить, лжет ли человек, по движениям его глаз, но знал: когда кто-то смотрит вверх и вправо, это обычно означает, что он визуализирует воспоминания, – и наоборот, взгляд влево говорит о визуальном конструировании мысли. Разумеется, на это нельзя полагаться, как на большинство обобщений, и визуальное конструирование мысли вовсе не равносильно лжи. Если вы попросите кого-нибудь представить себе фиолетовую корову, то это приведет к визуальному конструированию, которое не будет равнозначно ни лжи, ни обману.

В любом случае Адам не думал, что Сюзанн лжет.

– Может быть, два-три года назад.

– Где?

– В «Старбаксе».

– И вы ее с тех пор не видели...

– С того дня, когда она догадалась, что я притворялась беременной, – закончила она его мысль. – И хорошо.

Адам не ожидал такого ответа.

– Никаких звонков?

– Ни звонков, ни электронных писем, ни почтовых отправлений, ничего. Простите, но я не могу вам помочь.

Почтальон продолжал заниматься своим делом – раскладывал почту по ящикам и не переставал коситься на Адама. Тот приложил руку козырьком к глазам, чтобы заслониться от солнца.

– Коринн, знаете ли, последовала вашему примеру.

– Что вы имеете в виду? – спросила Сюзанн.

– Вы знаете, что я имею в виду.

Сквозь щель в дверном проеме он заметил, как Сюзанн Хоуп кивнула:

– Она задавала мне много вопросов.

– Какого рода?

– Где я покупала накладной живот, откуда брала сонограммы и всякое такое.

– И вы направили ее на сайт «Подделай беременность».

Сюзанн Хоуп положила левую руку на дверной косяк.

– Я никуда ее не направляла, – огрызнулась она.

– Я не это хотел сказать.

– Коринн спросила, и я ей объяснила. Вот и все. Хотя да, она была чересчур любопытна. Как будто мы родственные души.

– Не понимаю.

– Я думала, она будет меня осуждать. Многие так бы и сделали, согласитесь. И кто их за это упрекнет? Какая-то чудачка притворяется беременной. Но с Коринн мы были как родственные души. Она меня сразу поняла.

«Восхитительно», – подумал Адам, но оставил сарказм при себе.

– Простите мне мою дерзость, – медленно произнес он, – но много ли вы наврали моей жене?

– О чем вы?

– Например, вот об этом, – он указал на руку, упертую в косяк двери, – на вашем пальце нет обручального кольца.

– Вау, вы, случайно, не Шерлок?

– Вы когда-нибудь были замужем?

– Да.

В ее голосе прозвучало сожаление, и на мгновение Адаму показалось, что она сейчас уберет руку и захлопнет дверь.

– Простите, – сказал он. – Я не имел в виду...

– Знаете, это была его проблема.

– Какая проблема?

– Что мы не могли иметь детей. И поэтому вы решите, что Гарольд

заслуживал сочувствия? Это у него было мало сперматозоидов. Холостая стрельба. Плохие пловцы. Я никогда его не упрекала. Он был виноват, но это не его вина, если вы понимаете, о чем я.

– Понимаю, – кивнул Адам. – Значит, по-настоящему беременной вы никогда не были?

– Никогда, – призналась она, и Адам услышал в ее голосе отчаяние.

– Вы сказали Коринн, что родили мертвого ребенка.

– Я подумала, что она скорее поймет меня, если я так скажу. Или нет, не поймет, а совсем наоборот, правда. Но что она в любом случае посочувствует. Мне так хотелось забеременеть, – наверно, это была моя ошибка. Гарольд видел это и потому ушел. Может быть. А может, он просто никогда по-настоящему не любил меня. Я больше ничего не знаю. Но я всегда хотела иметь детей. Даже в детстве мечтала о большой семье. У моей сестры Сары, которая клялась, что никогда не заведет детей, теперь их трое. И я помню, как она была счастлива при беременности, как она сияла. Думаю, мне просто хотелось узнать, каково это. Сара говорила, что беременность дает ей чувствовать себя такой важной персоной. Все спрашивали ее, когда родится ребенок, желали ей удачи и все такое. Так вот однажды я и решилась.

– И притворились беременной?

Сюзанн кивнула в дверном проеме.

– Шутки ради, правда. Просто чтобы посмотреть, как это будет выглядеть. И Сара была права. Люди придерживали для меня дверь. Они порывались донести мои покупки из овощного магазина и уступали место на парковке. Спрашивали, как я себя чувствую, и вроде бы искренне интересовались ответом. Люди ведь подсаживаются на таблетки? Или на другую дурь, я читала, что это из-за выработки допамина. Ну а на меня так действовало вот это – вызывало прилив допамина.

– Вы и сейчас это делаете? – спросил Адам, хотя сам не понял зачем. Сюзанн Хоуп познакомила его жену с сайтом. Тут никаких сомнений нет. Больше ничего нового он здесь не узнает.

– Нет, сказала она. – Как все наркоманы, я остановилась, достигнув дна.

– Вы не рассердитесь, если я спрошу, когда это случилось?

– Четыре месяца назад. Когда Гарольд обо всем узнал и выбросил меня, как скомканную салфетку.

– Сочувствую, – сказал Адам.

– Не стоит. Это к лучшему. Я сейчас на лечении, признаю мою болезнь: это я, а не кто-то другой. Гарольд меня не любил. Теперь я это

понимаю. Наверно, он никогда меня не любил или начал ненавидеть. Мужчина не может иметь детей, и это ущемляет его мужское достоинство. Наверно, все дело в этом. Но как бы там ни было, я искала поддержки на стороне. Наши отношения пропитались ядом.

– Глубоко соболезную, – сказал Адам.

– Это не важно. Вы пришли сюда не затем, чтобы выслушивать жалобы. Достаточно сказать, что мне повезло, я не платила денег. Этот парень открыл Гарольду мой секрет; быть может, это лучшее из того, что случилось.

У Адама похолодело в груди, и холодок добежал до кончиков пальцев, а голос зазвучал словно издалека.

– Какой парень?

– Что?

– Вы сказали, какой-то парень раскрыл мужу ваш секрет. Что за парень?

– О боже мой. – Сюзанн Хоуп наконец открыла дверь и с болью в глазах посмотрела на Адама. – Он и вам рассказал.

Глава 24

Адам сел на диван напротив Сюзанн Хоуп. В ее квартире были белые стены и белая мебель, но все равно царили мрак и уныние. Окна пропускали очень мало света. Ни пятен, ни грязи видно не было, однако и без них квартира казалась какой-то засаленной. Произведение искусства, если это можно так назвать, но слишком в стиле номеров сети гостиниц «Мотель 6».

– Вы тоже так узнали о фальшивой беременности? – спросила Сюзанн. – И к вам приходил этот парень?

Адам сидел, и его продолжал бить озноб. Волосы Сюзанн Хоуп собрала высоко на затылке – когда-то, по-видимому, это была кичка. То, что в ней осталось, скрепляла черепаховая заколка. Правую руку украшало множество браслетов в цыганском стиле, и они позвякивали при каждом движении. Глаза у Сюзанн были большие, широко раскрытые, и она часто моргала; наверно, в молодости это придавало ей живой вид, но сейчас создавало впечатление, что она ждет удара.

Адам подался вперед:

– Вы сказали, что не платили денег.

– Да.

– Расскажите, что произошло.

Женщина встала:

– Хотите вина?

– Нет.

– Наверно, мне тоже не стоит пить.

– Что произошло, Сюзанн?

Она с вождением посмотрела в сторону кухни. Адам вспомнил еще одно правило проведения допроса, а то и жизни вообще: алкоголь растормаживает. У людей развязываются языки, и, хотя ученые оспаривают это, Адам был убежден, что спиртное – сыворотка правды. Как бы там ни было, если он воспользуется гостеприимством Сюзанн, то она может стать более откровенной.

– Разве что стаканчик, – согласился он.

– Красного или белого?

– Все равно.

Сюзанн отправилась на кухню пружинистым шагом, который плохо вязался с депрессивной атмосферой квартиры. Открыв холодильник, она

сообщила:

– Я подрабатываю кассиром в «Коль'с». Мне нравится. Сотрудникам дают скидку, и люди там милые.

Она взяла два бокала и стала их наполнять.

– Так вот однажды я вышла пообедать. У них там сзади стоят столики для пикников. Я туда иду, а этот парень в бейсболке меня поджидает.

Бейсболка. Адам сглотнул:

– Как он выглядел?

– Молодой, бледный, худой. Типичный компьютерщик. Знаю, это звучит странно, особенно если учесть дальнейшее, но он был довольно мил. Как будто он мой друг. У него была такая улыбка, что я немного поплыла.

Она разлила вино.

– И что случилось? – спросил Адам.

– Он вдруг ни с того ни с сего спрашивает: «А ваш муж про это знает?» Я останавливаюсь и говорю что-то вроде «простите?» А он повторяет: «Ваш муж знает, что вы имитировали беременность?»

Сюзанн взяла бокал и отпила большой глоток. Адам встал и подошел к ней. Она подала ему другой и сделала движение, чтобы чокнуться. Адам подчинился и произнес:

– Продолжайте.

– Он спросил, знает ли муж о моей лжи. Я спросила, кто он такой. Он не ответил. Только сказал, что незнакомец, который открывает правду, что-то вроде того. А потом заявил, что у него есть доказательства моей лжи насчет беременности. Сначала я решила, что он видел меня в «Букэндсе» или «Старбаксе», знаете, как Коринн. Но я его раньше никогда не встречала, и что-то в том, как он говорил... ну как-то не складывалось.

Сюзанн Хоуп сделала новый глоток. Адам тоже. Вино было гадкое.

– И этот парень потребовал с меня пять тысяч долларов. Он сказал: если я заплачу, он уйдет и я его больше никогда не увижу, хотя – и это было действительно странно – добавил, что я не должна больше лгать.

– Что он имел в виду?

– Он так сказал. Предложил сделку: ты платишь мне пять тысяч и прекращаешь притворяться беременной, а я ухожу, и все довольны. Но если я продолжу жульничать – да, именно это слово он использовал, «жульничать», – он расскажет правду моему мужу. И еще он добавил, что это одноразовый платеж.

– Что вы ответили?

– Сначала я спросила, где гарантии, что я могу ему доверять. Если я

отдам ему деньги, откуда мне знать, что он не попросит больше?

– Как он отреагировал?

– Он улыбнулся мне той же улыбкой и сказал: мы так не делаем, не поступаем так. И знаете, это странно, но я ему поверила. Может, из-за улыбки, а может, и нет, я не знаю. Но думаю, он был честен.

– Но вы ему не заплатили?

– Откуда вы знаете? А, погодите, я же сама вам сказала. Смешно. Сперва я начала думать, откуда мне взять столько денег? А потом, когда немного успокоилась, решила: постойте, что плохого я сделала? Я обманывала нескольких малознакомых людей. Я же не лгала Гарольду, правда?

Адам сделал еще глоток. Ну и пошло.

– Правда.

– Не знаю – может быть, я посчитала, что меня берут на испуг. Может, мне было просто все равно. Или, черт побери, я и хотела, чтобы он выложил все Гарольду. Ведь правда освобождает? Может быть, в конце-то концов, мне это и было нужно. Чтобы Гарольд понял: это мой крик о помощи. И начал уделять мне больше внимания.

– Но этого не случилось? – спросил Адам.

– Даже близко ничего похожего, – ответила Сюзанн. – Не знаю, когда и как этот малый сказал Гарольду. Но он это сделал. Он дал Гарольду ссылки, чтобы тот проверил, какие вещи я заказывала на этом сайте по подделке беременности. Гарольд рвал и метал. Я думала, что это откроет ему глаза на мою боль, но все получилось наоборот. Это ударило по самому слабому месту. По его проблемам с тем, что он не настоящий мужчина, – все это на него навалилось. Это, знаете ли, нелегко. Мужчина должен распространять свое семя, и если оно с изъязном, то это задевает за самое живое. Глупо.

Сюзанн выпила еще и посмотрела в глаза Адаму.

– Я удивлена, – сказала она.

– Удивлены чем?

– Что Коринн пошла по тому же пути. Я бы скорее предположила, что она заплатит.

– Почему вы так думаете?

Сюзанн пожала плечами:

– Потому что она вас любит и может слишком многое потерять.

Глава 25

Могло ли все быть настолько просто?

Чтобы схема шантажа свелась к такому примитиву? Незнакомец пришел к Сюзанн Хоуп и потребовал денег в обмен на молчание. Она отказалась платить. Он рассказал ее мужу об имитации беременности.

Произошло ли с Коринн и Адамом то же самое?

С одной стороны, было очень на то похоже. Супругов Хоуп шантажировали. Почему с ним и с Коринн не могло случиться того же? Ты просишь денег, тебе их не дают, ты рассказываешь. Так работает шантажист. Однако по пути домой Адам стал заново прокручивать в голове услышанное от Сюзанн и почувствовал: тут что-то не так. Он не мог докопаться до сути. Почему-то известная теория шантажа не проходила проверку на запах.

Коринн была решительна и умна. Она отличалась предусмотрительностью и всегда все тщательно планировала. Если незнакомец пригрозил ей шантажом и Коринн решила не платить, то она, как прилежная ученица, подготовилась бы к последствиям. Но когда Адам после визита незнакомца предъявил ей претензию, она растерялась. У нее не было готового ответа. Она как-то слабо уклонялась от его вопросов. И он не сомневался, что застал ее врасплох.

Почему? Если ее шантажировали, то разве бы она по меньшей мере не опасалась, что незнакомец пообщается с Адамом?

И как она отреагировала? Сбежала? Какой в этом смысл? Побег был слишком быстрым и неуклюжим: она едва удосужилась дать знать ему и сообщить об отъезде в школе, но удивительнее всего было то, что Коринн оставила в полном неведении детей.

Это на нее не похоже.

Тут кроется что-то еще.

Адам мысленно отмотал пленку назад, к тому злополучному вечеру в холле Американского легиона. Он представил себе незнакомца, вспомнил молодую блондинку, которая была с ним. Подумал, каким спокойным и уверенным выглядел этот тип. Ему не доставляло радости сообщать Адаму о проделках Коринн – ничто в нем не выдавало ни психо-, ни социопата, но в то же время он не казался и деловым человеком.

В сотый раз за сегодняшний день Адам проверил телефонный локатор в надежде, что после визита в Питтсбург Коринн наконец зарядила

мобильник. Он снова поразмышлял о том, остановилась ли она там или просто побывала проездом. Адам готов был поспорить, что побывала проездом, а также – что в какой-то момент сообразила: сын догадается поискать ее локатором, и просто вырубила мобильный или нашла способ отключить шпионское приложение.

Ладно, допустим, что Коринн выехала из Седарфилда и миновала Питтсбург. Куда она направилась?

Ни малейшего представления. Но что-то было не так, причем очень сильно не так.

Спасибо большое, мистер Очевидность. И все-таки Коринн просила его не вмешиваться. Должен ли он послушаться? Следует ли ему держаться в стороне и наблюдать за развитием событий? Или угроза слишком реальна, чтобы сидеть сложа руки?

Нужно ли ему искать помощи? Что делать: обратиться в полицию или оставить все как есть?

Адам не мог решить, в огонь или в полымя – с обеих сторон его ожидали проблемы, – но вдруг, когда он повернул на свою улицу, все эти мысли отошли на задний план. Подъехав к дому, Адам заметил троих мужчин: они стояли на тротуаре напротив его газона. Одним из гостей был сосед Кэл Готтсман, который без устали подталкивал вверх по носу очки. Двое других были Трипп Эванс и Боб «Гастон» Байме.

Что за...

Какое-то мгновение, долю секунды, Адам ожидал самого худшего: что-то ужасное случилось с Коринн. Но нет, не эти трое стали бы вестниками несчастья. Такую роль исполнил бы Лен Гилман, местный коп, двое детей которого тоже участвовали в специальной программе для юных игроков в лакросс.

Будто прочтя его мысли, патрульная машина с надписью «Полицейское управление Седарфилда» вывернула на дорогу и плавно подкатила к тому месту, где стояли трое мужчин. За рулем сидел Лен Гилман.

У Адама упало сердце.

Он быстро припарковался и распахнул дверцу. Тем временем Гилман проделывал те же действия. Когда Адам ступил на землю, колени у него чуть не подкосились. На трясущихся ногах он засеменил уже к четверым людям.

Все торжественно смотрели на него.

– Нам нужно поговорить, – произнес Лен Гилман.

Глава 26

Шеф полиции Бичвуда, штат Огайо, Джоанна Гриффин никогда не бывала на месте убийства. Конечно, свою порцию мертвых тел она видела. Многие люди звонят в полицию, когда находят бездыханными своих близких, умерших от естественных причин. То же и с передозами или самоубийствами. Так что да, Джоанна не раз соприкасалась со смертью. За годы службы она сталкивалась и с немалым количеством кровавых автомобильных аварий. Всего два месяца назад трейлер пересек разделительную линию и врезался в «форд-фиесту». Водитель был обезглавлен, а череп его жены расплюсчен, как пластиковый стаканчик.

Кровь, блевотина и даже трупы не тревожили Джоанну.

Но это да, это ее проняло.

Почему? Во-первых, убийство. От самого слова было не по себе.

Убийство. Стоит произнести, и по телу ползут мурашки. Ничто с этим не сравнится, правда. Одно дело расстаться с жизнью из-за болезни или несчастного случая. Но когда у тебя отбирают жизнь намеренно, когда какое-то человеческое существо, твой брат, покушается на само твое бытие – это обидно во многих смыслах. Это оскорбительно и непристойно. Это больше чем преступление. Это игра в Бога наименее божественным способом.

Но даже такое Джоанна могла бы пережить.

Стараясь дышать ровно и чувствуя, как к горлу подступает ком, она опустила взгляд на труп. Хейди Данн смотрела на нее немигающими глазами. Во лбу зияло пулевое отверстие. Вторая пуля – или, может, первая, если разобраться, – раздробила ей колено. Хейди истекла кровью на восточном ковре, купленном задешево у парня по имени Рави, который торговал этим товаром с грузовика перед продуктовым супермаркетом «Хоул фудс». Джоанна не раз без особого энтузиазма прогоняла его, но улыбчивый Рави, который предлагал покупателям отличные цены, всегда возвращался.

Новичок-полицейский по имени Норберт Пендергаст, работавший с Джоанной, старался сдерживать возбуждение. Он подобрался к ней бочком и сообщил:

– Ребята из округа уже выехали. Они заберут у нас это дело?

Заберут, Джоанна знала. Местные копы большую часть времени занимались дорожными происшествиями, проверкой прав у

велосипедистов да бурными домашними ссорами. Более серьезные преступления, те же убийства, передавали полицейским из округа. Так что да, через несколько минут появятся большие ребята, которые, размахивая маленькими членами, дадут понять, что берут дело в свои руки. Они отодвинут ее в сторону, и... Не нужно мелодрам, но здесь ее город. Джоанна выросла в нем, изучила каждый закоулок и знала людей. К примеру, ей было известно, что Хейди любила танцевать, отлично играла в бридж и обладала озорным, заразительным смехом. Кроме того, она знала, что Хейди нравилось экспериментировать с необычными цветами лака для ногтей, что ее любимыми сериалами были «Мэри Тайлер Мур» и «Во все тяжкие» (да, такова была Хейди), а также что она купила восточный ковер, на котором истекла кровью, у Рави перед магазином «Хоул фудс» за 400 долларов.

– Норберт?

– Да?

– А где Марти?

– Кто?

– Муж.

Норберт махнул рукой за спину:

– На кухне.

Джоанна подтянула штаны – сколько бы она ни старалась, пояс форменных брюк никогда не сидел как надо – и отправилась на кухню. Когда она вошла, бледное лицо Марти вскинулось, будто отпустили натянутую струну. Глаза у него были ошалелые и пустые, точно стеклянные шарики.

– Джоанна?

Голос был глухой и неживой.

– Я так вам сочувствую, Марти...

– Я не понимаю...

– Давайте не будем торопиться. – Джоанна выдвинула кухонный стул напротив Марти – да, это был стул Хейди – и села.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, Марти. Вы можете отвечать?

Окружные хреномоты долго будут смотреть на Марти как на преступника. Он ничего не сделал. Джоанна знала, но объяснять нет смысла, потому как, по правде говоря, она это знала просто потому, что знала. Окружные хрены только посмеются над ней и расскажут о проценте убийств, похожих на это и совершенных мужьями. Ну и ладно. Кто знает? Может, они и правы (хотя они не правы), но в любом случае окружные

хрены будут двигаться в этом направлении. А она попробует пойти в другом.

Марти тупо кивнул:

– Ага.

– Итак, вы только что пришли домой?

– Да, я был на собрании в «Колумбусе».

Нет смысла спрашивать, может ли кто-нибудь подтвердить это. Пусть окружающие хрены проверят.

– Так что случилось?

– Я оставил машину на подъездной дорожке. – Голос был ровный и как будто совершенно бесстрастный. – Открыл дверь своим ключом. Позвал Хейди – я знал, что она дома, потому что ее машина на месте. Вошел и... – Лицо Марти скривилось и утратило человеческие черты, а потом обмякло и стало избыточно человеческим.

В обычных обстоятельствах Джоанна дала бы скорбящему супругу время прийти в себя, но скоро появятся окружающие хрены.

– Марти?

Он попытался успокоиться.

– Что-нибудь пропало?

– Что?

– Как при ограблении.

– Не думаю. Я не заметил никаких пропаж. Но я толком и не смотрел.

Ограбление, Джоанна понимала, было маловероятным. С одной стороны, в доме не хранилось ничего особо ценного. С другой – бабушкино обручальное кольцо – а Джоанна знала, что это самая дорогая вещь во всем имуществе Хейди, – осталось на пальце убитой. Грабитель наверняка забрал бы его.

– Марти?

– А?

– Кто приходит вам в голову первым?

– О чем вы?

– Кто мог это сделать?

Марти задумался. Потом его лицо снова сморщилось.

– Вы же знаете мою Хейди, Джоанна.

Знаете. Продолжает использовать настоящее время.

– У нее вообще не было врагов.

Джоанна достала блокнот, открыла на пустой странице и уставилась в нее, надеясь, что никто не заметит ее наполнившихся слезами глаз.

– Думайте, Марти.

– Я думаю. – Он издал стон. – О боже, я ведь должен сообщить Кимберли и мальчикам. Как я скажу им?

– С этим я помогу, если хотите.

Марти будто запрыгнул в спасательную шлюпку.

– Правда? – «Марти милый парень, – подумала Джоанна, – но никогда он не был достаточно хорош для такой женщины, как Хейди». Хейди была особенной. Она была из тех, кто заставляет окружающих чувствовать себя особенными. Проще говоря, Хейди была волшебницей.

– Дети обожают вас, вы же знаете. Как и Хейди. Она бы хотела, чтобы это сделали вы.

Джоанна не отрывала взгляда от пустой страницы.

– Что-нибудь произошло в последнее время?

– Что? Вы имеете в виду нечто подобное?

– Я имею в виду что-нибудь в смысле что-нибудь. Получали ли вы звонки с угрозами? Может, Хейди поругалась с кем-нибудь в «Маки'с»? Или кто-то подрезал ее на двести семьдесят первом шоссе? Может, она показала палец кому-то, кто лез без очереди у Джека? Что угодно.

Он медленно покачал головой.

– Давайте, Марти. Думайте.

– Ничего, – сказал он и посмотрел на Джоанну; лицо было искажено страданием. – Ничего не могу вспомнить.

– Что тут происходит? – раздался за спиной командный голос, и Джоанна поняла: ее время вышло. Она встала и обернулась к двум хренам из округа, представилась. Они просверлили ее взглядами, словно подозревали в краже столового серебра, после чего заявили, что возьмут это дело на себя.

Ну и пусть. Джоанна не против. У них есть опыт в таких делах, а Хейди заслуживает лучшего. Джоанна вышла, довольная, что поисками преступника займутся детективы из убойного.

Но будь она проклята, если это означает, что ей не удастся сказать свое слово.

Глава 27

– Дети дома? – спросил Лен Гилман.

Адам покачал головой. Они так и стояли на тротуаре впятером. Лен не был похож на копа, хотя грубость отточил до уровня искусства. Он напоминал Адаму главаря банды мотоциклистов, который пусть и постарел, но по-прежнему одевается во все кожаное и околачивается в низкопробных барах. На сидящих усах Гилмана, имевших форму велосипедного руля с лихо закрученными кончиками, виднелись желтые следы никотина. Он предпочитал рубашки с коротким рукавом, даже когда был в форме и имел достаточное количество волос на руках, чтобы его приняли за медведя.

Какое-то мгновение никто не двигался. Просто пятеро городских папаш собрались на тротуаре в четверг вечером.

«Ерунда какая-то, – подумал Адам, – и, может быть, это хорошо».

Если Лен Гилман явился сюда в качестве офицера полиции и принес худшие новости, то зачем звать Триппа, Гастона и Кэла?

– Может, зайдём в дом и поговорим? – предложил Лен.

– А в чем дело?

– Будет лучше, если мы уединимся.

У Адама возникло искушение сказать, что они и так в уединении: на тротуаре возле газона перед его домом их никто не мог слышать, но Лен уже направился по дорожке ко входу, и Адам не захотел препятствовать разговору. Остальные трое ждали, что сделает Адам. Гастон склонил голову и рассматривал траву. Кэл нервничал, но это его рабочий режим по умолчанию. Триппа было не понять.

Адам двинулся за Леном, остальные потянулись следом. Когда они оказались у двери, Лен отступил в сторону, давая Адаму воспользоваться ключами. Джерси побежала к ним, клацая когтями по деревянному полу; наверно, псина почуяла неладное, и ее приветствия были какими-то смазанными и формальными. Джерси мигом уяснила ситуацию и ретировалась на кухню.

В доме наступила тишина, такая умышленная глушь, как будто даже стены и мебель сговорились не издавать ни звука. Адаму было не до любезностей. Он никому не предложил сесть, не поинтересовался, есть ли желающие выпить. Лен Гилман направился в гостиную, словно был тут хозяином или ему, как копу, вообще все нипочем.

– Что происходит? – спросил Адам.

Лен заговорил от лица всей группы:

– Где Коринн?

Адам испытал два острых чувства одновременно. Первое – облегчение. Если бы Коринн пострадала или еще что похуже, то Лен знал бы, где она. А значит, что бы здесь ни произошло, даже если случится какая-нибудь неприятность, сценарий все равно не худший. Второе – страх. Потому что да, похоже, Коринн пока в безопасности, но что бы ни предвещал этот визит, судя по откровенной демонстрации силы и тону, каким говорил Лен, добра ждать не следовало.

– Ее нет дома, – ответил Адам.

– Да, это мы видим. Ты не возражаешь, если мы спросим, где она?

– А вы не возражаете, если я спрошу, зачем вам это знать?

Лен Гилман не сводил взгляда с Адама. Остальные стояли и переминались с ноги на ногу.

– Почему бы нам не присесть?

Адам собрался было воспротивиться и заявить, что это его дом и он сам будет решать, кому, когда и куда садиться, но это показалось ему бессмысленной тратой сил. Лен со вздохом опустился на большой стул, который обычно оставляли Адаму. Тот про себя отметил, что это, возможно, очередное проявление власти, но опять же к чему беспокоиться по мелочам. Остальная троица уселась на диван, похожая на трех неразлучных обезьянок – ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Адам остался стоять.

– Какого черта тут происходит? – повторил он.

Лен Гилман погладил рулеобразные усы, как щенка.

– Давайте сразу внесем ясность. Я здесь в роли друга и соседа, а не офицера полиции.

– О, это обнадеживает.

Лен не удостоил вниманием сарказм и продолжил:

– Так вот, в качестве друга и соседа я сообщаю, что мы разыскиваем Коринн.

– А я как друг и сосед, не говоря уже о роли равнодушного супруга, спрашиваю тебя – зачем?

Лен Гилман кивнул, выгадывая время и прикидывая, как разыграть эту карту.

– Я знаю, что Трипп вчера сюда заезжал.

– Заезжал.

– Он сказал, что у нас было собрание оргкомитета лиги лакросса.

Лен замолчал, исполняя известный трюк копов, когда они делают паузу и ждут, не сболтнет ли чего собеседник. Адам прекрасно освоил эту технику, работая в прокуратуре. Он также знал, что те, кто отыгрывает ситуацию в обратном направлении и пытается перемолчать полицейского, обычно что-то скрывают. Адаму скрывать было нечего. Кроме того, он хотел двигаться дальше, а потому снова подтвердил слова Лена:

– Верно.

– Коринн не пришла на собрание. Вообще не появилась.

– И что? Она должна принести записку от родителей?

– Не умничай, Адам.

Лен был прав. Надо завязывать с насмешками.

– А ты член оргкомитета, Лен? – спросил Адам.

– Я член с широкими полномочиями.

– Что это значит?

Лен улыбнулся и развел руками.

– Черт бы меня побрал, если я знаю. Трипп – президент, Боб – вице-президент, а Кэл – секретарь.

– Я знаю, старик, и я впечатлен. – И снова Адам мысленно обругал себя за тон. Сейчас не время. – Но все равно не пойму, почему вы ищете Коринн?

– А мы не понимаем, почему нам ее никак не найти, – парировал Лен, разводя мясистыми руками. – Мистика какая-то, да? Мы писали ей сообщения. Мы слали электронные письма. Мы звонили ей на мобильный и домой. Черт возьми, я даже заезжал в школу. Тебе это известно?

Адам прикусил губу и смолчал.

– Коринн я там не застал. Она отсутствовала, и записки от родителей не было. Тогда я переговорил с Томом. – Том Горман был директором школы. Он тоже жил в Седарфилде, имел троих детей. Такие городки становятся со временем жуть до чего кровосмесительными. – Так вот Том говорил, что у Коринн лучший показатель посещаемости среди учителей во всем округе. И вдруг она прогуливает. Он встревожен.

– Лен?

– Да?

– Ты можешь перестать болтать и объяснить мне, зачем вам всем так понадобилась моя жена?

Лен перевел взгляд на сидящих рядом трех мартышек. Лицо Боба было будто выточено из камня. Кэл деловито протирает очки. Оставался Трипп Эванс. Он откашлялся и произнес:

– Обнаружены некоторые нестыковки в финансовых документах лиги.

Бабах.

Или, может, наоборот. В доме стало еще тише. Адам был уверен, что слышит биение собственного сердца. Он нашел себе стул и опустился на него.

– О чем вы говорите?

Но конечно, он уже знал. Разве нет?

У Боба прорезался голос.

– А ты как думаешь, о чем мы говорим? – почти прорычал он. – Со счета пропали деньги.

Кэл кивнул – лишь для того, чтобы что-то сделать.

– И вы думаете... – Адам не закончил.

Во-первых, ясно, о чем они думают. А во-вторых, ни к чему облекать в слова такие смехотворные обвинения.

Но были ли они смехотворными?

– Давайте не будем опережать события, – произнес Лен, изображая из себя само Здравомыслие. – Сию секунду мы просто хотим поговорить с Коринн. Я уже сказал, что нахожусь здесь в качестве друга и соседа и еще, может быть, как член оргкомитета. Вот почему мы здесь. Мы друзья Коринн. И твои тоже. Мы хотим, чтобы все это осталось между нами.

Все закивали.

– В каком смысле?

– В том смысле, – сказал Лен, подавшись с заговорщицким видом вперед, – что, если в бумагах все будет исправлено, история на том и закончится. И не выйдет за пределы этой комнаты. Никто не задаст никаких вопросов. Если разночтения будут устранены и бухгалтерские документы не покажут недостачи, мы не станем интересоваться что да как. Будем жить дальше.

Адам молчал. Все организации одинаковы: везде покрывают друг друга и лгут, рассуждая о высшем благе и прочем. Хоть Адам и был смущен и напуган, сквозь эти чувства пробивалось отвращение. Но продемонстрировать его – ни-ни. Ему нужно быть очень осторожным. Несмотря на то что Лен Гилман дважды повторил свою брехню насчет «друга – соседа – члена оргкомитета», он был коп. И пришел сюда не из любезности. Он собирал информацию. Адам должен выдавать ее осмотрительно.

– Эта недостача, – начал Адам. – Она большая?

– Очень, – ответил Лен.

– В пересчете на...

– Извини, это конфиденциальная информация.

– Вы же не думаете всерьез, что Коринн могла сделать что-нибудь...

– Сейчас, – перебил его Лен Гилман, – нам просто нужно с ней поговорить.

Адам хранил молчание.

– Где она, Адам?

Разумеется, он не мог им сказать. Не мог даже попытаться объяснить. Адвокат одержал в нем верх. Сколько раз он сам предупреждал своих клиентов: не болтайте. Сколько обвинений было предъявлено лишь потому, что разные идиоты распускали язык, чтобы выпутаться.

– Адам?

– Думаю, друзья мои, вам лучше уйти.

Глава 28

Ден Молино едва не плакал, глядя, как его сын Кенни стоит в очереди, чтоб сдать норматив по бегу на сорок ярдов.

Кенни заканчивал старшую школу и был одним из самых многообещающих футболистов в штате. Последний год выдался на редкость удачным: он обратил на себя внимание и заслужил уважение крупных скаутов;^[17] и вот теперь его сын здесь, разогревается перед финальным комбинированным упражнением. Ден стоял на открытой трибуне, ощущая знакомый прилив энергии, родительское воодушевление, которое возникало всегда, когда он видел, как его здоровяк – Кенни сейчас весил двести восемьдесят пять фунтов – готовится вставить ноги в стартовые колодки. Ден и сам был немаленький – шесть футов два дюйма, двести сорок фунтов.^[18] Когда-то он тоже играл в мяч, полузащитником, участвовал в чемпионатах Америки, но ему чуть не хватало скорости и мощи, чтобы попасть в первый дивизион. Двадцать пять лет назад он открыл собственное дело – занялся доставкой мебели и разного оборудования; сейчас у Дена было два огромных грузовика и на него работали девять парней. У больших торговых компаний, как правило, есть свой «доставочный флот». Ден специализировался на обслуживании маленьких семейных магазинов, хотя их с каждым днем становилось все меньше, и эта тенденция, судя по всему, сохранится. Крупные сети выдавливали их так же, как крутые ребята из UPS или «Федекс» – зажимали.

И все же Дену удавалось зарабатывать на жизнь. Некоторые сетевые магазины по продаже матрасов недавно отказались от собственных служб доставки, решив, что дешевле нанимать местных вроде Дена. Это помогло. И ладно, умопомрачительного успеха не было, но дела у Дена шли неплохо. Они с Карли имели славный домик в Спарте у озера и растили троих детей. Двенадцатилетний Рональд был младшим. Карен первый год училась в старшей школе и приближалась к гормональному взрыву, когда девочки начинают привлекать к себе внимание мальчиков. Ден надеялся, что переживет это. Ну и еще у них был Кенни, первенец, выпускник старшей школы, который вот-вот должен отправиться на полностью оплачиваемую футбольную программу в колледж. В штатах Алабама и Огайо уже проявили к нему интерес.

Только бы Кенни справился с этим забегом на сорок ярдов.

Наблюдая за сыном, Ден почувствовал, как увлажняются глаза. Так случалось всегда. Было немного стыдно. Что за реакция? Но ничего с собой поделаться Ден не мог. Когда Кенни перешел в старшую школу, Ден, чтобы никто не видел его слез, стал надевать на игры темные очки. Но этого не сделаешь в помещении в то время, как Кенни получает какую-нибудь награду. Так было, например, когда сына признали самым ценным игроком. Об этом объявили на устроенном для команды ужине. Ден сидел там, и – готово дело, глаза на мокром месте. Иногда даже слезы текли. Если люди замечали его слабость, он отговаривался аллергией, или простудой, или еще чем-нибудь. Кто знает – может, ему и верили. Карли нравилась в муже эта черта: в такие моменты она называла его мягкосердечным медвежонком Тедди и крепко обнимала. Все остальное в этой жизни – любые ошибки и свершения – было ничем в сравнении с тем фактом, что Карли Аппельгейт выбрала его спутником жизни; это был его победный гол.

По правде говоря, Ден не считал, что Карли повезло в той же мере. Когда-то она нравилась Эдди Томпсону. Семья Эдди рано присоединилась к созданию сети «Макдоналдс», сделала состояние. И нынче дня не проходило, чтобы о благотворительных акциях и других деяниях Эдди и его жены Мелинды не написали в газетах. Карли молчала, но Ден знал: ее это задевает. Или это проблемы самого Дена? Трудно сказать. Он знал наверняка лишь одно: при виде того, как его дети совершают нечто особенное – играют в американский футбол или завоевывают награды, – его глаза увлажняются. Он был легок на слезу и старался скрыть это, но Карли знала правду и любила его таким, как есть.

Сегодня Ден надел темные очки. Так было нужно.

Под надзором бдительных очей важных скаутов Кенни отлично прошел испытания: прыжок в высоту, игру семь на семь, позиционную войну. Все должен окончательно решить забег на сорок ярдов. Успех означает стипендию в каком-нибудь крутом университете. Огайо, Пенсильванию, Алабаму; может быть – о боже, об этом лучше даже не мечтать, – Нотр-Дам. Скаут из Нотр-Дама был здесь, и Ден не мог не отметить, что он внимательно следит за Кенни и делает какие-то пометки.

Один последний забег. Достаточно выбежать из 5,2, и Кенни победит. Так было сказано. Если результат будет хуже, скауты потеряют к нему интерес, пусть даже во всем прочем он был хорош. Им нужно 5,2 или лучше. Если Кенни это удастся, если он пробежит дистанцию и покажет свое лучшее время...

– Вы ведь знаете?

Незнакомый голос на секунду испугал Дена, но потом он решил, что

этот субъект просто не с ним разговаривает. И все же, когда Ден украдкой взглянул, он обнаружил незнакомца, который смотрел прямо в темные стекла его солнцезащитных очков.

«Мелкий какой-то паренек», – подумал Ден, хотя ему все казались мелкими. Не низкий. Просто маленький. Небольшие кисти; тонкие, почти хилые руки. Смотревший на него в упор человек разительно отличался от окружающих, и было ясно, что он не из их числа. В нем не было ничего спортивного. Слишком щуплый, слишком задрот. Большая бейсбольная кепка чересчур низко надвинута на глаза. И эта мягкая, дружелюбная улыбка.

– Вы ко мне обращаетесь? – спросил Ден.

– Да.

– Я тут вроде как немного занят.

Парень не переставал улыбаться, пока Ден медленно отворачивался от него, чтобы следить за полем, где Кенни уже упирал ногу в колодку. Ден смотрел и ждал, когда заработает его водопроводная станция.

Однако на этот раз глаза остались сухими.

Ден рискнул оглянуться. Парень продолжал смотреть на него и улыбаться.

– У вас проблемы?

– Это может подождать до окончания забега, Ден.

– Что может подождать? Откуда вы знаете мое...

– Ш-ш-ш, давайте посмотрим, как он пробежит.

На поле кто-то крикнул: «На старт! Внимание!», после чего раздался выстрел. Голова Дена метнулась в сторону сына. Кенни сделал мощный прыжок прямо со старта и замолотил ногами по своей дорожке, как уходящий от погони грузовик. Ден засиял. «Продолжать в том же духе», – подумал он. Кенни вас всех скосит, как травинки.

Забег длился считанные секунды, но по ощущениям – гораздо дольше. Один из новых водителей Дена, мальчишка, который отрабатывал студенческий заем, написал эссе, в котором утверждал, что время замедляется, когда человек переживает нечто новое. Что ж, это было ново. Может быть, потому секунды и текли так медленно. Ден следил за сыном, который приближался к личному рекорду в забеге на сорок ярдов и этим закреплял за собой право на оплачиваемую путевку в некое особое место, куда Дену никогда не попасть, и стоило Кенни пересечь финишную черту с рекордным временем 5,07, как Ден не усомнился: сейчас потекут слезы.

Но они не потекли.

– Отличное время, – сказал паренек. – Вы должны гордиться.

– Можете не сомневаться, я горжусь.

Теперь Ден смотрел на незнакомца прямо. А, чтоб тебя, козявка. Это был один из величайших моментов – может быть, величайший в жизни Дена, и будь он проклят, если позволит какому-то придурку испортить ему праздник.

– Мы знакомы?

– Нет.

– Вы скаут?

Незнакомец улыбнулся:

– Я похож на скаута, Ден?

– Откуда вы знаете мое имя?

– Я много чего знаю. Вот.

Незнакомец протянул Дену конверт из манильской бумаги.

– Что это?

– Разве не знаете?

– Я понятия не имею, за кого вы, черт возьми...

– Трудно поверить, что до сих пор никто не обращал на это ваше внимание.

– Обращал на что?

– Взгляните на своего сына.

Ден повернулся к беговой дорожке. Кенни улыбался во весь рот и смотрел в сторону боковой линии, ища отцовского одобрения. Вот теперь слезы хлынули. Ден махнул рукой, и сын, который не кутил по ночам, не пил и не курил траву, не водился с дурной компанией, который до сих пор – да-да, хотя никто не верил – предпочитал проводить свободное время со своим стариком, смотреть игры или какое-нибудь кино по каналу «Нетфликс», помахал в ответ.

– В прошлом году он весил сколько? Двести тридцать? – спросил незнакомец. – Он набрал пятьдесят пять фунтов, и никто не заметил?

Ден нахмурился, хотя в груди у него похолодело.

– Это называется «переходный возраст», осел. Это называется «упорный труд».

– Нет, Ден. Это называется винстрол. Это называется «допинг».

– Что?

– До-пинг – разные препараты, позволяющие улучшить результат. В простонародье известны под названием «стероиды».

Ден развернулся и вперил взгляд в лицо щуплого незнакомца. Тот продолжал улыбаться.

– Что ты сказал?

– Не заставляйте меня повторяться, Ден. Все в этой папке. Ваш сын ходил на «Силк роуд».^[19] Вы знаете, что это такое? Глубокая паутина? Криминальная онлайн-экономика? Биткойны? Не уверен, давали ли вы Кенни свое благословение, или ваш сын платил за все сам, но правда вам известна. Я не ошибся?

Ден молча стоял столбом.

– Как вы думаете, что скажут все эти скауты, когда содержимое папки будет обнародовано?

– Ты гонишь. Ты все выдумал. Это все...

– Десять тысяч долларов, Ден.

– Что?

– Я не хочу вдаваться в подробности прямо сейчас. Ты найдешь доказательства в желтой папке. Кенни начал с винстрола. Это был его основной допинг, но он принимал также анадрол и декадураболин. Ты увидишь, как часто Кенни покупал их, чем расплачивался, там есть даже ай-пи-адрес вашего домашнего компьютера. Кенни начал принимать допинг с третьего года в старшей школе, так что все эти трофеи, победы, статистика... да, если правда выплывет, все пойдет насмарку, Ден. Кто станет хлопать тебя по спине, поздравляя с победой, в пабе «О'Мэллис»? А все эти доброжелатели, городские обыватели, которые так восхищаются милым мальчиком, которого ты вырастил, – что они подумают о тебе, когда узнают, что твой сын жульничал? Что они подумают о Карли?

Ден ткнул паренька пальцем в грудь:

– Ты мне угрожаешь?

– Нет, Ден. Я прошу у тебя десять тысяч долларов. Одноразовый платеж. Ты знаешь, я мог бы попросить гораздо больше, учеба в колледже сейчас стоит ой как дорого. Так что, считай, тебе повезло.

И тут справа раздался голос, который всегда вызывал у Дена слезы:

– Папа?

Кенни подбегал к ним трусцой с выражением радости и надежды на лице. Ден замер, глядя на сына и не в силах стронуться с места.

– Теперь я вас покину, Ден. Вся информация в желтой папке, которую я тебе передал. Просмотри ее, когда придешь домой. Что будет завтра – решай сам. Ну а сейчас, – незнакомец жестом указал на приближающегося Кенни, – почему бы вам обоим не отметить это радостное событие?

Глава 29

Холл Американского легиона находился в непосредственной близости от шумного центра Седарфилда, что часто вызывало соблазн оставить здесь машину, когда на соседних улицах заполнялись немногочисленные платные парковочные места. Для борьбы с этой напастью ответственные лица Американского легиона наняли местного чудака Джона Боннера «охранять» парковку. Боннер вырос в Седарфилде и даже был капитаном местной баскетбольной команды, но в какой-то момент проблемы с психикой начали подтачивать его по краям, пока наконец не перебрались внутрь и не обосновались там всерьез и надолго. Теперь статус Боннера был ближе к городскому сумасшедшему. Он ночевал в психиатрической клинике «Сосны», а днем таскался, шаркая, по городу и бормотал себе под нос всякую дребедень о политических заговорах, в которых замешаны действующий мэр и Джексон Каменная Стена.^[20] Одноклассники по седарфилдской старшей школе переживали за него и хотели помочь. Рекс Дэвис, президент местного отделения Американского легиона, придумал дать Боннеру работу на стоянке, чтобы он хоть перестал бродить по городу.

Боннер, и Адам это знал, относился к своим обязанностям серьезно. Даже слишком серьезно. Обладая естественной склонностью к ОКР,^[21] он завел себе объемистый блокнот, который наполнял впечатляющей смесью бессвязного параноидального бреда и крайне подробных и конкретных заметок о передвижениях, цветах и номерах транспортных средств, заезжавших на его парковку. Если вы заруливали сюда и останавливались по каким-то делам, не имеющим отношения к Американскому легиону, то Боннер либо гнал вас, порой имея чуть излишне довольный вид, либо намеренно давал припарковаться, дожидаясь, когда вы пойдете в «Стоп-энд-шоп» или «Бэкъярд ливинг» вместо холла легиона, и уж тогда звал своего старого приятеля Рекса Дэвиса, который по совместительству владел кузовной мастерской и службой по буксировке автомобилей.

В обоих случаях – вымогательство.

Боннер подозрительно оглядел машину Адама, когда тот въехал на парковку Американского легиона. Одет страж автопорядка был, как обычно, в голубой клубный пиджак с таким количеством пуговиц, что смахивал на экипировку реконструктора баталий времен Гражданской войны, и длинную рубаху в красно-белую клетку, похожую на скатерть и удобную для мастурбации. Отвороты брюк были обтрепаны, а на ногах

красовались кеды без шнурков.

Адам понял, что больше не может сидеть сложа руки и ждать возвращения Коринн. Лжи и обмана хватало с лихвой, думал он, но все, что смешалось и перевернулось за последние несколько дней, началось здесь, в холле Американского легиона, когда незнакомец рассказал ему об этом чертовом сайте.

– Привет, Боннер.

Боннер то ли признал его, то ли нет и ответил опасливо:

– Привет.

Адам поставил машину на ручник и вылез из нее:

– У меня проблема.

Боннер энергично задвигал бровями – такими мохнатыми, что Адам вспомнил песчанок Райана.

– Хм?

– И я надеюсь, ты сможешь помочь мне.

– Тебе нравятся буйволиные крылья?

Адам кивнул:

– Конечно. – Вероятно, до болезни Боннер был гением, но разве не то же говорят о людях, у которых голова не в порядке? – Хочешь что-нибудь из «Баб’с»? [\[22\]](#)

Боннер скривился:

– «Баб’с» – дерьмо!

– Согласен, извини.

– А, брось. – Он махнул на Адама рукой. – Ты ничего не знаешь, приятель.

– Извини. Правда. Послушай, мне нужна твоя помощь.

– Многим нужна моя помощь. Но я же не могу поспеть всюду?

– Нет. Но ты же можешь быть здесь?

– А?

– На этой стоянке. Ты разруливаешь проблемы на этой парковке. Ты можешь быть здесь.

Боннер опустил свои кустистые брови так низко, что Адам перестал видеть глаза.

– Проблемы? На моей парковке?

– Да. Понимаешь, я был здесь позавчера вечером.

– На отборе игроков для лакросса, – сказал Боннер. – Я знаю.

Быстрота, с какой Боннер все вспомнил, должна была поразить Адама, но почему-то не поразила.

– Хорошо, так вот мою машину задел кто-то не местный.

– Что?
– И повреждения достаточно серьезные.
– На моей парковке?
– Да, увы. Молодые приезжие, думаю. Они были на серой «хонде-аккорд».

Лицо Боннера побагровело при мысли о таком безобразии.

– Ты знаешь их номера?
– Нет, вот я и надеялся, что ты мне их назовешь, чтобы оформить заявление. Они уехали примерно в десять пятнадцать.

– Верно, верно, я их помню. – Боннер вытащил свой гигантский блокнот и принялся быстро листать страницы.

– Это был понедельник.

– Да.

Он перевернул еще несколько листов, все сильнее искажаясь лицом. Адам заглянул поверх плеча Боннера. Каждая страница толстого блокнота была исписана мелкими буквами сверху донизу и слева направо до самых краев. Боннер продолжал бешено листать страницы.

И вдруг остановился:

– Нашел?

Лицо Боннера медленно расплзлось в улыбке:

– Эй, Адам?

– Что?

Боннер обратил улыбку к нему. Потом снова подвигал песчанками и сказал:

– У тебя есть двести баксов?

– Двести?

– Потому что ты мне врешь.

Адам попытался изобразить недоумение:

– О чем ты говоришь?

Боннер захлопнул блокнот:

– Потому что, видишь ли, я был здесь. Я бы услышал, как твою машину ударили.

Адам собрался возразить, но Боннер протестующе выставил ладонь:

– И прежде чем ты скажешь мне, что было темно, или шумно, или что это была всего лишь царапина, не забудь, что твоя машина стоит здесь. И на ней нет никаких повреждений. И прежде чем ты соврешь мне, что приехал на машине жены или что-нибудь еще, – Боннер воздел к небу свой блокнот, продолжая улыбаться, – у меня здесь записаны все подробности о том вечере.

Попался. Пойман Боннером на неуклюжей лжи.

– Итак, насколько я понимаю, – продолжил Боннер, – тебе нужны номера этого парня по другой причине. Его и этой милой блондиночки, которая была с ним. Да-да, я помню их, потому что остальных вас, клоунов, я видел миллион раз. Они были пришлые. Не из наших. Я еще удивился, зачем они тут. – Он снова улыбнулся. – Теперь знаю.

Адаму пришла в голову уйма разного, что можно наговорить Боннеру, но он решил быть проще:

– Двести долларов, говоришь?

– Это справедливая цена. Да и я не принимаю чеки. И четвертаки.

Глава 30

– Машина взята напрокат, – произнес старик Рински.

Они расположились в хайтековском кухонном закутке. Рински сегодня был весь в бежевом: бежевые вельветовые брюки, бежевая шерстяная рубашка, бежевый жилет. Евнис сидела за кухонным столом, одетая для пикника, и пила чай. Макияж как будто нанесли пейнтбольным пистолетом. Когда Адам вошел, она поздоровалась: «Доброе утро, Норман». Адам собрался было поправить ее, но Рински его остановил:

– Не надо. Это называется валидационной терапией. Оставьте ее в покое.

– Есть идеи, кто арендовал машину в понедельник? – спросил Адам.

– У меня тут все есть. – Рински прищурился, глядя на экран. – Она использовала имя Лорен Барна, но это псевдоним. Я тут порылся, и Барна на самом деле – Ингрид Присби. Она живет в Остине, Техас. – Очки для чтения были привешены на цепочке. Старик скинул их с носа и повернулся. – Это имя вам что-нибудь говорит?

– Нет.

– Потребуется некоторое время, но я могу проверить, что у нее в прошлом.

– Это пригодится.

– Не вопрос.

Так что теперь? Мгновенно перенестись в Остин Адам не мог. Допустим, он найдет ее телефон и позвонит. Что он скажет? «Привет, меня зовут Адам Прайс, вы и какой-то парень в бейсболке выдали мне секреты моей жены...»

– Адам?

Он встрепнулся.

Рински сплел пальцы и положил руки на живот:

– Вы не обязаны объяснять, в чем дело. Это понятно?

– Да.

– Но давайте внесем ясность: все, что вы мне скажете, не покинет пределов этого дома. Вам это тоже ясно?

– Простите, но преимущество здесь у вас.

– Да, но я старик. У меня плохая память.

– О, я в этом сомневаюсь.

Рински усмехнулся:

– Ну, как хотите.

– Нет-нет. На самом деле, если вас это не слишком затруднит, я и правда хочу, чтобы вы взялись за дело.

– Я весь обратился в слух.

Адам не знал, насколько глубоко он готов посвятить Рински в перипетии истории, но старый коп был хорошим слушателем. В прошлом его следовало бы номинировать на «Оскар» как «лучшего копа», потому что Адам никак не мог замолчать. Кончилось тем, что он выложил старику все, начиная с появления незнакомца в холле Американского легиона и вплоть до настоящего момента.

Когда Адам закончил рассказ, они посидели в тишине. Евнис пила свой чай.

– Как вы считаете, мне стоит обратиться в полицию? – спросил Адам.

Рински нахмурился:

– Вы ведь были прокурором, да?

– Да.

– Вам лучше знать.

Адам кивнул.

– Вы – муж, – добавил Рински, словно это все объясняло. – Только-только узнали, что жена предала вас, причем довольно некрасивым образом. Теперь она сбежала. Скажите мне, господин Прокурор, к какому выводу вы приходите?

– Я что-то сделал с ней.

– Это будет первое. А второе будет, что ваша жена... Как ее зовут?

– Коринн.

– Да, Коринн. Второе будет, что Коринн украла деньги спортивной лиги или какие-то там еще и потому сбежала от вас. Вам также придется рассказать местному копу о симуляции беременности. Он женат?

– Да.

– Тогда эта новость разлетится по городу, не успеете вы и глазом моргнуть. Не то чтобы это имело значение на фоне всего остального. Но давайте посмотрим правде в глаза. Копы решат, что либо вы убили жену, либо она воровка.

Рински только подтвердил мысли Адама.

– Так что же мне делать?

Старик взялся за очки для чтения:

– Покажите мне сообщение, которое прислала вам жена перед бегством.

Адам нашел его, протянул телефон Рински и снова прочел текст через

плечо старика:

МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ НУЖНО НЕМНОГО ПОЖИТЬ
ОТДЕЛЬНО. ПОЗАБОТЬСЯ О ДЕТЯХ. НЕ ПЫТАЙСЯ ИСКАТЬ
МЕНЯ.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.

Потом:

ДАЙ МНЕ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. ПРОШУ.

Рински пожал плечами, снял очки.

– Что вам делать? Насколько я понял, вашей жене нужно немного побыть без вас. Она просит не искать ее. Но именно это вы и делаете.

– Я не могу сидеть и ничего не предпринимать.

– Нет, не можете. Но если копы спросят, вот вам и ответ.

– С чего вдруг копы начнут меня спрашивать об этом?

– Поймите. Между тем вы делаете все возможное. Вы уже узнали номер машины и пришли ко мне. В обоих случаях поступили правильно. Есть шанс, что ваша Коринн скоро сама вернется домой. Но в любом случае вы правы, мы должны попытаться найти ее первыми. Я попробую разузнать что получится об этой Ингрид Присби. Возможно, ключик отыщется именно здесь.

– Хорошо, спасибо. Я ценю вашу помощь.

– Адам?

– Да?

– Есть вероятность, что ваша Коринн украла эти деньги. Вы знаете.

– Если она это сделала, значит на то была причина.

– Например, чтобы сбежать или заплатить шантажисту.

– Или еще что-то, о чем мы даже не догадываемся.

– Как бы там ни было, – сказал Рински, – вы не должны давать копам никакой информации, которая могла бы изобличить ее.

– Я понимаю.

– Вы говорили, она была в Питтсбурге?

– Так показал телефонный локаатор.

– Вы там кого-нибудь знаете?

– Нет. – Адам посмотрел на Евнис. Она улыбалась ему, поднимая чашку с чаем. Для стороннего наблюдателя это была совершенно обычная домашняя сцена, но, зная состояние этой женщины...

Адама оглушило воспоминание.

– Что?

– В то утро, когда она исчезла, я спустился вниз. Дети завтракали на кухне, а Коринн на заднем дворе разговаривала по телефону. Увидев меня, она прервала звонок.

– Есть идеи, кто звонил?

– Нет, но я могу узнать через Интернет.

Старик Рински встал и указал Адаму на свое место. Адам занял стул Майка и открыл сайт «Веризона».^[23] Он забил номер телефона и ввел пароль. Помнил он его не потому, что обладал прекрасной памятью, а просто для таких случаев они с Коринн всегда использовали примерно один и тот же пароль. Это было слово «БАРИСТА» большими буквами. Почему? Потому что они придумывали пароль, сидя в кофейне, оглядывались вокруг в поисках случайного слова, и вот, вуаля, появился бариста. Слово было прекрасно тем, что не имело к ним никакого отношения. Если нужен был пароль длиннее семи знаков, то он превращался в «БАРИСТАБАРИСТА». Если, кроме букв, требовались цифры, он становился «БАРИСТА77».

Типа того.

Адам набрал правильный пароль со второй попытки – «БАРИСТА77».

Он понажимал разные ссылки и сначала попал на последние исходящие звонки Коринн. Адам надеялся, что ему повезет и он увидит, что Коринн связывалась с кем-нибудь несколько часов назад или вчера вечером. Ничего подобного. Последним ее звонком оказался именно тот, который интересовал его сейчас – сделанный в 7:53 тем утром, когда она сбежала.

Разговор продолжался всего три минуты.

Коринн находилась во дворе, говорила тихо и прервала беседу, как только он появился. Адам надавил на нее, но Коринн отказалась назвать собеседника. Но теперь...

Адам перевел взгляд на телефонный номер, появившийся на экране, и тут же замер, выкатив глаза.

– Вы узнали номер? – спросил старик Рински.

– Да, узнал.

Глава 31

Кунц утопил оба пистолета в Гудзоне. У него этих игрушек еще много, невелика потеря.

Он сел на поезд «А», шедший до 168-й улицы. Сошел на Бродвее и отправился пешком за три квартала к госпиталю, ранее называвшемуся Колумбийским пресвитерианским. Теперь это учреждение было известно как Детская больница нью-йоркских пресвитерианцев Моргана Стенли.

Морган Стенли. Стоит подумать о детском здравоохранении, и первым, кто придет на память, будет мультинациональный финансовый гигант Морган Стенли.

Да, деньги решают все. Без них никуда.

Кунц не озаботился тем, чтобы предъявить пропуск. Охранники хорошо знали его, так часто он здесь бывал. Знали они и о том, что он раньше служил в полицейском департаменте Нью-Йорка. Это было отражено во всех бумагах. Либеральные моралисты из СМИ распяли его – хотели, чтобы он не только потерял работу и средства к существованию, но и сел за убийство, но ребята с улицы не дали сослуживца в обиду. Они добились, чтобы Кунца отпустили.

Они добились правды.

Дело широко обсуждалось в газетах. Здоровенный чернокожий парень воспротивился аресту. Его поймали на краже в бакалейном магазине на Тридцать девятой улице. Хозяин заведения, кореец, хотел задержать наглеца, но громила оттолкнул его и дал пинка. Кунц и его напарник Скутер приперли парня к стенке, но ему было плевать. Он разорался и нагло заявил: «Никуда я с вами не пойду. Мне всего-то нужна была пачка сигарет», после чего начал преспокойно удаляться. Вот так-то. Стоят двое полицейских, парень только что совершил преступление и, довольный собой, уходит, будто так и надо. Когда Скутер преградил ему путь, чернокожий оттолкнул его и пошел дальше.

Тогда Кунц хорошенько припечатал наглеца.

Откуда ему было знать, что у этого громилы проблемы со здоровьем? Seriously. Кто-то и впрямь считает, что преступников нужно запросто отпускать? Что делать, если грабитель не подчиняется? Вы попытаетесь задержать его вежливо? Или предпримете действия, которые подвергнут опасности жизнь вашу или вашего напарника?

Какой тупой осел придумал эти правила?

Длинная история вкратце: парень умер, и медийные либерасты испытали оргазм. Начала все эта дрянная сучка с кабельного канала. Она назвала Кунца расистом-убийцей. Шарптон^[24] организовал марши. Известный прием. Никого не интересовало, насколько чистое досье у Кунца, как много благодарностей за храбрость он получил, как он работал добровольцем с черными детьми в Гарлеме. Не принимались во внимание и его личные проблемы, включая больного раком костей десятилетнего сына. Всем было на это ровным счетом наплевать.

Теперь Кунца называли расистом-убийцей – поставили на одну доску со всеми подонками, которых он когда-либо задерживал.

Кунц поднялся в лифте на седьмой этаж, кивнул постовой медсестре и поспешил к палате под номером 715. Барб так и сидела все на том же стуле. Она обернулась с усталой улыбкой. Под глазами у нее были темные круги. Волосы выглядели так, будто она, чтобы успеть добраться сюда, на ходу влетела в уже тронувшийся автобус. Но стоило ей улыбнуться Кунцу, и тот уже больше ничего не замечал.

Сын спал.

– Привет, – шепнул Кунц.

– Привет, – шепотом ответила Барб.

– Как Робби?

Барб пожала плечами. Кунц подошел к кровати и посмотрел на мальчика. У него разрывалось сердце. И это придало ему решимости.

– Может, ненадолго сходишь домой? – предложил он жене. – Отдохнешь немного.

– Сейчас пойду, – ответила Барб. – Сядь, поговори со мной.

Часто можно слышать, что СМИ – это паразиты, но редко это утверждение оказывалось столь верным, как в случае с Джоном Кунцем. Они впились в него и медленно пожирали, пока не сточили, как карандаш. Он потерял работу, остался без пенсии, лишился всех привилегий, но хуже всего – он больше не мог оплачивать лечение сына, лучшее из доступного. Это стало для Джона самым тяжелым ударом. Кем бы ни был отец – копом, пожарным, поваром в индийском ресторане, – он обеспечивает семью. Отец не будет сидеть сложа руки и наблюдать за болезнью сына, не предпринимая попыток сделать все возможное для облегчения его страданий.

И вот когда Джон Кунц достиг дна пропасти, путь к спасению нашелся.

Разве так не бывает?

Приятель приятеля связал Кунца со студентом университета Лиги

плюща Ларри Пауэрсом. Ларри разрабатывал новое приложение для мобильных телефонов, с помощью которого можно легко найти рабочего-христианина для проведения ремонта в доме. Что-то в этом роде. Благотворительность и созидание – таков был посыл. Сказать по правде, Кунца не интересовала суть этого бизнеса. Его задачей было обеспечение безопасности – личной и для всей компании, защита ключевых сотрудников, а также коммерческих секретов. На этом он и сосредоточился.

И все у него получалось отлично.

Дело было новое, как ему объяснили – стартап, а потому сначала платили крохи. Но все равно это было хоть что-то, работа, возможность приподнять голову. Много давали и обещаний. Ему предложили акции, полагавшиеся сотрудникам. Рискованно, конечно, но ведь так и делаются большие состояния. В конце, если дела пойдут в гору, ожидался солидный навар.

И они пошли.

Приложение стало настолько популярным, что это превысило все ожидания, и теперь, по прошествии трех лет, Банк Америки выступил гарантом размещения первоначального публичного предложения акций. Если продажи пойдут хорошо (не супер, а просто хорошо), то через два месяца, когда компания выйдет на фондовый рынок, акции Джона Кунца будут стоить около семнадцати миллионов долларов.

Задумайтесь на секунду об этой сумме. Семнадцать миллионов.

Можно забыть о возвращении, забыть о спасении. С такими деньгами он сможет оплатить услуги лучших в мире врачей. Он обеспечит Робби уход на дому, и у него будет все самое-пресамое. Он переведет других своих детей – Кери и Гарри – в хорошую школу, они снимут приличное жилье, и, может быть, когда-нибудь он поможет детям обзавестись собственным бизнесом. Он наймет Барб помощников для работы по дому и, возможно, даже будет возить ее куда-нибудь в отпуск. Например, на Багамы. Барб частенько заглядывалась на рекламу отеля «Атлантис», а их последней поездкой был трехдневный круиз на лайнере «Карнавал» шесть лет назад.

Семнадцать миллионов долларов. Все их мечты вот-вот обратятся в реальность.

И вот опять, уже в который раз, кто-то пытается отнять все это у него и у его близких.

Глава 32

Адам оставил позади стадион «Метлайф», домашний и для «Нью-Йорк джайнтс», и для «Нью-Йорк джетс».^[25] Он проехал еще с четверть мили и бросил машину на парковке у офисного здания. Оно, как и все вокруг, было построено на болоте. Характерный запах создал Нью-Джерси особую славу и стал причиной расхожего нелестного мнения о штате. Пахло отчасти болотом (что естественно), отчасти химикатами, с помощью которых болота осушали, и еще малость – немытыми бонгами, через которые в общагах постоянно курили коноплю.

В итоге вонь получалась отменная.

Офисное здание эпохи семидесятых выглядело так, будто кто-то взял за образец дом семейки Брейди.^[26] В нем было много бурого, а под ногами всюду оказывалось какое-то прорезиненное покрытие, которое, похоже, просто шлепнули на пол. Адам постучал в дверь офиса на первом этаже, выходявшего окнами на погрузочную площадку.

Открыл Трипп Эванс.

– Адам?

– Зачем моя жена тебе звонила?

Странно было видеть Триппа вне привычного окружения. В городе он был популярен и любим; в том маленьком мирке, где жил, он считался важной фигурой; здесь же выглядел поразительно обыкновенным. Адам плохо знал биографию Триппа. В детстве Коринн, когда она жила в Седарфилде, отец Триппа владел магазином спортивных товаров «Эванс», который находился в центре города, где сейчас стояла аптека «Правильная помощь». Тридцать лет магазин «Эванс» снабжал спортивным инвентарем всех местных детей. В нем продавались также куртки с эмблемой Университета Седарфилда и принадлежности для тренировок, которыми пользовались спортивные команды старшей школы. Эвансы открыли еще два магазина в соседних городках. Закончив колледж, Трипп вернулся домой и занялся маркетингом. Он выпускал воскресные рекламные проспекты и организовывал специальные мероприятия для поддержки популярности «Эванса». Платил местным профессиональным спортсменам, и они приходили раздавать автографы покупателям. Времена были хорошие.

А потом, и это произошло с большинством семейных предприятий, все начало приходить в упадок.

Сначала появился магазин товаров для спорта «Херман'с ворлд»,

потом на хайвее открылись «Модель'с», «Дик'с» и еще несколько других. Семейный бизнес медленно увядал и увял насовсем. Хотя Трипп устоял. Послужной список помог ему ухватиться за должность в крупной рекламной компании на Мэдисон-авеню, но остальное семейство сильно пострадало. Несколько лет назад Трипп переехал за город, чтобы открыть бутиковую фирму – цитируя Брюса Спрингстина, «здесь, на болотах Джерси».

– Хочешь присесть и поговорить? – спросил Трипп.

– Разумеется.

– Тут рядом есть кофейня. Пройдемся?

Адам хотел возразить – у него не было настроения для прогулок, – но Трипп уже пошел.

Трипп Эванс был одет в грязно-белую рубашку с коротким рукавом, достаточно тонкую, чтобы сквозь нее виднелась майка с V-образным вырезом. Коричневые брюки от костюма вполне подошли бы директору средней школы. Ботинки казались слишком большими для его ступней – не ортопедические, но из комфортных и недорогих моделей, удачно маскирующихся под официальный стиль. В городе Адам привык видеть Триппа в более удобной тренерской экипировке – рубашке поло с эмблемой Седарфилдской лиги лакросса, мятых брюках цвета хаки, бейсбольной кепке с жестким козырьком, со свистком на шее.

Разница ошеломляла.

Кофейня оказалась старорежимной, с засаленными ложками и в качестве дополнения – с официанткой, которая засовывала карандаш в кичку. Они заказали по чашке кофе. Простого. В этом заведении не подавали ни макиато, ни латте.

Трипп поставил локти на липкий стол:

– Ты объяснишь мне, что происходит?

– Моя жена звонила тебе.

– Откуда ты узнал?

– Проверил список звонков.

– Ты проверил... – Тут брови Триппа скакнули вверх. – Seriously?

– Зачем она тебе звонила?

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответил Трипп.

– Разговор был об украденных деньгах?

– Разумеется, он был об украденных деньгах. О чем же еще?

Трипп ждал ответной реплики. Адам не подыграл.

– И что же она тебе сказала?

Подошла официантка и грохнула на стол чашки с такой силой, что

немного кофе выплеснулось на блюдца.

– Она сказала, что ей нужно еще время. Я ответил, что волынил достаточно долго.

– В смысле?

– Остальные члены комитета теряли терпение. Некоторые хотели спросить с нее покруче. Другие намеревались сразу обратиться в полицию, чтобы действовать официально.

– Как давно это тянется? – спросил Адам.

– Что? Разбирательство?

– Да.

Трипп положил в кофе немного сахара.

– Месяц или около того.

– Месяц?

– Да.

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Я собирался. В тот вечер в холле Американского легиона, когда шел отбор в команды. Ты так накинулся на Боба, что я подумал, тебе все известно.

– Понятия ни о чем не имел.

– Да, теперь мне это ясно.

– Ты мог бы сказать мне хоть что-нибудь, Трипп.

– Мог, – согласился Трипп. – Если бы не одна вещь.

– Какая?

– Коринн просила меня не делать этого.

Адам остался совершенно спокоен. Он произнес:

– Я просто хочу удостовериться, что все правильно понял.

– Тогда посмотрим, могу ли я чем-то помочь. Коринн знала, что мы подозреваем ее в краже, и ясно дала понять, что мы не должны ставить в известность тебя, – сказал Трипп. – Ты правильно понял.

Адам откинулся назад:

– Так что говорила Коринн в то утро?

– Она просила отсрочки.

– И ты дал?

– Нет. Я сказал, что время вышло и я уже достаточно долго пытаюсь сдерживать оргкомитет.

– Когда ты говоришь о комитете...

– Я говорю обо всех. Но в основном о Бобе, Кэле и Лене.

– Как отреагировала Коринн?

– Она просила – нет, думаю, тут лучше подходит слово «молила», –

она молила дать ей еще неделю. Сказала, что у нее есть способ доказать свою полную невиновность, но ей нужно больше времени.

– Ты ей поверил?

– Честно?

– Желательно.

– Нет. Больше нет.

– Что ты подумал?

– Что она ищет способ вернуть деньги. Она знала, что мы не хотим выдвигать обвинения, нам нужно просто вернуть утраченное. Поэтому я и решил, что она связывалась с родственниками, или друзьями, или еще с кем-то, чтобы собрать сумму.

– Почему она не обратилась ко мне?

Трипп молчал, только прихлебывал свой кофе.

– Трипп?

– Мне нечего ответить.

– Бессмыслица какая-то.

Трипп продолжал пить кофе мелкими глотками.

– Ты давно знаком с моей женой, Трипп?

– Ты сам знаешь. Мы выросли в Седарфилде. Она на два года младше меня, ровесница моей Бекки.

– Тогда ты должен понимать. Она не могла этого сделать.

Трипп уставился в чашку:

– Я долго и сам так думал.

– И что же изменило твое мнение?

– Да ладно тебе, Адам. Ты был прокурором. Я не думаю, что Коринн начала воровать. Когда ты слышишь истории о пожилой леди, позарившейся на церковные сборы, или, черт побери, о члене спортивного комитета, который присвоил деньги, то не верится, что они сделали это умышленно. Ты находишь им оправдания, верно? Но для тебя это полная неожиданность.

– Не в случае с Коринн.

– Как и со всеми другими. Это обычная реакция. Ведь нас шокируют подобные вещи?

Адам понял, что Трипп готов пуститься в философские рассуждения, и захотел остановить его, но передумал. Чем разговорчивее будет Трипп, тем больше узнает Адам.

– Вот давай представим, к примеру, что ты допоздна не ложишься спать, составляешь расписание тренировок по лакроссу. Ты работаешь не покладая рук и потом выходишь перекусить, ну типа того, заказываешь

чашку кофе, вот такую же, как мы сейчас держим в руках, и, может статься, ты забыл кошелек в машине и думаешь, какого черта, почему бы организации не расплатиться за это. Законное возмещение затрат. Я прав?

Адам не ответил.

– Потом через пару недель какой-нибудь судья не приходит на матч, скажем, в Томс-Ривер, и ты тратишь три часа своего времени, заменяя его. Самое меньшее, что должна сделать организация, – это оплатить тебе бензин. Дальше может случиться ужин, потому что ты далеко от дома, а игра затянулась допоздна. Потом тебе приходится заплатить за пиццу для тренеров, когда из-за какого-нибудь совещания пропущен обед. В другой раз тебе нужно нанять местных подростков судить детские игры, и ты пристраиваешь подработать своего сына. А почему бы и нет? Кто справится лучше? Разве не должна твоя семья получить хоть какие-то выгоды от всей той волонтерской работы, которую ты ведешь?

Адам ждал.

– Так вот и начинаешь ходить по тонкому льду. От этого все беды. А потом в один прекрасный день ты просрочиваешь выплату за машину, а тебе известно: у организации большая прибыль. Благодаря тебе. Вот ты и берешь займы немного денег. Не беда, ты все вернешь. Кому от этого плохо? Никому. Так ты обманываешь себя и веришь в это.

Трипп замолчал и посмотрел на Адама.

– Ты это всерьез? Не верю, – сказал тот.

– Как инфаркт, дружище. – Трипп деловито посмотрел на часы, бросил на стол несколько банкнот и встал. – И кто знает? Может быть, мы все ошибаемся насчет Коринн.

– Ты точно ошибаешься.

– Это будет терзать меня вечно.

– Она просила небольшую отсрочку, – сказал Адам. – Ты что, не можешь?

Трипп тихо вздохнул и поддернул штаны:

– Я могу попробовать.

Глава 33

Одри Файн наконец-то произнесла нечто вразумительное. И это дало Джоанне первую дельную подсказку.

Шеф полиции Джоанна Гриффин оказалась права насчет парней из округа. Они надели на глаза «супружеские шоры» и взяли на мушку Марти Данна как предполагаемого убийцу своей жены Хейди. Их не разубедило даже его железное алиби. Нет. Они изначально предположили, что это было «профессиональное преднамеренное убийство», и теперь старательно копались в записях, текстовых сообщениях и электронной переписке бедного Марти. В офисах «ТТИ – мытье полов» они интересовались его поведением в последнее время, знакомствами, расспрашивали, куда он ходил обедать или пропустить стаканчик, интересовались прочими вещами в том же роде, надеясь отыскать некую связь между Марти и возможным наемным убийцей.

Ключом к разгадке был именно обед.

Хотя и не место, где обедал Марти. Тут парни из округа опять накосячили. Но то, где питалась Хейди.

Джоанна знала о ее еженедельных обедах с подругами. Она сама ходила с ними раз или два. А потом стала пропускать эти встречи, считая излишней роскошью и непозволительной тратой времени. Отчасти так и было. Но с другой стороны, эти женщины просто хотели общаться и ставили это приоритетом: они специально выделяли время, чтобы немного продлить дружеские застолья, имея в жизни нечто помимо семьи и работы.

Что тут плохого?

На этой неделе обед проходил в «Красном лобстере», и на нем присутствовали Одри Файн, Кэти Браннум, Стефани Кейлес и Хейди. Никто не заметил ничего необычного. По их словам, Хейди меньше чем за сутки до гибели была, как всегда, энергична и жизнерадостна. Трудно было разговаривать с этими женщинами. Все они были более чем огорчены. Все они понимали, что потеряли в Хейди самого близкого друга, единственного человека, которому могли доверять, и самую сильную из них.

Джоанна испытывала те же чувства. Да, Хейди обладала некой магией. Она была из тех людей, рядом с которыми все начинают лучше относиться к самим себе.

И как одна пуля могла унести такую душу, сокрушалась Джоанна.

Она встретилась со всеми участницами обеда, выслушала их, и это не

дало ей ничего. Шеф Гриффин уже собралась искать другие наводки, что-нибудь еще, что парни из округа оставят без внимания, когда Одри вдруг вспомнила:

– Хейди разговаривала на стоянке с молодой парой.

Джоанна чуть отключилась, затерявшись в воспоминаниях. Двадцать лет назад, после многочисленных проб и ошибок, Джоанна чудом забеременела через ЭКО. Хейди была с ней в женской консультации, когда радостная весть подтвердилась. И Хейди была первым человеком, которому Джоанна позвонила, когда случился выкидыш. Хейди приехала за ней. Джоанна села в машину и рассказала подруге все. Женщины долго просидели вдвоем, плача. Джоанне никогда не забыть, как Хейди опустила голову на руль, так что волосы рассыпались по нему веером, и плакала об утрате, которая постигла Джоанну. Почему-то они обе знали, что чудо не повторится. Эта беременность была единственным шансом Джоанны. В итоге у них с Рики так и не было детей.

– погоди, – сказала Джоанна. – Что за молодая пара?

– Мы распрощались и сели по машинам. Я начала выруливать на Оранж-плейс, но ко мне быстро приближался грузовик, и я даже подумала: сейчас снесет мне передний бампер. Я притормозила, посмотрела в зеркало заднего вида и увидела Хейди, а та разговаривала с молодой парой.

– Можешь их описать?

– Да нет. Девушка была светленькая. Парень – в бейсболке. Я решила, они спрашивают у нее дорогу или еще что.

Больше Одри ничего не вспомнила. С чего бы? Но во всем мире, особенно на парковках у торговых центров и ресторанов, есть видеокамеры. Получение ордера займет время, а потому Джоанна отправилась в «Красный лобстер» сама. Начальник охраны записал ей видео на DVD, что было немного старомодно, и попросил вернуть диск.

– Такая политика, – сказал он Джоанне. – Он нам нужен.

– Обязательно.

В полицейском участке Бичвуда был DVD-плеер. Джоанна спешно прошла в свой кабинет, закрыла дверь и вставила диск. Экран ожил. Охранник знал свое дело. Через две минуты из правого угла картинки появилась Хейди. Увидев ее, Джоанна ахнула. Вот ее подруга, живая, пошатывается на каблуках; трагедия стала ощущаться как реальность.

Хейди мертва. Ушла навсегда.

Звука не было. Хейди продолжала идти. Вдруг она остановилась и подняла взгляд. Там стояли мужчина в бейсболке и светловолосая женщина. Они действительно выглядели очень молодо. Позже,

просматривая пленку во второй, и в третий, и в четвертый раз, Джоанна запись лучше рассмотреть черты их лиц, однако камера стояла высоко и под таким углом, что ничего толком не увидишь. Потом она отправит эту запись в округ, и пусть там компьютерщики и ловкие технари вытянут из нее все, что смогут.

Но пока еще рано.

Сперва, при просмотре без звука, действительно казалось, что молодая пара спрашивает дорогу. Сторонний наблюдатель так и подумал бы. Но время шло, и Джоанна вдруг ощутила, что в комнате как будто похолодало. Разговор продолжался гораздо дольше, чем обычно требуется для указания пути. Вдобавок Джоанна хорошо знала свою подругу – ее манеры, жесты, и сейчас, наблюдая за ней в тишине, видела, что Хейди ведет себя совершенно необычно.

Беседа все не кончалась, и Джоанна постепенно примерзала к стулу. В какой-то момент она заметила, как у подруги задрожали колени. Парень с девушкой сели в машину и уехали. А Хейди почти целую минуту простояла на парковке, оглушенная, потерянная, и только после этого села за руль. Джоанна больше ее не видела. Но прошло еще немного времени. Десять секунд, двадцать, тридцать. Потом вдруг возникло какое-то движение у лобового стекла. Джоанна прищурилась и склонилась к экрану. Разглядеть, что происходит, было трудно, но она поняла сразу.

Волосы Хейди рассыпались веером.

О нет...

Хейди опустила голову на руль точно так же, как двадцать лет назад, когда Джоанна рассказала ей о потере ребенка.

Хейди плакала, Джоанна в этом не сомневалась.

– Черт возьми, чего они тебе наговорили? – громко спросила она, отмотала видеозапись до места, где парочка уезжает со стоянки, замедлила скорость воспроизведения и нажала на паузу. Потом увеличила картинку, взяла телефон и набрала номер.

– Привет, Норберт, – сказала она. – Мне нужно, чтобы ты сейчас же пробил для меня номера одной машины.

Глава 34

Томас поджидал отца на кухне.

– Есть что-нибудь от мамы?

Адам надеялся, что сыновья еще не пришли домой. Всю обратную дорогу он размышлял, как поступить, и некая идея замаячила. Ему нужно было подняться наверх и еще покопаться в компьютере.

– Она может вернуться в любой день, – ответил Адам и, чтобы поскорее сменить тему, добавил: – Где брат?

– На занятиях барабанщиков. Он пошел туда после школы, но мама его обычно забирала.

– Когда?

– Через сорок пять минут.

Адам кивнул:

– Это на Гоффель-роуд?

– Да.

– Здорово. Послушай, мне нужно кое-что сделать. Может, поужинаем в кафе «Амики», когда я заберу Райана?

– Я иду с Джастином в тренажерный зал.

– Сейчас?

– Ага.

– Хорошо, тебе нужно поесть.

– Я что-нибудь приготовлю, когда вернусь. Пап?

– Что?

Они стояли на кухне, отец и сын, почти взрослый. Томас был ниже всего на дюйм. «При таких тренировках и накачках, – подумал Адам, – не за горами день, когда он меня ушатает». В последний раз Томас вызывал отца сразиться один на один в баскетбол месяцев шесть назад, и Адаму тогда впервые пришлось изрядно потрудиться, чтобы выиграть со счетом 11:8. Теперь он сомневался, не будет ли в следующий раз счет обратным, и прикидывал, как он себя при этом почувствует.

– Я волнуюсь, – сказал Томас.

– Не надо.

Это была чисто отцовская реакция, не имевшая ничего общего с действительностью.

– Почему мама вот так взяла и сбежала?

– Я тебе говорил. Томас, ты уже достаточно взрослый, чтобы понять.

Мы с мамой очень любим друг друга. Но иногда родителям нужно немного поддержать дистанцию.

– Друг от друга, – сказал Томас, слегка кивнув, – но не от нас с Райаном.

– И да и нет. Иногда нужно удалиться от всего.

– Пап?

– Что?

– Я на это не куплюсь. Не хочу казаться заикленным на себе и все такое прочее; да, я понимаю, у вас есть своя жизнь. Вы не обязаны думать только о нас. Так вот, я, может, и могу понять, что маме нужно – ну, я не знаю, убежать, или выпустить пар, или что там еще. Но мама – это мама. Понимаешь? Она бы сперва нам сказала. Или выходит, что она решилась на это в последний момент? Мама связалась бы с нами, что-нибудь сделала. Она бы отвечала на наши эсэмэски, велела бы не волноваться. Мама – это много чего, но прежде всего, прости, она наша мама.

Адам не знал, что ответить, а потому брякнул первое, что пришло в голову:

– Все будет хорошо.

– И что это значит?

– Она просила меня позаботиться о вас и дать ей несколько дней. И еще сказала, что ее не нужно искать.

– Почему?

– Я не знаю.

– Мне правда страшно, – признался Томас. И теперь почти мужчина снова заговорил, как маленький мальчик.

Отцовским долгом Адама было успокоить его, развеять страхи. Томас прав. Коринн, во-первых и прежде всего, была матерью, а он, Адам, – отцом. Родители берегут своих детей.

– Все будет хорошо, – повторил он, сам слыша пустоту в своем голосе.

Томас покачал головой, и зрелость вернулась так же быстро, как исчезла.

– Нет, папа, не будет. – Он отвернулся, утер слезы и пошел к двери. – Я к Джастину.

Адам хотел позвать его назад, но что это даст? Слов утешения у него не было, а общество друга, возможно, отвлечет сына за неимением лучшего. Единственное решение – оно, и только оно, утешит всех – это найти Коринн. Необходимо разузнать побольше, понять, что происходит, и дать сыновьям вразумительные ответы. Поэтому он позволил Томасу уйти, а сам отправился наверх. Еще оставалось время до момента, когда пора

будет забирать барабанщика.

В который уже раз он быстро обдумал вариант с привлечением к поискам полиции. Вызвать у копов подозрение, будто он что-то сделал с женой, Адам больше не боялся – пусть себе подозревают, но он по опыту знал, что полиция интересуется фактами. Факт первый: Коринн и Адам поссорились. Факт второй: Коринн прислала Адаму сообщение с просьбой дать ей несколько дней и не искать ее.

Понадобится ли полиции третий факт?

Он подсел к компьютеру. У старика Рински Адам наскоро проверил данные о последних звонках Коринн. Теперь он хотел обстоятельнее разобраться в схеме ее телефонных переговоров и текстовых сообщений. Стали бы незнакомец или его подружка Ингрид Присби звонить или писать Коринн? Это было маловероятно – разве незнакомец предупредил его о своем визите? – но все-таки был шанс, что в списке звонков Коринн обнаружится какой-нибудь след.

Но Адаму не понадобилось много времени, чтобы удостовериться: тут искать нечего; его жена, судя по последним контактам, была как открытая книга. Никаких сюрпризов. Большинство номеров он знал на память – звонки и сообщения ему, детям, друзьям, коллегам-учителям, комитетчикам из лиги лакросса, все одно и то же. Кое-где вклинивались отдельные посторонние звонки: в ресторан – забронировать столик, в химчистку – когда забрать заказ – и тому подобное.

Никаких зацепок.

Адам сидел и думал, как быть. Да, Коринн была открытой книгой. Такое создалось впечатление при просмотре ее недавних звонков и эсэмэсок.

Ключевое слово: «недавних».

Он моментально вспомнил сюрприз со своей картой «Виза» – двухлетней давности платеж «Новым игрулькам».

Тогда у Коринн было немало сюрпризов? Или нет?

Что-то должно было подтолкнуть ее к этим покупкам. Но что? Женщина не станет вдруг ни с того ни с сего имитировать беременность. Что-то случилось. Она кому-то звонила. Или кто-то звонил ей. Или прислал сообщение.

Должно же быть хоть что-нибудь.

Адам потратил несколько минут на розыск архива двухлетней давности и справился. Он знал, что Коринн сделала первый заказ на сайте «Подделай беременность» в феврале. С этого Адам и начал: просмотрел список вызовов, скользя по экрану взглядом скорее вверх, чем вниз.

Сперва он обнаружил только обычных подозреваемых — звонки и сообщения себе, детям, друзьям, учителям...

А потом сердце замерло: Адам увидел знакомый номер.

Глава 35

Салли Перриман сидела одна в дальнем конце бара, потягивала пиво и читала «Нью-Йорк пост». Она была одета в белую блузку и серую юбку-карандаш, волосы собраны в конский хвост. Пиджак положила на соседний стул, заняв место для Адама. Когда тот подошел, она убрала пиджак, продолжая читать. Адам присел.

– Давно не виделись, – сказала она, не отрываясь от газеты.

– Давно, – согласился он. – Как работа?

– Тяжело, много клиентов. – Наконец Салли встретила с ним взглядом. Его чуть потрянуло – бамс! – и он внутренне сжался. – Но ты позвонил не поэтому.

– Нет.

Это был один из тех моментов, когда шум смолкает, весь мир становится фоном и остаются только он и она – ничего больше.

– Адам?

– Что?

– Я не могу сидеть тут долго. Просто скажи, что тебе нужно.

– Моя жена когда-нибудь звонила тебе?

Салли заморгала, как будто этот вопрос тоже – бамс! – слегка оглушил ее.

– Когда?

– Когда-нибудь.

Она повертела бокал с пивом и сказала:

– Да. Один раз.

Они сидели в шумном баре-ресторане, каких много: основные блюда в них – закуски, что-нибудь жаренное во фритюре, и висит миллион телеэкранов, на которых могут показывать две разные спортивные программы одновременно. Подошел бармен, долго и цветисто представлялся. Адам быстро заказал пиво, чтобы он поскорее отвязался.

– Когда? – спросил он.

– Наверно, года два назад. Во время процесса.

– Ты мне не говорила.

– Это было всего один раз.

– Все равно.

– Какая теперь разница, Адам?

– Что она сказала?

– Она сказала, что знает: ты был у меня дома.

Адам чуть не спросил: откуда? Но разумеется, он знал ответ. Ведь знал же? Коринн установила шпионское приложение на все телефоны. Она могла в любой момент проверить, где находятся дети.

Или он.

– Что еще?

– Она хотела знать, что ты там делал.

– И что ты ответила?

– Что заходил по работе, – сказала Салли Перриман.

– Но ты объяснила, что это ничего не значит?

– Это был пустяк, Адам. Мы увлеклись этим делом. – Потом: – Но это было почти кое-что.

– «Почти» не считается.

На губах Салли появилась горькая усмешка:

– Думаю, у твоей жены может быть другое мнение.

– Она тебе поверила?

Салли пожала плечами:

– Мы больше не общались.

Адам сидел и смотрел на нее. Он открыл рот, не зная толком, что сказать, но она остановила его, выставив ладонь:

– Не надо.

Она была права. Адам отошел от стойки и побрел на улицу.

Глава 36

Войдя в гараж, незнакомец подумал (эта мысль приходила к нему почти всякий раз, как он оказывался здесь) обо всех знаменитых компаниях, которые, наверно, начинались с того же. Стив Джобс и Стив Возниак запустили «Эппл» (почему бы не назвать компанию «Стивы»), продав всего-то пятьдесят новых компьютеров «Эппл-I» из гаража в Купертино, Калифорния. Джефф Безос организовал «Амазон» как книжный онлайн-магазин из своего гаража в Бельвю, Вашингтон. «Гугл», «Дисней», «Маттель», «Хьюлетт-Паккард», «Харлей-Дэвидсон» зародились, если верить легендам, в тесных гаражах.

– Есть что-нибудь от Дена Молино? – спросил незнакомец.

В гараже их было трое, все сидели за мощными компьютерами с большими мониторами. На полке рядом с банками краски, которые отец Эдуардо поставил лет десять назад, виднелись четыре вай-фай-роутера. Эдуардо был лучшим, когда дело касалось технических аспектов их деятельности; он выстроил систему, где беспроводной Интернет не только давал им выход на просторы Всемирной сети и придавал анонимность, что нетрудно, но даже, если кто-то каким-то образом отслеживал их, автоматически перенаправлял сыщиков на другой хост. По правде говоря, незнакомец не совсем понимал, как это происходит. Но ему и не нужно было знать.

– Он заплатил, – сказал Эдуардо.

У него были волнистые волосы, вечно нуждавшиеся в стрижке, и неизменно запущенный вид, щетина, отчего он выглядел грязнее хиппаря. Эдуардо был хакером старой школы; преследование доставляло ему такое же удовольствие, как наличные, не меньшее значение имело и моральное удовлетворение.

Рядом с ним сидела Габриэла, мать-одиночка с двумя детьми и самая старшая из них – ей было сорок четыре. Двадцать лет назад она начинала как оператор сексуальных услуг по телефону. Ее задача состояла в том, чтобы как можно дольше удерживать клиента на линии, а с него брали \$3,99 за каждую минуту разговора. В недавнем прошлом Габриэла отиралась на сайте знакомств «без ответных обязательств» вкуче с другими пылкими домохозяйками. Ее работа заключалась в том, чтобы общаться с новыми клиентами (читай: дурить им голову), изображая, что секс неизбежен, пока не заканчивался бесплатный пробный период, после чего

воздыхателям предлагали оплатить кредитной картой годовую подписку.

Девятнадцатилетний Мертон присоединился к ним последним; он был худощав, плотно татуирован, имел бритый череп и ярко-голубые, слегка безумные глаза. Мертон носил мешковатые джинсы со свисающими карманными цепями, которые намекали на его принадлежность не пойми к кому – то ли к байкерам, то ли к рабам. Ногти этот малый чистил острием ножа с выкидным лезвием, а в свободное время добровольно помогал телеевангелисту, который читал проповеди на стадионе, вмещавшем двенадцать тысяч человек.

Мертон обернулся к незнакомцу:

– Ты явно разочарован.

– Теперь это сойдет ему с рук.

– Что? Прием стероидов ради игры в большой футбол? Невелика важность. Небось на таком соке сидит восемьдесят процентов этих детишек.

Эдуардо согласился:

– Мы придерживаемся своих принципов, Крис.

– Да, – сказал незнакомец. – Я знаю.

– На самом деле твоих принципов.

Незнакомец, которого в действительности звали Крис Тейлор, кивнул. Крис был основателем этого движения, пускай оно пока и не вышло за пределы гаража, который принадлежал Эдуардо, примкнувшему первым. Предприятие началось как забава, как попытка исправить сбившихся с пути. Скоро, рассчитывал Крис, их движение станет прибыльным бизнесом и источником добрых дел. Но чтобы добиться этого, нельзя позволять одним закабалить других, а значит, все они должны придерживаться основополагающих принципов.

– Что случилось? – спросила его Габриэла.

– С чего ты взяла, будто что-то случилось?

– Ты здесь не появляешься, если все в порядке.

Это была правда.

Эдуардо откинулся назад:

– Появились проблемы с Деном Молино и его сыном?

– И да и нет.

– Мы получили деньги, – сказал Мертон. – Это уже неплохо.

– Да, но мне пришлось работать в одиночку.

– И что?

– А то, что Ингрид должна была быть со мной.

Они все переглянулись. Габриэла нарушила молчание:

– Она, видно, решила, что женщина будет слишком выделяться на футбольном отборе.

– Может быть, – согласился Крис. – У кого-нибудь есть от нее вести?

Эдуардо и Габриэла покачали головой. Мертон встал и сказал:

– погоди, когда ты говорил с ней в последний раз?

– В Огайо, когда мы подходили к Хейди Данн.

– И вы должны были встретиться на футбольном отборе?

– Она так сказала. Мы следовали инструкции, ехали по отдельности и не общались.

Эдуардо снова начал что-то печатать:

– Подожди, Крис, дай мне кое-что проверить.

Крис. Довольно странно слышать, как произносят его имя. В последние несколько недель он был анонимом, незнакомцем и никто не называл его по имени. Даже с Ингрид инструкция требовала однозначно: никаких имен. Анонимы. Разумеется, в этом крылась ирония. Люди, к которым он подходил, полагали, что до них никому нет дела, и жаждали анонимности, не понимая, что на самом деле для них ее не существует.

Для Криса – незнакомца – она существовала.

– Согласно расписанию, – произнес Эдуардо, глядя в экран, – Ингрид должна была приехать в Филадельфию и сдать машину в прокатную контору вчера. Дайте-ка я проверю и посмотрю... – Он поднял взгляд. – Черт.

– Что?

– Она не вернула машину.

Все замерли.

– Надо позвонить ей, – сказал Мертон.

– Это рискованно, – возразил Эдуардо. – Если она в опасности, ее мобильник может быть в чужих руках.

– Придется нарушить протокол, – сказал Крис.

– Осторожно, – вставила Габриэла.

Эдуардо кивнул:

– Давайте я позвоню ей на «Вайбер» и выйду на связь через пару болгарских ай-пи-адресов. Это займет минут пять.

Заняло три.

Раздался звонок. Один, второй, и, когда прозвенел третий, им ответили. Они ожидали услышать голос Ингрид. Но нет.

Ответил мужчина:

– Кто это? Представьтесь, пожалуйста.

Эдуардо мигом прервал звонок. Все четверо постояли в молчании, в

гараже воцарилась мертвая тишина. Незнакомец – Крис Тейлор – произнес то, о чем подумали все:

– Нас засекли.

Глава 37

Они не сделали ничего дурного.

Салли Перриман была младшим партнером в фирме, назначенной играть первую скрипку в трудном и долгом деле, где фигурировали иммигранты – владельцы греческой столовой. Они сорок лет успешно и с прибылью работали на одном и том же месте в Гаррисоне, пока крупный хедж-фонд не построил на их улице офисную башню. Местные власти были вынуждены прийти к заключению о надобности расширить ведущую к зданию дорогу, так как движение стало активнее. Это означало снос столовой. Адам и Салли восстали против власти, банкиров и в конечном итоге – против глубоко разъевшей их коррупции.

Иногда вам не дожидаться утра, чтобы помчаться на работу, и грустно, когда день заканчивается. Вы поглощены своей деятельностью. Вы едите, пьете и спите, не забывая о деле. Это был именно такой случай. Вы сближаетесь с партнерами по нелегкому квесту.

Они с Салли стали близки.

Очень близки.

Но между ними не было ничего телесного, разве что поцелуи. Границ они не переходили, но приближались к ним, бросали им вызов и, возможно, даже наступали на них, хотя никогда не пересекали. Но приходит момент, и Адам тогда это хорошо осознал, когда вы качаетесь у черты, по одну сторону которой – одна жизнь, по другую – другая; в какой-то миг вы либо пересекаете черту, либо что-то в вас должно увянуть и отмереть. В их случае что-то умерло. Через два месяца после окончания дела Салли Перриман получила новую работу в юридической фирме в Ливингстоне.

Все закончилось.

Но Коринн звонила Салли.

Зачем? Ответ казался очевидным. Адам попытался разобрать все по косточкам, пробовал выдвигать теории и строить гипотезы, которые, вероятно, объяснили бы, что произошло с Коринн. Отдельные кусочки складывались в картинку, но в том, что начинало вырисовываться, не было красоты.

Время за полночь. Дети спят. В доме нехорошо. Адам вроде бы и хотел, чтобы сыновья излили свои опасения и страхи, но еще больше – чтобы они их заблокировали на день или два, пока Коринн не вернется домой. В конце концов, только это исправит дело.

Он должен найти Коринн.

Старик Рински прислал ему предварительную информацию по Ингрид Присби. Пока там не было ничего достойного внимания и выдающегося. Живет в Остине, девять лет назад окончила Университет Райс в Хьюстоне, работала с двумя интернет-стартапами. Рински где-то раздобыл домашний номер. Мгновенно включился автоответчик, и роботизированный голос предложил «оставить сообщение после сигнала». Адам оставил – попросил Ингрид связаться с ним. Рински также узнал домашний телефон и адрес матери Ингрид. Адам собирался позвонить, но не мог придумать, как к ней подступиться. Было поздно. Он решил, что утро вечера мудренее.

Так что же теперь?

У Ингрид Присби была страница в «Фейсбуке». Может быть, там что-то найдется? На свою он заглядывал редко. Они с женой завели их несколько лет назад, когда Коринн, испытывая ностальгию, прочла статью о том, как замечательно социальные сети помогают их сверстникам отыскивать старых друзей. Адама не сильно заинтересовался, но составил жене компанию. Он почти не касался своей страницы после того, как бросил на нее какую-то картинку в раздел «Личные данные». Коринн взялась за дело с большим энтузиазмом, который распространялся на социальные сети вообще, однако Адам сомневался, чтобы его жена заходила на свою страницу чаще чем два-три раза в неделю.

Но кто может знать наверняка?

Он вспомнил, как они с Коринн сидели в этой самой комнате и заполняли свои профили на «Фейсбуке». Они начали френдиться с родственниками и соседями. Адам пробежался по фотографиям, которые выложили его приятели из колледжа, – снимки улыбающихся семейств на пляже, рождественские ужины, дети на спортивных занятиях, отпуск на лыжах в Аспене, загорелая жена, обвивающая руками сияющего улыбкой мужа, и все в таком же роде.

– Все выглядят счастливыми, – сказал он тогда Коринн.

– А ты нет.

– Что?

– В «Фейсбуке» все выглядят счастливыми, – повторила Коринн. – Это сборник лучших хитов твоей жизни. – В ее голосе послышалась горечь. – Но не реальность, Адам.

– Я и не говорил, что это реальность. Я сказал: все выглядят счастливыми. В этом был смысл. Если судить о мире по «Фейсбуку», остается только удивляться, почему так много людей глотают прозак.

После этого Коринн как-то притихла. Адам тогда отшутился и обо

всем забыл, но сейчас, спустя годы, оглядываясь на прошлое и протерев очки, он видел, что многие вещи приобретают более мрачный и неприятный оттенок.

Почти целый час Адам изучал страницу Ингрид Присби. Сперва он проверил семейный статус – может, ему повезет и незнакомец окажется ее мужем или бойфрендом, – но Ингрид написала о себе, что свободна. Адам пролистал список ее ста восьмидесяти восьми друзей, надеясь найти среди них незнакомца. Не вышло. Он поискал имена или лица из своего прошлого или из прошлого Коринн. Ничего не нашел. Взялся за содержимое главной страницы – почитал обновления статуса. Никакого намека на незнакомца и симуляцию беременности. Адам попытался пристально и критически взглянуть в ее фотографии. Впечатление сложилось благоприятное. На снимках с гулянок Ингрид Присби казалась вполне довольной жизнью – поддатая, беззаботная и все в таком духе, но намного счастливее она выглядела на фотографиях, где была снята в роли волонтера. А волонтерила она много: бесплатные столовые, Красный Крест, Объединенные организации обслуживания,^[27] «Достижения молодых». Адам отметил и кое-что еще насчет Ингрид. Все фотографии на странице были групповые – ни одной сольной, ни одного портрета, никаких селфи.

Но от этих наблюдений его розыски Коринн не продвинулись ни на шаг вперед.

Он что-то упускал.

Час был поздний, но Адам продолжал сидеть за компьютером. Прежде всего, что связывает Ингрид с незнакомцем? Они должны быть в каком-то смысле близки. Он подумал о Сюзанн Хоуп и о том, как ее шантажировали фальшивой беременностью. Наиболее вероятный сценарий: Коринн тоже подверглась вымогательству. Ни одна из женщин не стала откупаться...

Правда ли это? Адам знал, что Сюзанн Хоуп не заплатила шантажистам. Она сама так сказала. Но может быть, Коринн сделала это. Адам откинулся на спинку стула и на секунду задумался. Если Коринн украла деньги лиги лакросса – а он по-прежнему в это не верил, – то, может быть, пошла на это, чтобы купить их молчание.

А они оказались из разряда тех шантажистов, которые в любом случае раскрывают чужие секреты.

Могло так случиться?

Невозможно ответить. Сконцентрируйся на более насущном вопросе: что связывает Ингрид с незнакомцем? Разумеется, нашлось несколько правдоподобных ответов, и Адам расположил их в порядке убывания

вероятности – от большей к меньшей.

Наиболее вероятно: работа. Ингрид сотрудничала с несколькими интернет-компаниями. Тот, кто стоит за всем этим, мог работать на Fake-A-Pregnancy.com, или специализироваться на хакерстве, или заниматься тем и другим.

Второе по вероятности: они познакомились в колледже. Оба примерно подходят по возрасту для того, чтобы, встретившись в каком-нибудь кампусе, остаться друзьями. Поэтому, может быть, ответ найдется в Университете Райса.

Третье из наиболее вероятного: они оба из Остина, штат Техас.

Был ли в этом смысл? Адам не знал и снова пробежался по друзьям Ингрид, присматриваясь к тем, кто тоже работал в Интернете. Набралось изрядное количество. Он проверил их страницы. Некоторые были заблокированы или имели ограниченный доступ, но большинство людей идут на «Фейсбук» не для того, чтобы прятаться. Время шло. Потом Адам просмотрел друзей ее друзей, которые работали в Интернете. И даже друзей их друзей. Он обращал внимание на личные данные и карьерные истории, а в 4:48 – Адам засек время по цифровым часам, расположенным в верхней строке, – ему наконец-то удалось выиграть золото.

Первый намек пришел с сайта «Подделай беременность». Под ссылкой «Контакты» компания указала почтовый адрес в Ревере, штат Массачусетс. Адам загуглил его и обнаружил совпадение – бизнес-конгломерат под названием «Даунинг-плейс», который разрабатывал и поддерживал различные стартапы и веб-страницы.

Теперь Адам кое-что нашел.

Снова порыскав среди друзей Ингрид, он наткнулся на одного человека, который указал местом работы «Даунинг-плейс». Адам открыл вкладку с его личными данными. Там больше ничего не было, но двое друзей этого парня тоже работали в «Даунинг». Он перешел на их страницы и так далее, пока не добрался до страницы, принадлежавшей женщине по имени Габриэла Данбар.

В разделе «О себе» она указала, что изучала основы предпринимательства в нью-джерсийском окружном колледже «Океан», а до того посещала старшую школу городка Феар Лаун. Габриэла Данбар не упоминала ни нынешнего, ни прежнего места работы и ничего не выкладывала на своей странице в течение последних восьми месяцев.

Внимание Адама привлекло то, что трое из ее друзей указали местом работы «Даунинг-плейс». Кроме того, Габриэла Данбар жила в Ревере.

Адам начал рыскать по ее странице, просматривая фотографии, и

вдруг натолкнулся на снимок трехлетней давности. Он находился в альбоме «Загрузки с мобильного» и был подписан просто: «Вечеринка на выходных». Это была одна из тех фоток, которые делаются наскоро во время корпоративов под лозунгом: «Давайте мы быстренько щелкнемся, пока все не нажрались». Кто-нибудь, не имея в виду ничего дурного, просит всех попозировать для группового снимка, а потом рассылает картинку по электронной почте или выкладывает каждому на страницу. Вечеринка проходила в ресторане или баре с обшитыми деревом стенами. На фотографии было двадцать или, может быть, тридцать человек, многие с багровыми лицами и глазами красными не только от вспышки, но и от выпивки.

И вот там, с левого края, с пивом в руке, не глядя в камеру – может быть, даже не зная, что кто-то снимает, – стоял незнакомец.

Глава 38

У Джоанны Гриффин были две собаки породы хаванез, которых звали Старски и Хатч. Сначала она не хотела заводить хаванезов. Многие думают, что это такие игрушки, а Джоанна выросла с датскими догами и считала маленьких собачек – пожалуйста, простите ее, – ну, почти что грызунами. Однако Рики настоял и, черт побери, оказался прав. Всю жизнь у Джоанны были собаки, и этих двух она тоже безумно любила.

Обычно Джоанне нравилось рано утром выводить Старски и Хатча на прогулку. Она гордилась тем, что всегда хорошо спала. Какие бы проблемы и несчастья ни отравляли ее дневную жизнь, она никогда не впускала их в дверь спальни. Таково было правило. На кухне или в гостиной ты можешь хоть умереть от тревоги, но, когда переступаешь этот порог, щелкни выключателем. Вот и все. Проблемы решены.

Однако ее лишали сна две вещи. Первая – это Рики. Может, из-за того, что он набрал несколько фунтов веса, или это был просто возраст, но его раньше вполне сносный храп превратился в непрерывный хриплый скрежет пилы. Он пробовал разные средства: полоску, подушку, какие-то простые лекарства, которые отпускаются без рецепта, – ничего не помогало. Дошло до того, что супруги начали обсуждать, не спать ли раздельно, но Джоанна считала такой исход слишком позорной капитуляцией. Придется ей как-то перебиваться, пока решение не всплывет на поверхность.

Вторая – это, конечно, Хейди.

Подруга приходила к Джоанне во сне, причем не окровавленной, не обратившейся в призрачную фигуру, которая шепчет: «Отомсти за меня». Ничего такого. Джоанна сама не могла точно сказать, что происходило в ее сосредоточенном на Хейди сне. Сон был нормальный, очень реальный по ощущениям, и Хейди была там, смеялась и улыбалась, и они хорошо проводили время, но в какой-то момент Джоанна вспомнила о случившемся: Хейди-то убита. Джоанной овладела паника. Сон вот-вот оборвется, она тянет руки и отчаянно пытается схватить подругу, словно можно удержать ее здесь живой – как будто Джоанне, если она очень постарается, под силу аннулировать убийство и с Хейди все будет в порядке.

Джоанна проснулась с мокрыми от слез щеками.

Чуть позже, чтобы развеяться, она взяла Старски и Хатча на ночную

прогулку. Джоанна пыталась получать удовольствие от тишины и уединения, но на дорогах было темновато, и даже при свете уличных фонарей она боялась споткнуться обо что-нибудь на неровной дорожке и упасть. Ее отец в возрасте семидесяти четырех лет упал, да так и не оправился до конца. О подобных случаях слышали все, и не раз. Поэтому Джоанна не отрывала взгляд от земли. Сию минуту она оказалась в особенно темном месте, достала смартфон и включила фонарик.

Телефон звякнул. В такой поздний час это мог быть только Рики. Наверно, он проснулся и либо хотел узнать, когда она вернется, либо решил, что будет неплохо поразмяться, растряссти жирок, а потому не присоединиться ли к прогулке с собаками? Джоанна была бы не против. Она только что вышла; сделать круг и вернуться домой со Старски и Хатчем не составляло труда.

Джоанна взяла оба поводка в левую руку и приложила телефон к уху. Кто звонит, она не посмотрела, просто нажала кнопку ответа и сказала:

– Алло?

– Шеф?

По голосу она сразу поняла: это не обычный звонок.

– Это ты, Норберт?

– Да, простите, что в такой поздний час, но...

– Что случилось?

– Я проверил для вас тот номерной знак. Пришлось повозиться, но похоже, что это арендованная машина, и взяла ее женщина по имени Ингрид Присби.

Тишина.

– И? – подтолкнула Джоанна.

– И это плохо, – сказал Норберт. – Очень, очень плохо.

Глава 39

Рано утром Адам позвонил Энди Гриббелю.

Тот ответил стоном:

– Чего-о-о?

– Прости, не хотел тебя будить.

– Сейчас шесть утра, – занял Гриббель.

– Прости.

– Вчера мы играли допоздна. Потом отрыв с пылкими поклонницами.

Ты сам понимаешь.

– Да. Слушай, ты знаешь что-нибудь о «Фейсбуке»?

– Издеваешься? Конечно знаю. У нашей группы есть фанатская страничка. И у нас почти восемьдесят подписчиков.

– Отлично. Я скину тебе ссылку. Там четыре человека. Посмотри, сможешь ли ты достать мне адрес кого-нибудь из них и узнать еще подробности о картинке: где была сделана, кто на ней изображен – все, что удастся.

– Приоритет?

– Самый высокий. Информация нужна была вчера.

– Понял. Мы вчера так сбацали «Ночь, когда вымер Чикаго». У всех глаза были на мокром месте.

– Ты даже не представляешь, как мне это важно прямо сейчас.

– Вау. Неужто настолько?

– Больше.

– Усек.

Адам повесил трубку и выбрался из постели. В семь он разбудил сыновей и после долго стоял под горячим душем. Ему стало лучше. Он оделся и посмотрел на часы. Дети уже должны спуститься.

– Райан? Томас?

Отозвался последний:

– Да-да, мы встали.

У Адама зазвонил мобильный. Это был Гриббель.

– Алло?

– Нам повезло.

– В чем?

– Эта ссылка, которую ты прислал. Она идет со страницы с профилем женщины по имени Габриэла Данбар.

- Верно, так что с ней?
- Она больше не живет в Ревере. Она вернулась домой.
- В Феар Лаун?
- Ты правильно понял.
- Феар Лаун находился всего в полчаса езды от Седарфилда.
- Я тебе только что скинул эсэмэской ее адрес.
- Спасибо, Энди.
- Не за что. Поедешь к ней с утра?
- Да.
- Дай мне знать, если понадобится.
- Спасибо.

Адам повесил трубку и пошел по коридору, но вдруг услышал какой-то шум в комнате Райана. Подойдя, Адам приложил ухо к закрытой двери. Сквозь дерево он услышал приглушенные всхлипы сына. Эти звуки, как подхваченный эхом треск разбитого стекла, прокатились по сердцу. Адам постучал костяшками пальцев по двери, собрался с духом и повернул ручку.

Райан сидел на постели и плакал, как маленький мальчик, каким в известном смысле и оставался. Адам застыл на пороге. Боль внутри, усиливаемая беспомощностью, росла.

– Райан?

Слезы всех делают такими маленькими, хрупкими и отчаянно юными. Грудь Райана вздрагивала, но ему все-таки удалось выговорить:

- Я скучаю по маме.
- Знаю, что скучаешь, приятель.

На секунду Адама оглушил приступ гнева, подобный грому, – гнева на Коринн за то, что сбежала, не оставив концов; за то, что подделала эту чертову беременность; за то, что украла деньги, – за все сразу. Не будем вспоминать о том, как она обошлась с Адамом. Беда не в этом. Принести столько горя детям... простить такое будет гораздо труднее.

– Почему она не отвечает на мои эсэмэски? – крикнул сквозь слезы Райан. – Почему ее нет с нами дома?

Адам уже собрался произнести очередную избитую фразу, мол, мама занята, ей нужно время и прочее. Но все это было ложью. От этих пошлых банальностей могло стать только хуже, и Адам решил сказать правду:

- Я не знаю.

Странно, но этот ответ немного успокоил Райана. Мгновенно всхлипывания не прекратились, но они начали постепенно переходить во что-то больше похожее на сопение. Адам хотел обнять сына за плечи, но

почему-то решил, что это будет ошибочным жестом. Тогда он просто сел рядом, дав понять: отец рядом. Похоже, этого хватило.

Через секунду в дверях появился Томас. Теперь все трое были вместе – «мои мальчики», как называла их Коринн, подшучивая: дескать, Адам всего лишь старший из ее детей. Они оставались в комнате, неподвижные, и Адам осознал нечто очень простое, но глубокое: Коринн любила свою жизнь, семью и тот мир, за создание которого так упорно боролась. Ей нравилось жить в городе, где она начала свой путь, в этом районе, который хранила в памяти, в этом доме, который делила со своими мальчиками.

Что же пошло не так?

Все трое услышали, как хлопнула дверца машины. Райан резко повернул голову к окну. Адам инстинктивно перешел в защитный режим – быстро шагнул туда же и встал так, чтобы перекрыть детям поле зрения. Блокировка продлилась недолго. Сыновья приблизились к нему, встали по бокам и посмотрели вниз. Никто не вскрикнул. Никто не ахнул. Никто не произнес ни звука.

Внизу стояла полицейская машина.

Одним из офицеров был Лен Гилман, но это ничего не значило, потому что на борту автомобиля было написано: «Окружная полиция Эссекса». Лен работал в Седарфилде.

Из машины выбрался офицер, служивший, судя по форме, в округе.

– Папа? – произнес Райан.

Коринн мертва.

Мысль промелькнула как вспышка, не более. Но разве это не очевидный ответ? Ваша жена исчезает. Она не выходит на связь не только с вами, но даже с детьми. И вот двое полицейских, один из которых друг семьи, а второй из округа, появляются у вашего порога с мрачными лицами. Разве не логична мысль о смерти – Коринн мертва, ее тело лежит где-то в канаве, а эти хмурые мужчины явились сюда с тяжелой вестью, и теперь ему придется собраться, как-то перенести все это, скорбеть, изображать стойкость и бесстрашие перед детьми?

Адам отвернулся от окна и обратил взор к низу лестницы. Мальчики выстроились за ним в шеренгу: первый – Томас, за ним – Райан. Они втроем будто договорились без слов, между ними возникла связь, как между тремя выжившими, которые взялись за руки, чтобы совместно выдержать надвигающийся новый удар. К тому моменту, как Лен Гилман позвонил, Адам уже поворачивал ручку двери.

Лен отпрянул и заморгал:

– Адам?

Тот стоял у полуоткрытой двери. Лен заметил у него за спиной мальчишек:

– Я думал, они уже на тренировке.

– Как раз собирались выходить, – сказал Адам.

– Ладно, пусть идут, и тогда мы поговорим...

– В чем дело?

– Лучше потолкуем в участке. – Потом, явно во благо мальчиков, Лен добавил: – Все в порядке, ребята. Просто у нас есть несколько вопросов.

Лен поймал взгляд Адама, который этих маневров явно не одобрял. Если новости плохие – настолько плохие, что хуже некуда, – какая разница, услышат их дети сейчас или после тренировки.

– Это имеет отношение к Коринн? – спросил Адам.

– Нет, вряд ли.

– Вряд ли?

– Пожалуйста, Адам. – В голосе Лена слышалась мольба. – Отправь детей на тренировку и поедem с нами.

Глава 40

Ночь Кунц провел в больничной палате сына – подремывал на стуле, который раскладывался в некое подобие кровати, и только; назвать это настоящей кроватью никто бы не решился. Когда утром медсестра увидела, как Кунц пытается размять затекшую спину, она осведомилась:

– Что, не очень удобно?

– Вы что, заказали эти стулья в Гуантанамо?

Медсестра улыбнулась ему и занялась Робби – проверила все жизненно важные показатели: температуру, пульс, кровяное давление. Это делалось каждые четыре часа, спал ли больной или бодрствовал. Его крошка-сын так привык к этим процедурам, что едва шевельнулся. Маленькие мальчики не должны привыкать к такому, никогда.

Кунц сидел у постели, и его охватывал привычный ужас беспомощности. Медсестра заметила страдание на его лице. Они все это замечают, но у них хватает ума не сюсюкать и не утешать сладкой ложью. Она просто сказала:

– Я скоро вернусь.

Кунц оценил это.

Он просмотрел сообщения. Среди них было несколько очень срочных от Ларри. Кунц их ждал. Когда пришла Барб, он поцеловал ее в лоб и сказал:

– Мне надо ненадолго уйти. Дела.

Барб кивнула, не требуя объяснений и не нуждаясь в них.

Кунц поймал такси и отправился в квартиру на Парк-авеню. Дверь открыла Лаури, миловидная жена Ларри. Кунц никогда не мог понять, зачем обманывать свою жену. Жена – это женщина, которую ты любишь больше всего в мире, твой единственный верный друг, компаньон, часть тебя. Ты или любишь ее всем сердцем, или нет, и если нет, значит пришла пора двигаться дальше, кобелек.

У Лаури Пауэрс всегда наготове улыбка. На ней было жемчужное ожерелье и простое черное платье, которое выглядело очень дорогим, или, может быть, сама Лаури выглядела дорого. Она происходила из семьи, скотлившей состояние уже давным-давно, и это было бы по ней заметно, даже предстань она вдруг в широченном гавайском платье муму.

– Он вас ждет, – сообщила Лаури. – В кабинете.

– Благодарю.

– Джон?

Кунц повернулся к Лаури.

– Что-нибудь случилось?

– Вряд ли, миссис Пауэрс.

– Лаури.

– Хорошо, – сказал он. – А вы как, Лаури?

– А что я?

– У вас все в порядке?

Она заправила волосы за ухо:

– У меня-то все. Но Ларри... он сам не свой. Я знаю, ваша работа – охранять его.

– И я это сделаю. Не беспокойтесь, Лаури.

– Спасибо вам, Джон.

Вот один из маленьких жизненных уроков: если кто-то ожидает вас в кабинете, то у него водятся деньги. У обычных людей есть домашний офис, или семейная комната, или, может, мужская берлога. У богатых имеются кабинеты. Этот был роскошен, полон книг в кожаных переплетах, деревянных глобусов и восточных ковров. Он был похож на место, в котором мог бы проводить время Бэтмен перед отъездом в Бэткейв.

Ларри Пауэрс сидел в вольтеровском кресле, обтянутом бордовой кожей. В руке он держал бокал с жидкостью, по виду напоминавшей коньяк, и плакал.

– Джон?

Кунц подошел и забрал бокал у Ларри, потом посмотрел на бутылку и увидел, что она уже почти пуста.

– Зачем ты так напиваешься?

– Где ты был?

– Решал наши проблемы.

Проблема была простой и разрушительной. Поскольку их продукт имел религиозную привязку, постольку банк, обеспечивающий первичное размещение акций, настоял на моральных ограничениях, включая супружескую измену. Коротко говоря, стань известно, что Ларри шарится на сайте с цыпами и пользуется сексуальными услугами студенток, – прости-прощай, первичное размещение акций. Прощайте, семнадцать миллионов долларов. Прощай, лечение Робби. Пока-пока, поездка на Багамы с Барб.

Всему этому бай-бай.

– Я получил электронное письмо от Кимберли, – просипел Ларри и снова заплакал.

- Что в нем?
- Ее мать убита.
- Она тебе это сказала?
- Конечно, она мне сказала. Господи Иисусе, Джон. Я знаю, ты...
- Тихо.

Тон, каким это было произнесено, был подобен пощечине и заставил Ларри замолчать.

– Выслушай меня.

– Джон, такого быть не должно. Мы могли начать сначала. Могли использовать другие варианты. Выход нашелся бы.

Кунц молча смотрел на него. Да, конечно. Другие варианты. Ему легко говорить. Отец Ларри был трейдером, всю жизнь зарабатывал немалые деньги, отправил своего сына в Университет Лиги плюща. Лаури тоже из богатой семьи. Ни одному из них, блин, не понять.

– Мы могли бы...

– Перестань болтать, Ларри.

Тот перестал.

– Что именно сказала тебе Кимберли?

– Не сказала. Это было письмо. Я же тебе говорил. Мы никогда не общаемся по телефону. И это даже не письмо, а сообщение через мой аккаунт на «Сладких крошках».

– Ладно, хорошо. Что написано в письме?

– Что ее мать убита. Она думает, что в дом проник грабитель.

– Может, так и было, – сказал Кунц.

Тишина.

Потом Ларри сел в кресле прямее:

– Кимберли нам ничем не опасна. Она даже не знает моего имени.

Кунц уже обдумал все за и против того, чтобы утихомирить дочь Хейди, но в конце концов решил, что убирать ее рискованнее, чем оставлять в живых. В настоящий момент у полиции нет причин сводить воедино убийства Хейди Данн и Ингрид Присби. Их разделяло более четырехсот миль. Он даже использовал два разных пистолета. Но если вдруг что-то случится с дочерью Хейди, это привлечет слишком много внимания.

Ларри клялся, что не называл Кимберли своего настоящего имени. Сайт проделывал тщательную работу для сохранения инкогнито мужчин. Конечно, Кимберли может узнать Ларри, если его портреты появятся в газетах, но они уже решили, что Ларри будет скромным исполнительным директором, а все общение с прессой, когда произойдет официальный

выпуск первой партии акций, возьмет на себя президент. Если же Кимберли все-таки начнет создавать проблемы, Кунц придумает, как быть.

Ларри встал и пьяно зашатался по комнате.

– Как эти люди узнали обо мне? – скулил он. – На сайте все анонимно!

– Ты же платил за услуги?

– Да, конечно, кредитной картой.

– Кто-то отследил твою карту, Ларри. Вот как они узнали.

– И рассказал об этом матери Кимберли?

– Да.

– Зачем?

– А ты как думаешь, Ларри?

– Шантаж?

– Бинго!

– Так давай им заплатим.

Кунц уже обдумал это: во-первых, к ним еще никто не обращался и ничего не просил, а во-вторых, останется слишком много концов. Шантажисты – особенно те, кто не лишен фанатизма, – ненадежные ребята, им нельзя верить. Когда Кунц впервые приехал в Огайо, он еще не знал, насколько велика угроза. Ему было известно, что Хейди Данн ошеломлена новостью о деятельности своей дочери, которая сильно смахивает на проституцию. Она, конечно, знала, что клиенты проституток пользуются псевдонимами, но, к счастью, с дочерью это не обсуждала. После недолгих уговоров Хейди рассказала Кунцу о молодой паре, которая подошла к ней у «Красного лобстера». Кунц махнул удостоверением перед носом охранника ресторана, получил видеозапись беседы парня и девушки с Хейди, определил номер машины.

Дальше все было просто. Он узнал в прокатной конторе имя Лорен Барна и связал его с Ингрид Присби. Потом проследил историю кредитной карты и нашел девушку в мотеле неподалеку от Делавер Уотер Гэп.

– Это все? – спросил Ларри. – Дело кончено?

– Еще нет.

– Больше никакой крови. Прошу. Мне плевать на эти акции. Ты больше никого не тронешь.

– Ты причиняешь зло жене.

– Что?

– Обманывая ее, ты причиняешь ей боль. Разве нет?

Ларри открыл рот, закрыл его, попробовал снова:

– Но... Она ведь не мертва. Это нельзя сравнивать.

– Очень даже можно. Ты причиняешь боль любимому человеку, и при

этом тебя волнуют какие-то посторонние люди, которых больше нет и которые не причинят тебе вреда.

– Ты говоришь об убийстве, Джон.

– Ни о чем я не говорю, Ларри. Это твои слова. Я слышал, что мать Кимберли погибла от рук грабителей. Это хорошо, ведь если кто-то прикончил ее намеренно – скажем, один из твоих людей, – то этот человек может легко нарушить сделку и заявить, что его просто наняли. Ты следишь за моей мыслью?

Ларри ничего не ответил.

– Ты где-нибудь еще напакостил, Ларри, чтобы мне пришлось подчищать?

– Нет, – тихо ответил тот. – Нигде.

– Хорошо. Первичное размещение акций должно состояться во что бы то ни стало. Тебе это ясно?

Тот кивнул.

– Тогда хватит бухать, Ларри. Соберись.

Глава 41

Если учесть, что у дверей стояли два копа, Томас и Райан удивили Адама. Они не препирались и не мешкали, быстро похватали вещи и приготовились к выходу, а затем демонстративно обняли и поцеловали отца на прощание. Когда Лен Гилман с улыбкой похлопал Райана по плечу и заявил, что их отец всего-навсего кое в чем помогает, у Адама чуть глаза из орбит не вылезли. Он ободрил сыновей, велел не тревожиться, и пообещал связаться с ними, как только что-нибудь прояснится.

Томас и Райан ушли, и Адам проследовал к полицейской машине. Что подумают соседи? – прикидывал он. А впрочем, ему плевать. Похлопав Лена Гилмана по плечу, он сказал:

- Если речь снова пойдет об этих дурацких деньгах лиги лакросса...
- Нет, не пойдет, – сурово отрезал Лен, будто шваркнул дверь.

По дороге они не разговаривали. Адам сидел сзади, Лен Гилман – на пассажирском сиденье, а машину вел другой полицейский, молодой парень, который не представился. Адам решил, что они едут в седарфилдский отдел полиции на Годвин-роуд, но, когда машина вырулила на хайвей, стало ясно: их путь лежит в Ньюарк. Дальше они свернули на соединяющее штаты 280-е шоссе и через некоторое время подкатили к окружному офису шерифа на улице Вест Маркет.

Машина остановилась. Лен Гилман вышел. Адам потянулся было к дверной ручке, но в полицейских автомобилях на задних сиденьях таковых нет. Он подождал, пока Лен откроет для него дверцу, и выбрался наружу. Машина уехала.

- С каких это пор ты работаешь на округ? – поинтересовался Адам.
- Они попросили помочь.
- Что происходит, Лен?
- Нужно задать несколько вопросов, Адам. Больше я тебе ничего не могу сказать.

Лен пропустил его в дверь и повел по коридору. Они вошли в комнату для допросов.

- Садись.
- Лен?
- Что?
- Раньше в таких ситуациях я был по другую сторону, так что сделай одолжение: не заставляй меня ждать слишком долго, ладно? А то я не

расположусь к сотрудничеству.

– Верно подмечено, – сказал Лен, закрывая за собой дверь.

Он выслушал, но не услышал. Просидев в одиночестве целый час, Адам встал и стукнул кулаком в дверь. Открыл Лен Гилман. Адам развел руками и сказал:

– Да неужели?

– Мы с тобой не играем, – начал оправдываться Лен, – просто кое-кого ждем.

– Кого?

– Дай нам пятнадцать минут.

– Отлично, только дайте отлить.

– Не вопрос. Я провожу...

– Нет, Лен, я здесь нахожусь добровольно. Я пойду в уборную сам, как большой мальчик.

Адам покончил с делом, вернулся, сел на стул и занялся смартфоном. Проверил эсэмэски. Энди Гриббель подчистил его утреннее расписание. Адам взглянул на адрес Габриэлы Данбар: она жила в самом центре Феар Лауна.

Приведет ли она его к незнакомцу?

Наконец дверь допросной открылась. Первым вошел Лен Гилман, следом за ним – женщина лет пятидесяти с небольшим, как предположил Адам. На ней был брючный костюм характерного казенно-зеленого цвета. Воротник рубашки слишком длинный и острый. Волосы, что называется, вымыл и пошел – взлохмаченный маллет, напомнивший Адаму хоккеистов семидесятых годов.

* * *

– Простите, что заставила вас ждать, – сказала женщина с легким акцентом уроженки, может быть, Среднего Запада, но всяко не Нью-Джерси.

У нее было скуластое лицо из тех, что вызывают в памяти пастушек и сельскую кадриль.

– Меня зовут Джоанна Гриффин.

Она протянула крупную руку. Адам пожал ее.

– Прошу садиться.

Они уселись напротив друг друга. Лен Гилман пристроился в дальнем углу, стараясь, как все, кому лучше выйти, не привлекать к себе внимания.

– Спасибо, что пришли, – сказала Джоанна Гриффин.

– Кто вы? – спросил Адам.

– Простите?

– Полагаю, у вас есть звание или...

– Я шеф полиции, – пояснила она. – Потом, немного подумав, добавила: – Бичвуда.

– Я не знаю, где это – Бичвуд.

– В Огайо, близ Кливленда.

Этого Адам не ожидал. Он сидел и ждал продолжения.

Джоанна Гриффин положила на стол портфель, щелкнула замками, запустила руку внутрь и, достав фотографию, спросила:

– Вам знакома эта женщина?

Она скольльзящим движением послала снимок через стол. Лицо без улыбки на каком-то гладком фоне – возможно, фото для водительского удостоверения. Адаму потребовалось не больше секунды, чтобы узнать блондинку. Он видел ее всего раз и с расстояния, вдобавок было темно, а она вела машину. Но Адам ее мгновенно узнал.

И все же он колебался:

– Мистер Прайс?

– Возможно, я знаю, кто она.

– Возможно?

– Да.

– И кто она, возможно?

Адам не мог определиться с ответом:

– Почему вы спрашиваете?

– Это просто вопрос.

– Ага, а я просто адвокат. Поэтому объясните, почему вы хотите это знать.

Джоанна улыбнулась:

– Значит, вот как вы хотите сыграть.

– Я ни во что не играю. Просто хочу знать...

– Почему мы спрашиваем? Мы до этого доберемся. – Джоанна указала на фотографию. – Так вы ее знаете, да или нет?

– Мы никогда не встречались.

– Да ну, – отозвалась Джоанна Гриффин.

– Что такое?

– Теперь вы решили поиграть с нами в семантические игры? Вы знаете, кто она, – да или нет?

– Думаю, знаю.

– Супер, потрясающе. Так кто это?

– А вы не знаете?

– Речь не о том, что знаем мы, Адам. И у меня правда очень мало времени, так что давайте перейдем к делу. Ее зовут Ингрид Присби. Вы заплатили Джону Боннеру, служащему парковки у холла Американского легиона, двести долларов, чтобы получить номера ее машины. Детектив в отставке Майкл Рински помог вам отследить этот номер. Вы не хотите рассказать, зачем все это делали?

Адам молчал.

– Что вас связывает с Ингрид Присби?

– Ничего не связывает, – осторожно сказал Адам. – Я просто хотел у нее кое о чем спросить.

– О чем именно?

У Адама закружилась голова.

– Адам?

От его внимания не ускользнуло, что вместо официального «мистер Прайс» Джоанна употребила более неформальное обращение – «Адам». Он покосился на угол. Лен Гилман скрестил на груди руки, его лицо ничего не выражало.

– Я рассчитывал получить от нее помощь в одном конфиденциальном деле.

– Забудьте о конфиденциальности, Адам. – Джоанна снова потянулась к портфелю и вынула еще одну фотографию. – А эту вы знаете?

Она положила на стол снимок улыбающейся женщины, которая выглядела ровесницей Джоанны. Адам покачал головой:

– Нет, ее не знаю.

– Уверены?

– Я ее не узнаю.

– Ее зовут Хейди Данн. – Тон Джоанны Гриффин стал чуть отрешенным. – Это имя что-нибудь вам говорит?

– Нет.

Джоанна посмотрела ему в глаза:

– Вы уверены, Адам?

– Уверен. Я не знаком с этой женщиной, и ее имя для меня пустой звук.

– А где ваша жена?

– При чем тут моя жена?

– У вас, я вижу, полно вопросов. – Теперь в ее голосе зазвучала сталь. – Это начинает утомлять. Я знаю, что вашу жену подозревают в

краже большой суммы денег.

Адам снова глянул на Лена. Все то же бесстрашие.

– Так вот к чему эти вопросы? Ложные обвинения?

– Где она?

Следующий ответ Адам обдумал более тщательно:

– Она путешествует.

– Где?

– Она не сказала. Какого черта, что тут вообще происходит?

– Я хочу знать...

– Мне, честно говоря, все равно, что вы хотите знать. Я арестован?

– Нет.

– Значит, я в любой момент могу встать и уйти?

Джоанна Гриффин посмотрела свирепо:

– Да, так оно и есть.

– Это я просто, чтобы прояснить ситуацию, шеф Гриффин.

– Понятно.

Адам сел немного прямее, стараясь закрепить преимущество:

– Итак, вы спрашиваете о моей жене. Тогда или объясните, что происходит, или...

Джоанна Гриффин вынула следующий снимок и, не говоря ни слова, послала его через стол. Адам замер. Он уставился на фотографию. Никто не двигался. Никто не произносил ни слова. Адам почувствовал, как мир вокруг него зашатался. Он попытался собраться, заговорить.

– Это...

– Ингрид Присби? – закончила за него Джоанна. – Да, Адам, это Ингрид Присби – женщина, которую вы, возможно, знаете.

Адаму стало трудно дышать.

– По заключению coronera, причиной смерти был выстрел в голову. Но что было до того, что вы здесь видите? Если вы сомневаетесь, я скажу: мы полагаем, убийца сделал это канцелярским ножом. Долго ли она мучилась, мы не знаем.

Адам не мог оторваться от фотографии.

Джоанна Гриффин подкинула ему следующий снимок:

– Хейди Данн сперва получила выстрел в колено. Сколько времени терзал ее убийца, мы тоже не знаем, но закончилось все так же. Пулей в голову.

Адам с трудом сглотнул:

– И вы думаете...

– Мы не знаем, что и думать. Но хотим выяснить, что знаете обо всем

ЭТОМ ВЫ.

Он покачал головой.

– Ничего.

– Правда? Тогда позвольте мне восстановить для вас хронологию событий. Ингрид Присби, живущая в Остине, Техас, прилетела в аэропорт Ньюарк из Хьюстона. Она провела ночь в отеле «Кортъярд Марриотт» рядом с аэропортом. Потом арендовала машину и приехала к холлу Американского легиона в Седарфилде. С ней в машине находился мужчина, который разговаривал с вами в холле Американского легиона. Мы не знаем о чем, но нам известно, что спустя некоторое время вы заплатили работнику парковки за то, чтобы узнать номер ее машины и, предположительно, выследить их обоих. Между тем Ингрид на той же самой взятой напрокат машине доехала до Бичвуда, Огайо, где имела беседу вот с этой женщиной.

Дрожащим пальцем, с плохо скрываемым гневом, Джоанна Гриффин ткнула в фотографию Хейди Данн.

– Через какое-то время вот эта женщина, Хейди Данн, получила выстрел в колено, а затем – в голову. В своем собственном доме. Вскоре – мы все еще уточняем последовательность событий, но прошло примерно от двенадцати до двадцати четырех часов – Ингрид Присби была изувечена и убита в комнате мотеля в Колумбии, Нью-Джерси, рядом с Делавер Уотер Гэп.

Джоанна откинулась на спинку стула.

– Какое вы имеете ко всему этому отношение, Адам?

– Вы не можете...

Но они могли.

Адаму нужно было время, чтобы собраться с мыслями, все обдумать и решить, что делать.

– Это имеет какое-то отношение к вашему браку? – спросила Джоанна Гриффин.

Адам поднял на нее глаза:

– Что?

– Лен сказал мне, что несколько лет назад у вас с Коринн были трения.

Адам метнул взгляд в угол:

– Лен?

– Ходили такие слухи, Адам.

– Так, значит, полиция теперь работает и со слухами?

– Не только со слухами, – продолжила Джоанна. – Кто такая Кристин Хой?

- Что? Она близкая подруга моей жены.
- И ваша тоже, не так ли? В последнее время вы часто общались.
- Потому что... – Адам оборвал сам себя.
- Потому что?

Слишком многое раскрывалось слишком быстро. Он и хотел бы довериться копам, но не мог. У них уже сформировалась версия, и Адам знал: раз версия есть, очень трудно, а то и невозможно заставить их взглянуть на факты непредвзято и не подгонять их под то, во что они уже поверили. Адам вспомнил совет старика Рински не обращаться в полицию. Ставки повысились, тут нет вопросов, но разве это отменяло его намерение найти Коринн самостоятельно?

Адам не знал.

- Адам?
- Мы просто говорили о моей жене.
- Вы с Кристин Хой?
- Да.
- И о ней?
- О ее недавней... поездке.

– Ее поездке. О, я понимаю. Это вы о том, как она убежала из школы средь бела дня, да так и не вернулась, а теперь не отвечает ни вам, ни детям?

– Коринн сказала, что ей нужно время, – ответил Адам. – Полагаю, раз уж вы, очевидно, прошерстили все мои контакты – не забывайте, что я адвокат, и некоторые из перехваченных сообщений могут быть истолкованы как относящиеся к моей работе, – то вы читали и эти эсэмэски.

- Удобные.
- Что?

– Сообщения от жены, адресованные вам. Вся эта история с отъездом и то, что вы ее не ищете. Типа даете человеку время... Вам не кажется?

- О чем вы говорите?
- Ведь написать мог кто угодно? Даже вы.
- Зачем мне...

Он осекся.

– Ингрид Присби была у холла Американского легиона с мужчиной, – продолжила Джоанна. – Кто он?

- Он не представился.
- Что он вам сказал?
- Это не имеет отношения к делу.

– Ошибаетесь. Он вам угрожал?

– Нет.

– И у вас с Коринн не было супружеских проблем?

– Я этого не говорил. Но это не имеет...

– Вы не хотите рассказать о вчерашней встрече с Салли Перриман?

Молчание.

– Салли Перриман тоже подруга вашей жены?

Адам взял паузу. Сделал несколько глубоких вдохов. Ему хотелось быть честным с Джоанной. Искренне хотелось. Однако сейчас Джоанна Гриффин, похоже, намеревалась во что бы то ни стало прищучить либо его, либо Коринн – настолько ее разозлило происходящее непотребство. Адам с радостью помог бы ей, он был не прочь узнать побольше об убийствах, но выучил назубок железное правило: вам не придется брать назад слова, которых вы не говорили. Сегодня утром у него созрел план: отправиться к Габриэле Данбар в Фэр Лаун и узнать имя незнакомца. Надо придерживаться задуманного. А поездка не займет много времени.

Но еще важнее то, что у него появится шанс все обдумать.

Адам встал:

– Мне пора идти.

– Вы шутите?

– Нет. Если вам нужна моя помощь, дайте мне несколько часов.

– Уже убиты две женщины.

– Понимаю, – сказал Адам, двигаясь к двери. – Но вы неверно оцениваете ситуацию.

– А как мы должны ее оценивать?

– Мужчина, который ехал с Ингрид. Тот, что был в холле Американского легиона.

– И что насчет него?

– Вы знаете, кто он?

Джоанна оглянулась на Лена Гилмана, потом посмотрела на Адама:

– Нет.

– Никаких идей?

– Никаких.

Адам кивнул:

– Это ключ ко всей истории. Найдите его.

Глава 42

Дом Габриэлы Данбар когда-то, наверно, был очень мил, но с годами из-за пристроек, подновлений и всяческих «улучшений» ранее скромное жилище, обычное для Кейп Кода, превратилось в раздутый, безликий «Макмэншн». [28] Новые архитектурные детали – эркеры и башенки – скорее рассеивали внимание, чем усиливали впечатление от здания; из-за них дом приобрел неестественный вид.

Адам подошел к богато орнаментированной входной двери и позвонил в звонок, который сыграл затейливую мелодию. Не желая дожидаться, когда полиция вернет его домой, Адам воспользовался приложением «Убер» и вызвал машину, на которой и приехал сюда. Энди Гриббель был уже в пути, он заберет шефа и подбросит до работы. Адам не думал, что его визит в Феар Лаун затянется.

Дверь отворила Габриэла. Адам узнал ее по фотографиям в «Фейсбуке». У нее были волосы цвета воронова крыла и такие прямые, будто их отутюжили. Приветливая улыбка моментально исчезла, как только Габриэла рассмотрела Адама.

– Что вам угодно?

Голос у нее слегка дрожал. Наружную сетчатую дверь она не открыла.

Адам рванул с места в карьер:

– Простите, что врываюсь, но меня зовут Адам Прайс. – Он попытался передать ей визитку, однако сетчатая дверь оставалась запертой. Тогда Адам просунул карточку в щель у дверного косяка. – Я адвокат из «Парамуса».

Габриэла не двигалась. Краска постепенно сходила с ее лица.

– Я занимаюсь наследственными делами и... – Он показал женщине телефон со снимком компьютерного экрана. Увеличил картинку и передвинул ее так, чтобы хозяйка разглядела лицо незнакомца. – Вы знаете этого человека?

Габриэла Данбар сунула пальцы в щель, вытащила визитку и долго ее изучала, после чего наконец переключила внимание на снимок, который ей показывал Адам. Через несколько секунд она помотала головой:

– Нет.

– Судя по всему, это была офисная вечеринка. Вы должны...

– Мне нужно идти.

Дрожь в ее голосе переросла в нечто большее и стала походить скорее

на панику или ужас. Габриэла начала закрывать дверь.

– Миссис Данбар.

Она заколебалась.

Адам не знал, что еще сказать. Он ее напугал. Это было очевидно. Ей страшно, следовательно, она что-то знает.

– Прошу вас, – снова начал Адам. – Мне нужно найти этого человека.

– Я вам уже сказала. Не знаю я его.

– А я думаю, знаете.

– Уходите от моего дома.

– Моя жена пропала.

– Что?

– Моя жена. Этот человек кое-что сделал, и теперь она исчезла.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Пожалуйста, уходите.

– Кто он? Это все, что я хочу узнать. Его имя.

– Я вам сказала. Не знаю. Прошу вас, мне нужно идти. Я ничего не знаю.

Дверь снова начала закрываться.

– Я не прекращу поиски. Передайте ему. Не останавлиюсь, пока не узнаю правду.

– Уходите от моего дома, или я вызову полицию.

Габриэла захлопнула дверь.

* * *

Десять минут Габриэла Данбар ходила по дому взад-вперед, без конца повторяя: «Со-Хам». Эту санскритскую мантру она выучила на занятиях йогой. В завершение каждого урока женщина-инструктор предлагала им лечь на спину в позу трупа, закрыть глаза и пять минут произносить: «Со-Хам». Когда наставница предложила это в первый раз, Габриэла закатила глаза под веками. Но позже, минуте на второй или третьей, она ощутила, как токсины стресса начинают покидать ее тело.

– Со... Хам...

Она открыла глаза. Не помогало. Имелись первоочередные дела. Мисси и Пол не вернутся домой еще несколько часов. Это хорошо. У нее будет время подготовиться и собрать вещи. Габриэла схватила телефон, прокрутила список приоритетных номеров и выбрала обозначенный как Клизма.

Два гудка, и трубку снял ее бывший:

– Дырочка?

Это прозвище – а так обращался к ней только он – до сих пор действовало на нервы. Он стал называть ее «моя Дырочка» с первого дня знакомства, и она считала это восхитительным. Обычно так и бывает, когда влюбляешься, а потом, спустя месяцы, от одного звука тянет блевать.

– Можно, дети побудут у тебя? – спросила она.

Он даже не попытался скрыть раздражение:

– Когда?

– Я думала забросить их к тебе вечером.

– Ты издеваешься? Я просил, чтоб ты разрешила мне чаще с ними встречаться...

– И теперь я тебе разрешаю. Ты можешь взять их сегодня вечером?

– Я в командировке в Чикаго до утра.

Проклятье.

– А что с Как-там-ее?

– Ты знаешь ее имя, Дырочка. Тами здесь, со мной.

Габриэлу он никогда не брал с собой в деловые поездки – возможно, потому, что встречался с Тами или с одной из ее предшественниц.

– Тами, – повторила Габриэла, – Она ставит точку над «i» или рисует сердечко? Я забыла.

– Смешно, – сказал он. Но она знала, что это не смешно, а глупо. Имелись дела поважнее, чем давно отживший свое брак. – Мы вернемся рано утром.

– Тогда я их и привезу, – сказала Габриэла.

– Надолго?

– На несколько дней. Я тебе сообщу.

– Все в порядке, Дырочка?

– Шоколадно. Мои поцелуи Тами.

Габриэла повесила трубку и выглянула в окно. С того момента, как Крис Тейлор впервые подошел к ней, она в глубине души знала, что этот день настанет. Вопрос был только – когда? Затея была несказанно заманчивой, беспроеигрышной: открываем правду и делаем деньги. Однако Габриэла ни на миг не забывала, что они играют с огнем. Люди готовы на все, чтобы сохранить свои тайны.

Даже на убийство.

– Со... Хам...

Все равно без толку. Габриэла отправилась в спальню; зная, что находится в доме одна, она закрыла за собой дверь. Легла на кровать в позе эмбриона и принялась сосать большой палец. Стыдно признаться, но когда

Со-Хамы не помогали, ей приходилось прибегать к этому примитивному и инфантильному средству, и оно действовало. Габриэла плотнее прижала колени к груди и дала волю слезам. Наплакавшись, она взялась за мобильник и по соображениям конфиденциальности воспользовалась частной виртуальной сетью VPN. Это не было абсолютно безопасно, но на данный момент такой степени защиты хватало. Габриэла перечитала текст на визитке.

Адам Прайс, адвокат

Он ее нашел. А раз так, то можно обоснованно заключить, что он один из тех, кто добрался до Ингрид.

Перефразируя известный фильм с Джеком Николсоном: некоторые люди не переносят правды.^[29]

Габриэла выдвинула нижний ящик тумбочки, достала оттуда «Глок-19» четвертого поколения и положила пистолет на кровать. Его ей дал Мертон со словами, что, дескать, это лучшее оружие для женщины. Он отвел ее в стрелковый зал в Рандольфе и научил стрелять. Пистолет был заряжен. Сначала Габриэла побаивалась держать в доме, где есть маленькие дети, боевое оружие, но опасность превзошла стандарты домашней безопасности.

И что теперь?

Все просто. Следуй инструкциям. Габриэла пересняла айфоном фото Адама Прайса с визитки, прицепила картинку к электронному письму и напечатала всего два слова перед отправкой:

ОН ЗНАЕТ.

Глава 43

Адам закончил работу рано и поехал к новому стадиону с искусственным покрытием у седарфилдской старшей школы. Шла тренировка юношеской команды по лакроссу. Оставив машину в отдалении, чтоб не бросалась в глаза, Адам из-за открытой трибуны следил за Томасом. Раньше он никогда этого не делал – не наблюдал за тренировками и сейчас, наверно, не объяснил бы, зачем он здесь. Просто захотел посмотреть на сына. Только и всего. Адам вспомнил слова, сказанные Триппом Эвансом в холле Американского легиона в тот вечер, когда начались все беды: он считал, что жители таких городков неопишимо счастливы.

«Мы, понимаешь ли, проживаем мечту».

Конечно, Трипп был прав, но примечательна людская склонность описывать свой личный рай как «мечту». Мечта – вещь хрупкая и недолговечная. Однажды вы просыпаетесь и обнаруживаете, что мечта исчезла. Вы ощутите утрату, всполошитесь и совершите тщетную попытку ухватиться за остатки былого, рассеивающиеся как дым. Но все бесполезно. Мечта растворилась, ушла навсегда. И пока Адам стоял за трибуной и наблюдал, как сын играет в любимую игру, его не покидала мысль, что после визита незнакомца все они находятся на грани пробуждения.

Тренер дал свисток и скомандовал опуститься на колено. Это было исполнено. Через несколько минут ребята сняли шлемы и устало поплелись в раздевалку. Адам вышел из-за трибуны. Увидев его, Томас остановился.

– Папа?

– Все в порядке, – сказал Адам. Потом сообразил: ведь его можно понять неправильно – в том смысле, что Коринн вернулась, – и добавил: – Ничего нового.

– Зачем ты здесь?

– Рано закончил работу и решил подвезти тебя домой.

– Мне нужно в душ.

– Ничего. Я подожду.

Томас кивнул и пошел в раздевалку. Адам проверил, где Райан. Сразу после школы тот отправился к домой к Максусу. Адам послал сыну эсэмэску с вопросом, готов ли тот избавить своего старика от необходимости еще раз покидать дом и поедет ли домой, когда Томас управится. Райан ответил

«нп», и Адаму пришлось напрячь мозги, но все же он догадался: «Нет проблем».

Через десять минут они уже сидели в машине, и Томас спросил, чего хотела полиция.

– Сейчас мне довольно трудно объяснить, – ответил Адам. – Я это говорю не для того, чтобы оградить тебя от неприятных вестей. Просто пока тебе придется довериться мне, а я сам разберусь.

– Это как-то связано с мамой?

– Я не знаю.

Томас не настаивал на продолжении. Они забрали Райана. Тот сел на заднее сиденье и осведомился:

– Фу, гадость, чем это пахнет?

– Это мое снаряжение для лакросса, – ответил Томас.

– Мерзость.

– Согласен, – поддержал Адам, опуская стекла в окнах. – Как в школе?

– Хорошо, – сказал Райан. Потом: – Есть что-нибудь от мамы?

– Пока нет. – Адам раздумывал, не добавить ли еще пару слов, и решил: немного правды не повредит, а может, даже утешит сына. – Хорошая новость в том, что теперь к делу привлечена полиция.

– Что?

– Они тоже будут искать маму.

– Полиция? – удивился Райан. – Зачем?

Адам слегка пожал плечами:

– Томас сказал вчера вечером, что это на нее не похоже. Вот они и помогут нам ее найти.

У мальчишек, Адам знал, будут еще вопросы, но как только машина свернула на их улицу, Райан воскликнул:

– Эй, кто это там?

На крыльце сидела Джоанна Гриффин. Когда Адам был уже на подъездной дорожке, она встала, одернула казенно-зеленый пиджак, улыбнулась и помахала рукой, как соседка, заскочившая позаимствовать сахарку. Адам остановил машину, а Джоанна тем временем, не переставая улыбаться, шла к ним прогулочным шагом, как будто ничем не угрожая.

– Привет, ребята! – крикнула Джоанна.

Все вышли. Мальчики смотрели на гостью настороженно.

– Я – Джоанна, – представилась дама в зеленом и пожала им руки.

Томас и Райан вопрошающе уставились на отца.

– Она офицер полиции, – объяснил тот.

– Ну что вы, я здесь неофициально, – вмешалась Джоанна. – В

Бичвуде, в Огайо, меня называют шеф Гриффин. Но тут я вне своей юрисдикции, так что просто Джоанна. Рада с вами познакомиться, ребята. – Она улыбнулась шире, но Адам-то знал: это показное. Дети, вероятно, тоже догадывались.

– Не возражаете, если я зайду? – спросила она Адама.

– Ладно.

Томас открыл заднюю дверцу и вытащил свою спортивную сумку. Райан всунул руки под ляжки неаккуратно набитого учебниками рюкзака. Они пошли к дому, Джоанна отстала, и Адам задержался вместе с ней. Когда дети удалились настолько, что не могли их услышать, он спросил:

– Зачем вы приехали?

– Мы нашли машину вашей жены.

Глава 44

Адам с Джоанной обосновались в гостиной.

Дети были на кухне. Томас поставил греться воду для пасты. Райан готовил в микроволновке замороженные овощи. Это займет их на время.

– Так где же вы нашли машину Коринн? – спросил Адам.

– Прежде всего, я должна вам признаться.

– В смысле?

– То, что я сказала на улице, – это честно. В Нью-Джерси я не коп. Черт, я и дома-то едва ли коп. Я не занимаюсь убийствами. Это дело округа. А если бы даже занималась, я здесь вне своей юрисдикции.

– Но они отправили вас сюда, чтобы допросить меня.

– Нет, я приехала сама по себе. Я знаю одного малого из Бергена, который позвонил другому в Эссекс, и они оказали мне любезность – забрали вас и привезли в участок.

– Зачем вы мне это говорите?

– Потому что в округе узнали об этом и взбесились, а меня отстранили от расследования.

– Я не понимаю. Если это вообще не ваше дело, зачем вы сюда приехали?

– Потому что одна из жертв – моя подруга.

Теперь Адам понял:

– Это та женщина? Хейди?

– Да.

– Сочувствую вашему горю.

– Спасибо.

– Так где же машина Коринн?

– Здорово сменили тему, – похвалила Джоанна.

– Вы приехали сообщить мне именно об этом.

– Верно.

– И?

– У гостиницы при аэропорте в Ньюарке.

Адам сделал большие глаза.

– Что вас удивляет?

– Ерунда какая-то.

– Почему?

Адам рассказал о телефонном локаторе на айфоне, который показывал,

что Коринн в Питтсбурге.

– Она могла куда-нибудь улететь и взять машину напрокат, – предположила Джоанна.

– Я не очень представляю, куда можно улететь, чтобы взять машину и проехать через Питтсбург. Вы говорите, машина была на парковке у гостиницы?

– Да, возле аэропорта. Мы нашли ее как раз перед буксировкой. Я попросила доставить машину сюда, так что вы ее получите в течение часа.

– Я кое-чего не понимаю.

– Чего?

– Если Коринн села в самолет, она бы оставила машину на парковке у аэропорта. Мы всегда так делаем.

– Но не в том случае, если хотела, чтобы никто не узнал, куда она подалась. Коринн могла просчитать, что вы там поищете.

Адам покачал головой:

– Я поискал бы ее машину на стоянке в аэропорту? Чушь.

– Адам.

– Да.

– Я знаю, у вас нет причин доверять мне. Но давайте поговорим не под запись.

– Вы коп, а не репортер. У вас все под запись.

– Послушайте меня, прошу. Две женщины мертвы. Я не буду углубляться в то, какой особенной была Хейди, но... послушайте, вам нужно рассказать мне правду. Все, что вы знаете. – Джоанна перехватила его взгляд и не отпустила. – Я обещаю вам. Клянусь памятью погибшей подруги, что не использую ваши слова ни против вас, ни против вашей супруги. Я хочу справедливости для Хейди. Это все. Понимаете?

Адам сидел как на иголках.

– Вас могут вынудить дать показания.

– Пусть попробуют. – Джоанна подалась к нему. – Пожалуйста, помогите мне.

Адам задумался, но ненадолго. Теперь у него не было выбора. Она права. Две женщины мертвы, и у Коринн могут быть серьезные проблемы. У него не осталось версий, только неприятное впечатление от Габриэлы Данбар.

– Прежде всего расскажите, что известно вам, – попросил Адам.

– Большую часть я уже рассказала.

– Расскажите, что связывало Ингрид Присби с вашей подругой.

– Все просто, – ответила Джоанна. – Ингрид с этим парнем пришли в

«Красный лобстер», поговорили с Хейди. На следующий день Хейди была мертва. Еще через день убили Ингрид.

– Вы подозреваете парня, который был с Ингрид?

– Конечно, я думаю, что он помог бы нам разобраться, – сказала Джоанна. – Я полагаю, они и с вами тоже поговорили? В холле Американского легиона.

– Да, парень.

– Он назвался?

Адам покачал головой:

– Он назвался незнакомцем.

– И когда они уехали, вы попытались его найти. Или их. Вы обратились к сторожу, чтобы узнать номер машины, и выследили ее.

– Я узнал ее имя, – поправил Адам. – Ничего больше.

– Что сказал вам этот парень в холле Американского легиона? Этот незнакомец.

– Он сказал, что моя жена подделала беременность.

Джоанна дважды моргнула:

– Еще раз?

Адам выложил всю историю. Стоило открыть рот, вся она так и вылилась. Когда он закончил, Джоанна задала вопрос, который показался очевидным и неожиданным одновременно:

– Вы думаете, это правда? Вы считаете, она действительно симулировала беременность?

– Да.

Именно так. Без колебаний. Их больше не осталось. Наверно, Адам изначально знал правду – с того момента, как незнакомец впервые сказал ему, – просто нужно было, чтобы фрагменты сложились в картинку, чтобы сформулировать истину.

– Почему? – спросила Джоанна.

– Почему я думаю, что это правда?

– Нет, почему она это сделала?

– Потому что я лишил ее чувства уверенности.

Джоанна кивнула:

– Это та женщина, Салли Перриман?

– По большей части, полагаю. Мы с Коринн стали отдаляться друг от друга. Она боялась потерять меня, остаться без всего, что вокруг. Это не важно.

– На самом деле может быть важно.

– И чем же?

– Не смешите меня, – сказала Джоанна. – Что происходило в вашей жизни, когда жена обратилась к этому сайту по подделке беременности?

Адам не понимал, к чему она клонит, но не видел и причин, почему бы не объясниться.

– Как я уже сказал, мы отдалялись друг от друга. Знакомая история, правда? Вся наша жизнь сосредоточилась вокруг детей и быта – кто купит продукты, кто приготовит еду, кто оплатит счета. Нормальная обыденность. Наверно, у меня был кризис среднего возраста.

– Вы чувствовали себя недооцененным?

– Я сам не знаю, каким себя чувствовал. Мне казалось, что я больше не мужчина. Я понимаю, как это звучит. Я был добытчиком и отцом...

Джоанна Гриффин кивнула:

– И вдруг появляется Салли Перриман и уделяет вам повышенное внимание.

– Не вдруг, хотя да, я начал работать совместно с Салли над сложным делом. Она и красивая, и страстная, и смотрит на меня так, как когда-то смотрела Коринн. Я знаю, что говорю глупости.

– Ничего, – утешила Джоанна. – Никакие не глупости.

Адам засомневался, действительно она так думает или насмехается.

– Так или иначе, но Коринн, по-моему, испугалась, что я уйду. Тогда я ничего не замечал, а может быть, меня это не волновало, не знаю. Но она установила мне на айфон локатор.

– Который указал вам на ее нахождение в Питтсбурге?

– Верно.

– И вы об этом не знали?

Адам мотнул головой:

– Пока Томас не показал.

– Ну и ну. – Джоанна сочувственно покачала головой. – Значит, жена за вами шпионила?

– Я не знаю, может быть. Думаю, дело было так: несколько раз я ей говорил, что работал допоздна. Наверно, она проверила показания этого локатора и заметила, что я провожу у Салли больше времени, чем следует.

– Вы не говорили ей, где были?

Он покачал головой:

– Это была просто работа.

– Тогда почему бы не сказать?

– А потому, и в этом вся ирония, что я не хотел ее напрягать. Я догадывался, как она отреагирует. Или, может быть, где-то в глубине души знал, что мы поступаем неправильно. Мы могли оставаться в офисе, но мне

нравилось бывать у Салли дома.

– И Коринн узнала.

– Да.

– Но между вами и Салли Перриман ничего не было?

– Не было. – Потом, поразмыслив: – Но может быть, что-то уже было на подходе.

– На что вы намекаете?

– Я не знаю.

– Вы были близки физически? Руки ниже пояса? Губы?

– Что? Нет.

– Вы ее не целовали?

– Нет.

– Так в чем ваша вина?

– Я хотел этого.

– Черт, я хочу помыть губкой Хью Джекмана.^[30] Что с того? Вы не можете не испытывать желаний. Вы человек. Бросьте.

Адам молчал.

– И тогда ваша жена напрямую спросила Салли Перриман.

– Она позвонила ей. Я не знаю, задавала ли она прямые вопросы.

– И Коринн вам ничего не говорила?

– Ни разу.

– Она спросила у Салли, что происходит, но вам такой любезности не оказала. Так?

– Да, наверное.

– И что было потом?

– Потом Коринн забеременела, – сказал Адам.

– То есть подделала беременность.

– Да, именно так.

Джоанна покачала головой и повторила:

– Ну и ну.

– Это не то, о чем вы подумали.

– Нет, это именно то, о чем я думаю.

– Беременность, знаете, напугала меня. Но в хорошем смысле. Она меня вернула обратно, напомнила о том, что действительно важно. И тут снова ирония. Это сработало. Коринн поступила правильно.

– Нет, Адам, она поступила неправильно.

– Это вернуло меня на землю.

– Нет, не вернуло. Она манипулировала вами. Вы, может быть, и сами вернулись бы на землю. А если нет, то, возможно, и не следовало.

Простите, но Коринн поступила плохо. Очень плохо.

– Думаю, она впала в отчаяние.

– Это не оправдание.

– Это ее мир. Ее семья. Вся ее жизнь. Она столько сил потратила, чтобы создать это, и все оказалось под угрозой.

Джоанна покачала головой:

– Но вы не сделали того, что совершила она, Адам. Вы это знаете.

– Я тоже виноват.

– Дело не в том, кто виноват. У вас были сомнения. Изменились ваши взгляды. Вы задумывались: «А что будет, если?..» И вы не первый такой. В конце концов вы или находите выход, или нет. Но Коринн не дала вам этого шанса. Она выбрала обман и жизнь во лжи. Я не защищаю и не обвиняю вас. У каждого брака своя история. Но вы не увидели света. Вас ослепили фонариком.

– Может быть, я в этом нуждался.

Джоанна снова покачала головой:

– Но не так. Это было неправильно. Вы должны это понять.

Адам пораскинул мозгами:

– Я люблю Коринн. Я не думаю, что подделка беременности действительно все изменила.

– Но вы этого никогда не узнаете.

– Неправда, – сказал Адам. – Я много думал об этом.

– И вы уверены, что остались бы?

– Да.

– Ради детей?

– Отчасти.

– А для чего еще?

Адам подался вперед и какое-то время смотрел в пол. Там был желто-голубой восточный ковер, который они с Коринн нашли в антикварном магазине в Варвике. Они приехали на октябрьский праздник урожая, но в сборе плодов не участвовали, а вместо этого пили яблочный сидр, купили яблок сорта «Макинтош», а потом зашли к антиквару.

– Как бы мы с Коринн ни доставали друг друга, – заговорил он, – какие бы недовольства, разочарования и негодования ни всплывали, я не вижу себя без нее. Я не могу представить, что состарюсь без нее. Не могу вообразить, что не являюсь частью ее мира.

Джоанна потирала подбородок и кивала:

– Я это понимаю. Понимаю. Мой муж Рики так ужасно храпит, это все равно что спать с вертолетом. Но я испытываю то же самое.

Они немного посидели молча, давая чувствам улечься.

Потом Джоанна спросила:

– Как вы думаете, почему незнакомец рассказал вам о поддельной беременности?

– Понятия не имею.

– Он не требовал денег?

– Нет. Он сказал, что делает это для меня. Он вел себя так, будто совершает крестовый поход. А как насчет вашей подруги Хейди? Она тоже подделала беременность?

– Нет.

– Тогда я не понимаю. Что сказал незнакомец ей?

– Я не знаю, – сказала Джоанна. – Но что бы это ни было, ее из-за этого убили.

– У вас есть какие-нибудь соображения?

– Нет, – призналась Джоанна, – но теперь я, наверное, знаю человека, у которого они есть.

Глава 45

ОН ЗНАЕТ.

Крис Тейлор прочел сообщение и снова задался вопросом, как и с какого момента все пошло наперекосяк. Работа с Прайсом выполнялась на заказ. Может, в этом и крылась ошибка, хотя в большинстве случаев заказная работа – а такой было совсем немного – оказывалась самой безопасной. Платежи поступали от бесстрастной третьей стороны, высококлассной фирмы, которая занималась разного рода расследованиями. В каком-то смысле это был шаг вперед, потому что здесь не применялся – да, Крис не боялся употреблять это слово – шантаж.

Обычная цепь событий выстраивалась просто: вы узнаете через Интернет чей-нибудь ужасный секрет. У человека есть две возможности: он может заплатить за то, чтобы тайна осталась тайной, или не платить, и тогда она будет раскрыта. Крис испытывал удовлетворение в обоих случаях. Конечным итогом становилась либо прибыль (человек откупался), либо катарсис (человек очищался). В общем-то, им было нужно, чтобы люди выбирали и тот и другой путь. Они нуждались в деньгах для продолжения работы. И в то же время им было необходимо, чтобы правда выходила наружу, потому как ради этого все и задумывалось, именно это придавало достоинство всему предприятию.

Раскрыть секрет – значит уничтожить его.

Возможно, думал Крис, именно в этом и заключалась проблема с заказными делами. Продвигал их Эдуардо. Он заявлял, что они будут работать только с группой избранных охранных фирм с безупречной репутацией. Все пойдет легко, безопасно и прибыльно. Устроено все было тоже обманчиво просто: фирма называла имя, Эдуардо проверял по базам, есть ли что-нибудь на этого человека, – в данном случае на Коринн кое-что нашлось через сайт Fake-A-Pregnancy.com, – потом заказчик выплачивает сумму и секрет раскрывается.

Но это, разумеется, лишало Коринн Прайс возможности выбора. Да, ее секрет перестал быть секретом. Он сказал Адаму Прайсу правду. Но сделал это исключительно ради денег. Хранитель секрета не имел возможности искупить грех.

Это нехорошо.

Крис использовал всеобъемлющий термин «секрет», но на самом деле

это были не просто секреты. Это были ложь, обман, а иногда и того хуже. Коринн Прайс лгала мужу, когда разыгрывала беременность. Кимберли Данн не говорила своим трудягам-родителям правды о том, как зарабатывает на колледж. Кенни Молино обманывал всех со стероидами. Жених Михаэлы Маркус решился на нечто совсем уже непристойное, когда рассорил своего соседа со своей же в итоге женой при помощи «пленки отмщения».

Крис считал секреты раковыми опухолями, гнойниками, которые разъедают человека изнутри, пока от него не остается жалкая оболочка. Крис наблюдал вблизи, какие разрушения они способны произвести. Ему было шестнадцать, когда горячо любимый отец, человек, который научил его кататься на велосипеде, водил в школу и тренировал команду младшей лиги, где играл и сам Крис, откопал ужасный, давно гноившийся секрет.

Он не был биологическим отцом Криса.

За несколько недель до свадьбы мать Криса имела последнее бурное свидание со своим бывшим и забеременела. Она всегда подозревала правду, но все шло гладко, пока Криса не доставили в больницу после автокатастрофы и его отец, его горячо любимый отец, не вызвался сдать кровь. Тут-то все и открылось.

– Вся моя жизнь, – говорил ему папа, – была одной большой ложью.

Тейлор-старший пытался делать «правильные вещи»: он напоминал самому себе, что отец – это не просто донор спермы. Отец необходим ребенку, он обеспечивает его материально, любит его и заботится о нем, растит его. Но в конце концов оказалось, что ложь нагнаивалась слишком долго.

Через три года отца не стало. Вот что делают секреты с людьми, с семьями, с жизнью.

По окончании колледжа Крис получил работу в интернет-стартапе под названием «Даунинг-плейс». Ему там понравилось. Он думал, что обрел дом. Но, судя по разговорам, которые велись в компании, они просто «подставляли плечо» секретам худшего пошиба. Кончилось тем, что Крис стал работать на сайт под названием Fake-A-Pregnancy.com. Эта компания врала даже самой себе, прикидываясь, будто люди покупают силиконовые животы для прикола, маскарадов и других увеселений. Однако правду знали все. Теоретически, конечно, кто-нибудь мог пойти на вечеринку, переодевшись женщиной на сносках. Но фальшивые сонограммы? Подложные тесты на беременность? Разве их можно принять за шутку?

Это было плохо.

Крис понимал, что обличать компанию бессмысленно. Это слишком

масштабная задача. К тому же, как бы странно это ни казалось, у «Подделай беременность» существовали конкуренты. И немало. Если начать преследование одного, то укрепятся другие, и только. Поэтому Крис вспомнил урок, преподанный ему в детстве «отцом»: делай то, что в твоих силах, спасай мир по человеку зараз.

Он нашел нескольких единомышленников в похожих компаниях, все они обладали таким же доступом к секретной информации, как и сам Крис. Одних в большей степени интересовала финансовая сторона предприятия. Другие воспринимали свою деятельность как борьбу за справедливость, и хотя Крис не собирался превращать новую работу в подобие крестового похода, в ней все же присутствовало некое правдоискательство.

Наконец сложилось ядро из пяти человек: Эдуардо, Габриэла, Мертон, Ингрид и Крис. Эдуардо хотел все делать онлайн – раскрывать секреты посредством электронных писем, отправителя которых невозможно отследить, чтобы все было абсолютно анонимно. Но Крис на это не согласился. То, чем они занимались, нравилось это кому-нибудь или нет, разрушало жизни. Перемены наступали молниеносно. Можно обрядить историю в любые одежды, но до визита незнакомца человек был одним и становился совершенно другим после. Такие вещи нужно делать с глаза на глаз. Необходимо проявлять сочувствие и гуманность, а секреты накапливались на безликих веб-сайтах, их хранили машины, роботы.

Они будут действовать иначе.

Крис перечитал визитку Адама Прайса и короткое послание Габриэлы: «ОН ЗНАЕТ».

Да, похоже на смену декораций. У самого Криса теперь был секрет. Ведь был? Но нет, его секрет отличался. Его секрет возник не ради обмана, но для защиты. Или он попросту внушал себе это? Может быть, он, как и большинство людей, которым противостоял, всего лишь придумывал разумные оправдания своему секрету?

Крис знал: их деятельность опасна, они наживают себе врагов, не все осознают свое благо, кто-то захочет отыграться или продолжить жить в собственной «секретной» скорлупе.

И вот Ингрид мертва. Убита.

ОН ЗНАЕТ.

Ответ был очевиден: его нужно остановить.

Глава 46

Общежитие, где жила Кимберли Данн, находилось в ультрахипповом районе Гринвич-Виллидж в Нью-Йорк-Сити. Бичвуд – это ни разу не Хиксвилль. Многие местные жители мигрировали сюда из Нью-Йорк-Сити, желая скрыться от вечной толкотни и обрести более комфортные в финансовом смысле условия: цены на жилье не такие кусачие и налоги пониже. Но Бичвуд, конечно, не был и Манхэттенем. Джоанна достаточно много путешествовала – она приехала сюда уже в шестой раз, – чтобы знать: другого такого места, как этот остров, нет. Город отдыхает, но ваши чувства остаются неизменно обостренными. Вы постоянно подключены к сети и ощущаете подпитку столь мощную, что временами искрит.

Дверь распахнулась в тот самый миг, когда Джоанна постучала, словно Кимберли стояла за ней, положив ладонь на ручку, и ждала.

– Ох, тетя Джоанна!

По лицу Кимберли потекли слезы. Она бросилась к Джоанне и зарыдала. Та поддержала ее и дала выплакаться, откинула с лица волосы. Джоанна часто видела, как это делала Хейди – например, когда однажды Кимберли упала в зоопарке и рассадил коленку или когда этот придурок Франк Велле из соседнего квартала забрал свое приглашение на выпускной, потому что «проапгрейдил» его до Николь Шиндлер.

Обнимая дочь подруги, Джоанна почувствовала, что у нее снова разрывается сердце. Она закрыла глаза и исторгла из себя некие звуки, которые, как она надеялась, были утешающим шиканьем. Джоанна не сказала, что все будет хорошо, не произнесла и других фальшивых слов, она просто обнимала Кимберли и давала ей излить слезы. Потом Джоанна и себе позволила расплакаться. Почему нет? Зачем притворяться, что она не раздавлена этим несчастьем?

Очень скоро ей придется сделать то, зачем она здесь, а пока почему бы не предаться скорби на пару?

Прошло некоторое время, и Кимберли, отцепившись от Джоанны, сделала шаг назад.

– Я возьму сумку, – сказала она. – Когда наш самолет?

– Давай сначала сядем и поговорим, а?

Они поискали место, куда бы присесть, но это была комната в общежитии, и Джоанне пришлось устроиться на краешке кровати, а Кимберли рухнула на кресло-мешок, с виду модное и дорогое. К Адаму

Прайсу Джоанна действительно прибыла по собственной инициативе, но сюда – не только ради расспросов. Она пообещала Марти привезти Кимберли домой на похороны Хейди.

«Кимми так расстроена, – сказал Марти. – Я не хочу, чтобы она путешествовала одна. Понимаешь?»

Джоанна понимала.

– Мне нужно кое-что у тебя спросить, – сказала она.

Кимберли вытирала лицо.

– Спрашивай.

– Вечером накануне убийства вы с мамой разговаривали по телефону.

Девушка снова залилась слезами.

– Кимберли?

– Мне ее так не хватает.

– Я понимаю, дорогая. Нам всем ее не хватает. Но ты должна на секунду сосредоточиться, хорошо?

Кимберли сквозь слезы качнула головой.

– О чем вы говорили?

– Какая разница?

– Я ищу убийцу.

Снова плач.

– Кимберли.

– Разве мама не застала в доме грабителей?

Это была одна из версий окружных копов: в дом вломились изверги-наркоманы, они искали деньги, но не успели ничего найти – им помешала Хейди, за что и была убита.

– Нет, дорогая, это не так.

– А что тогда?

– Это я и пытаюсь выяснить. Кимберли, послушай. Тот же человек убил еще одну женщину.

Девушка моргнула, будто ее стукнули по голове гаечным ключом:

– Что?

– Мне нужно, чтобы ты рассказала, о чем вы с мамой говорили.

Глаза Кимберли начали блуждать по комнате.

– Да так, ни о чем.

– Я в это не верю, Кимберли.

Она снова залилась слезами.

– Я проверила список звонков. Вы с мамой часто обменивались эсэмэсками, но разговаривали по телефону в этом семестре всего три раза. Первый звонок продолжался шесть минут, второй – четыре, но вечером

накануне убийства беседа длилась более двух часов. О чем вы говорили?

– Пожалуйста, тетя Джоанна, теперь это не имеет значения.

– Еще как имеет, черт побери. – В голосе Джоанны зазвучала сталь. – Рассказывай.

– Я не могу...

Джоанна соскользнула с кровати и встала перед Кимберли на колени. Она взяла лицо девушки в ладони и заставила ее смотреть на себя:

– Посмотри на меня.

Это заняло некоторое время, но Кимберли взглянула.

– Ты не виновата в том, что случилось с мамой. Слышишь меня? Она любила тебя и хотела бы, чтобы ты жила дальше и была счастлива, насколько это возможно. Я буду с тобой. Всегда. Потому что этого хотела бы твоя мама. Ты меня слышишь?

Девушка кивнула.

– Так вот теперь, – продолжила Джоанна, – мне нужно, чтобы ты рассказала о ее последнем телефонном звонке.

Глава 47

С безопасного, по его мнению, расстояния Адам наблюдал, как Габриэла Данбар кладет чемодан в багажник своей машины.

Полчаса назад он решил по пути на работу еще раз заехать к Габриэле. Но стоило ему свернуть на нужную улицу, и вот те раз – Габриэла закидывает в багажник чемодан. Двое детей – Адам прикинул, что им, наверное, двенадцать и десять лет, – волокли сумки поменьше. Соблюдая дистанцию, Адам припарковался у тротуара и теперь следил за развитием событий.

Ну, что же дальше?

Накануне вечером Адам пытался добраться до трех других людей с фотографии на странице Габриэлы, личности и местонахождение которых удалось установить Гриббелю. Никто не сообщил ему ничего ценного о незнакомце. Никаких сюрпризов. Что бы Адам ни плел, какого бы тумана ни напускал, они с естественной осторожностью реагировали на «незнакомца» – и здесь не без иронии, – стоило в той или иной манере попросить их опознать человека с групповой фотографии, который мог быть их приятелем или коллегой. Никто из них не жил поблизости, и Адам не мог встретиться с ними лично, чтобы поставить вопрос ребром.

Поэтому он снова вернулся мыслями к Габриэле Данбар.

Она что-то скрывала. Это стало ясно еще вчера – и вот она выбегает из дома уже с третьим чемоданом.

Совпадение?

Адам считал иначе. Он сидел в машине и наблюдал. Габриэла швырнула чемодан в багажник и с трудом захлопнула крышку, потом загнала детей в машину, обоих на заднее сиденье, и заставила пристегнуться. Затем открыла водительскую дверцу, замерла, глянула вдоль улицы и уперлась взором прямо в него.

Проклятье.

Адам быстро скользнул вниз. Заметила? Маловероятно. А если заметила, узнала ли на таком расстоянии? Ну и что, если узнала? Он же пришел дать бой? Адам медленно приподнялся, но Габриэла больше не смотрела в его сторону. Она села за руль, и машина тронулась с места.

Боже, вот в этом он не был асом.

Машина Габриэлы удалялась. Адам поразмыслил, что теперь делать, но недолго. Взялся за гуж – не говори, что не дюж. Адам включил передачу

и начал слезку.

На каком расстоянии держаться, чтобы и она его не заметила, и он не потерял ее из виду? Откуда ему знать? Все сведения об этом были почерпнуты Адамом из телевизора. А знали бы люди вообще, что такое слезка, если бы не было телевизора? Габриэла свернула направо. Адам – за ней. Они поехали по 208-му маршруту и потом по шоссе 287. Адам проверил, сколько топлива в баке. Почти полный. Вот и хорошо. Как долго он собирается ее преследовать? И что будет делать, когда догонит?

По шажку зараз.

Зазвонил мобильник. Адам опустил взгляд и прочел: «ДЖОАННА».

После вчерашней встречи он занес ее номер в смартфон. Вполне ли он ей доверял? Почти. У нее на повестке дня стоял лишь один вопрос: найти убийцу подружки. «Пока речь не идет о Коринн, – подумал Адам, – Джоанна может быть активным помощником и даже союзником». Если убийца – Коринн, тогда у него возникнут проблемы посерьезнее, чем доверять или не доверять копу из Огайо.

– Алло?

– У меня скоро посадка, – сказала Джоанна.

– Направляетесь домой?

– Я уже дома.

– В Огайо?

– Да, в аэропорту Кливленда. Я везу домой дочь Хейди, но после сразу полечу обратно в Ньюарк. А вы чем заняты?

– Веду Габриэлу Данбар.

– Ведете?

– Разве копы не так говорят, когда едут за кем-нибудь?

Адам быстро объяснил, как прибыл к дому Габриэлы и застал ее за сборами.

– И что вы намерены делать, Адам?

– Не знаю. Я не могу сидеть сложа руки.

– Ясно.

– Зачем вы звонили?

– Вчера я кое-что узнала.

– Я слушаю.

– Что бы тут ни происходило, – сказала Джоанна, – дело не в одном сайте.

– Не понимаю.

– Этот незнакомец. Он рассказывал своим жертвам не только о женах, подделывающих беременности. У него был доступ и к другим сайтам или

по меньшей мере еще к одному.

– Откуда вы это узнали?

– Поговорила с дочерью Хейди.

– И в чем был секрет?

– Я обещала никому не рассказывать... И вам этого знать не нужно, поверьте мне. Главное то, что ваш незнакомец мог шантажировать многих людей и по разным причинам, не только из-за фальшивых беременностей.

– Так что же получается? – спросил Адам. – Незнакомец с Ингрид шантажировали людей их деятельностью в Сети?

– Да, что-то в этом роде.

– А почему пропала моя жена?

– Я не знаю.

– А кто убил вашу подругу? И Ингрид?

– Не знаю и еще раз не знаю. Может быть, что-то не заладилось с шантажом. Хейди была сильная. Она могла дать им отпор. Или незнакомец с Ингрид разругались.

Тем временем Габриэла свернула на дорогу 23. Адам включил поворотник и повторил маневр.

– И какая связь между вашей Хейди и моей женой?

– Помимо незнакомца, я не вижу другой.

– Подождите, – сказал Адам.

– Что?

– Габриэла подъезжает к какому-то дому.

– Где?

– Локвуд-авеню в Пеканноке.

– Это в Нью-Джерси?

– Да.

Адам колебался, стоит ли ему держаться позади и резко остановиться или лучше проехать вперед и найти место, где можно свернуть с дороги. Он выбрал последнее, миновав обшитое алюминием двухуровневое желтое здание с красными ставнями. Какой-то мужчина открыл дверь, улыбнулся и направился к машине Габриэлы. Адам его не узнал. Дверцы машины распахнулись. Первой вышла девочка. Мужчина неуклюже обнял ее.

– Что происходит? – спросила Джоанна.

– Ложная тревога, судя по всему. Кажется, она оставляет детей у своего бывшего мужа.

– Ладно, объявляют посадку на мой рейс. Позвоню, когда приземлюсь. А вы пока не натворите глупостей.

Джоанна отключилась. Теперь из машины вылез сынишка Габриэлы.

Предполагаемый бывший супруг помахал Габриэле рукой. Она, возможно, махнула в ответ, но Адаму не было видно. В дверях появилась женщина. Моложе. Намного моложе. «Знакомая история», – подумал Адам. Габриэле оставалась в машине, пока ее бывший открывал багажник. Он вынул оттуда один чемодан и закрыл дверцу. Потом с озадаченным видом обошел машину спереди.

Габриэле дала задний ход и отъехала, прежде чем он успел заговорить с ней. Она покатила по дорожке в обратную сторону.

А в багажнике еще уйма вещей.

Куда же она собралась?

Взялся за гуж...

Адам не видел причин прекращать слезку.

Глава 48

Машина Габриэлы взбиралась по Скайлайн-драйв, направляясь в горы Рамапо. Эта дорога находилась всего в сорока пяти минутах езды от Манхэттена, но при этом находилась как бы в другом мире. Существовали легенды о племенах, которые до сих пор обитают в здешних краях. Называли этих людей по-разному: кто индейцами гор Рамапо, кто народом ленапе или лунаапе, кто делаваарами. Некоторые считали их коренными американцами. Другие заявляли, что они произошли от голландских поселенцев. Находились и те, кто думал, что это потомки гессенских солдат, воевавших за англичан во время американской революции, или освобожденных рабов, нашедших приют в бесплодных лесах Нью-Джерси. Многие, слишком многие не без доли презрения называли их Белыми Джексонами. Происхождение этого названия оставалось загадкой, но, вероятно, было связано с их внешностью, в которой смешались многие расы.

Как всегда в таких случаях, этих людей окружали жуткие легенды. Подростки ехали по Скайлайн-драйв и пугали друг друга историями о похищениях или о том, как кто-то исчезал в лесу и превращался во вызывающего к отмищению духа. Все это, конечно, были мифы, но мифы могут обладать большой силой воздействия.

Куда, черт возьми, тащится эта Габриэла?

Они двигались в сторону лесистой области этого горного района. От резкого набора высоты у Адама закладывало уши. Габриэла вернулась на дорогу 23. Адам ехал за ней около часа; теперь Габриэла пересекла узкий мост Дингманс-Ферри, ведущий в Пенсильванию. Машины встречались редко. Адам снова прикинул, на каком расстоянии ему держаться, чтобы не быть замеченным. Он решил пренебречь осторожностью, рассудив, что пусть лучше его засекут и подвергнут неприятному допросу, чем он совсем потеряет Габриэлу из вида.

Адам проверил телефон. Батарея почти разряжена. Адам подключил его к зарядному устройству в бардачке. Проехав еще милю, Габриэла свернула направо. Лес становился гуще. Она сбросила скорость и совершила новый поворот – на узкую и запущенную дорожку, скорее всего ведущую к какому-то жилью. На каменном столбике виднелась табличка с выцветшей надписью: «Озеро Чармейн. Частная собственность». Адам взял вправо и остановился под вечнозелеными деревьями. Он не мог

свернуть на подъездную дорожку, если это действительно была она.

Каким будет его следующий шаг?

Адам открыл бардачок и проверил, что с телефоном. Уровень заряда изменился мало, да и с чего бы? Однако процентов десять энергии еще осталось. Этого должно хватить. Он сунул мобильник в карман и вышел из машины. Что дальше? Просто подойти к этому озеру Чармейн и позвонить в дверь?

Параллельно подъездной дорожке тянулась заросшая травой лесная тропинка. Это подойдет. Небо над головой имело восхитительный голубой оттенок яйца малиновки. Ветви деревьев склонялись над тропой, Адам отодвигал их. В лесу было тихо, не считая звуков, которые производил он сам. Через каждые несколько шагов Адам останавливался и прислушивался к... ко всему подряд, но по мере углубления в лес он перестал слышать даже шум далеких машин.

Выбравшись на прогалину, Адам увидел козу, которая пощипывала траву. Животина глянула на Адама, поняла, что тот не опасен, и снова принялась за еду. Адам пошел дальше, и вскоре перед ним открылось озеро. При других обстоятельствах ему бы здесь понравилось. Вода была гладкая, как зеркало; в ней отражались зелень леса и небесная лазурь. Вид пьянящий и успокаивающий, прямо-таки чертовски мирный. Да боже, как здорово было бы просто посидеть здесь и полюбоваться на эту красоту. Коринн любила озера. Океан ее немного пугал. Волны она считала разрушительными и непредсказуемыми. Но озера – это тихие райские уголки. До рождения детей они с Коринн снимали домик у озера на севере округа Пассиак. Адам помнил ленивые дни, которые они проводили, лежа в огромном гамаке: он – с газетой, она – с книгой. Он наблюдал за Коринн: переходя со страницы на страницу, она прищуривалась, лицо было сосредоточенным; время от времени она отрывалась от книги и улыбалась ему, а он ей, и они оба поворачивали голову к озеру.

Примерно такому, как это.

Справа Адам заметил дом. Он мог бы показаться нежилым, если бы не стоявшая подле него машина.

Машина Габриэлы.

Домик был не то бревенчатый, не то из разряда быстросборных подделок. Отсюда судить было трудно. Прячась за деревьями и кустами, Адам осторожно спустился с холма. Он чувствовал себя глупо, будто превратился в ребенка, который играет в войнушку или пейнтбол. Адам попытался вспомнить, когда занимался такими вещами – подкрадывался к кому-то, прятался, и ему пришлось мысленно проделать длинный путь

назад, к летнему лагерю «Y», где он проводил каникулы в возрасте восьми лет.

Адам так и не решил, что будет делать, когда окажется рядом с домом, но на секунду ему захотелось иметь оружие. У него не было ни пистолета, ни какого-то другого защитного средства. Может быть, зря. Когда Адаму было немного за двадцать, дядя Грег несколько раз водил его пострелять. Ему это нравилось, и он знал, что сумеет справиться с оружием. Оглядываясь назад, Адам понимал, что это было бы разумно. Он имел дело с опасными людьми, даже с убийцами. Сунув руку в карман, Адам ощупал телефон. Позвонить кому-нибудь? Он не знал кому и что сказать. Джоанна, видимо, все еще в воздухе. Можно написать Энди Гриббелю или старику Рински, но что он им скажет?

В первую очередь – где ты находишься.

Адам уже взялся за телефон, как вдруг заметил нечто такое, отчего замер на месте.

На полянке стояла Габриэла Данбар, одна, и смотрела прямо на него. Адам почувствовал, как в нем закипает гнев. Он сделал шаг вперед, ожидая, что Габриэла убежит или что-нибудь скажет. Она молчала. Просто стояла и смотрела на него.

– Где моя жена? – крикнул Адам.

Габриэла не шелохнулась.

Адам сделал еще шаг.

– Я спрашиваю...

Вдруг что-то с силой ударило его по затылку, и он почувствовал, как мозг срывается с якоря.

Адам упал на колени, из глаз посыпались искры. Действуя чисто инстинктивно, он развернулся и посмотрел вверх. Ему на череп, как топор, опускалась бейсбольная бита. Он попытался пригнуть голову, увернуться или, по крайней мере, прикрыться рукой.

Слишком поздно.

Бита приземлилась с глухим стуком, и свет померк.

Глава 49

Джоанна Гриффин отличалась врожденной правопослушностью и не отключала в смартфоне полетный режим, пока лайнер не замер на взлетно-посадочной полосе. Бортпроводник произносил стандартное: «Добро пожаловать в Ньюарк, где температура воздуха равняется...», а на аппарат Джоанны загружалась электронная почта и сыпались сообщения.

От Адама Прайса ничего не было.

За последние сутки Джоанна вымоталась. Кимберли впадала в истерики. Выуживать из нее правду было болезненной процедурой, которая отняла уйму времени. Джоанна старалась выказывать понимание, но, господи боже, о чем только думал этот ребенок?! Бедная Хейди. Как она отреагировала на новость о своей дочери и этом веб-сайте? Джоанна воспроизвела в памяти видеозапись – Хейди на стоянке у «Красного лобстера». Теперь ее поведение было совершенно понятно. В каком-то смысле Джоанна увидела в записи само убийство. Этот тип, этот треклятый незнакомец, хлестал ее подругу словами, разбивал ее сердце своими откровениями.

Он сам-то хоть понимал, какой причиняет вред?

И после этого Хейди пришла домой. Она позвонила дочери и вынудила ее сказать правду. Она сохранила способность рассуждать и спокойствие, хотя внутри у нее все умерло. А может быть, Хейди не была убита этой историей? Из всех, кого знала Джоанна, Хейди была наименее склонна осуждать других, она справилась с дурной вестью и приготовилась дать отпор. Кто знает? Хейди поговорила с дочерью начистоту и после попыталась придумать способ, как вытащить ее из кошмара, в котором та увязла по собственной глупости.

Может быть, из-за этого ее и убили.

Джоанна до сих пор не знала, при каких обстоятельствах погибла Хейди, но это было явно связано с открытием, что дочь стала проституткой – забудем рыночный термин «сладкая крошка» – и обслуживала одновременно троих мужчин. Джоанна уже начала копать, но это потребует времени. Кимберли не знала настоящих имен своих партнеров, что вызвало у Джоанны еще одно изумленное «ну и ну», хотя у них, конечно, были причины шифроваться. Джоанна переговорила с руководителем сайта сладких крошек, выслушала ее объяснения, и после этой беседы ей захотелось принять долгий и очень горячий душ. Она – да, милый налет

феминизма, владелицей сайта была женщина – защищала «деловые договоренности» и «право на конфиденциальность» своих клиентов, а еще сказала, что ни за что не выдаст никаких сведений без судебного ордера.

Компания базировалась в Массачусетсе, а значит, снова потребуется время.

Провозившись с этим дерьмом, Джоанна получила запрос от раздраженных окружных полицейских из убойного на полный отчет о ее предательской поездке в Нью-Джерси. Для нее это был не вопрос самолюбия. Она хотела, чтобы поймали урода, отнявшего жизнь у подруги. Точка. Поэтому она выложила им все, включая только что испытанную у Кимберли историю, и теперь эти парни получали судебные ордера и прилагали все усилия к тому, чтобы выяснить, кто такой незнакомец и какое отношение он имеет к убийствам.

Все это было хорошо. Но не означало, что Джоанна самоустраняется от дела.

Ожил мобильник. Номер оказался незнакомым, но начинался с кода 216, значит звонил кто-то из родных краев. Она ответила.

– Это Дэрроу Фонтера.

– Кто?

– Я руковожу службой безопасности «Красного лобстера». Мы встречались, когда вам понадобилась запись с камер видеонаблюдения.

– Да, правильно. Чем могу быть полезна?

– Я просил вернуть DVD, когда вы закончите.

Он что, серьезно? Джоанна открыла рот, чтобы послать его куда подальше, но передумала:

– Мы еще не закончили расследование.

– В таком случае не могли бы вы сделать копию и вернуть нам оригинальный диск?

– Почему это так важно?

– Таковы правила. – Тон был сугубо бюрократический. – Мы делаем только одну копию DVD. Если необходимы другие...

– Я и взяла одну копию.

– Нет-нет, это была вторая.

– Простите?

– До вас приходил другой офицер из полиции и взял копию.

– Пойдите, какой другой офицер?

– Мы сделали скан его удостоверения. Он отставник из Нью-Йорка, но он сказал... о, погодите, вот оно. Его зовут Кунц. Джон Кунц.

Глава 50

Сначала пришла боль.

Несколько секунд она затмевала свет, была всепоглощающей, лишала Адама возможности понимать, где он находится и что с ним творится. Казалось, что череп разбит на куски и острые осколки костей впиваются в мозг. Адам не открывал глаз и силился превозмочь боль.

Потом навалились звуки.

«Когда он уже очухается?»... «Не надо было бить так сильно»... «Я не хотел рисковать»... «Ты взял пушку?»... «А если он так и не придет в себя?»... «Эй, он явился убить нас, не забыла?»... «Постой, он, кажется, шевелится...»

Сознание понемногу возвращалось, пробиваясь сквозь боль и оцепенение. Он лежал, прижавшись правой щекой к холодному, твердому и шершавому полу – наверно, бетонному. Адам попробовал открыть глаза, но те как будто затянуло свежей паутиной. Он с трудом моргнул и чуть не застонал от нового приступа боли.

Когда глаза Адама наконец открылись, он увидел пару кроссовок «Адидас»; тогда он попытался воспроизвести в памяти, что произошло. Он преследовал Габриэлу. Это он помнил. Добрался следом за ней до озера и потом...

– Адам?

Голос ему знаком. Адам слышал его всего один раз, но с тех пор он эхом отдавался в голове. Все еще прижимаясь щекой к бетону, Адам усилием воли обратил взгляд вверх.

Незнакомец.

– Зачем ты это сделал? – спросил он. – Зачем ты убил Ингрид?

* * *

Томас Прайс писал тест по английскому, когда в классе зазвонил телефон. Учитель, мистер Ронковитц, поднял трубку, послушал немного и сказал:

– Томас Прайс, пройдите, пожалуйста, в кабинет директора.

Одноклассники, как миллионы других одноклассников по всему миру, которые миллионы раз делали это, издали дружное «О-о-о!», как бы говоря:

«Влетел ты, приятель!» А Томас тем временем собрал свои книги, запихнул их в рюкзак и направился к выходу. В коридоре никого не было, и Томасу, как всегда, стало не по себе от этой пустоты; возникло ощущение, будто он оказался в городе призраков или в доме с привидениями. Звук его шагов подхватывало эхо, и он быстро двигался к кабинету главного в школе человека. У мальчика не было никаких идей, что все это значит, хорошо это или плохо. На ковер к директору редко вызывают ни за что, и когда твоя мать решила податься в бега, а отец ходит весь расклеенный, ты начинаешь придумывать самые ужасные объяснения.

Томас так и не понял, что происходит с родителями, но чувствовал – дело плохо. Очень плохо. Он также знал, что отец пока не сказал ему всей правды. Родители вечно считают, что лучше тебя побережь, даже если «побережь» означает «солгать». Они полагают, что, оберегая тебя, оказывают услугу, но от этого становится только хуже. Это как с Санта-Клаусом. Когда Томас узнал, что Санты не существует, он не подумал: «Я взрослею», или «Это придумано для малышей», или еще что-нибудь в том же роде. Его первая мысль была основательнее: «Родители обманывали меня. Мама и папа смотрели мне в глаза и из года в год лгали».

Какое же тут доверие?

Томасу вообще была отвратительна сама идея о существовании Санта-Клауса. Какой в этом смысл? Зачем говорить детям, что некий странный толстый дед, который живет на Северном полюсе, постоянно наблюдает за ними? Извините, конечно, но от этого просто с души воротит. Даже в детстве, когда Томаса сажали на колени к Санте в торговом центре, ему казалось, что от «деда» пахнет мочой, а про себя он думал: «И этот мужик приносит мне игрушки?» Зачем говорить детям неправду? Разве не лучше считать, что подарки дарят родители, которые для этого много работают, а не какой-то противный чужой дядька?

Что бы ни происходило, Томас хотел одного: пусть отец скажет правду. Она не может быть хуже того, что рисовали себе Томас и Райан. Они с братом не были дурачками. Томас и до исчезновения матери замечал, что отец напряжен. Причины он не понимал, но как только мама вернулась с учительской конференции, что-то разладилось. Их дом был живым организмом, одной из тех сложных и тонко устроенных экосистем, о которых толкуют ученые, а теперь в него вторглось нечто чужеродное и все вверх дном перевернуло.

Томас открыл дверь в кабинет. Рядом с директором, мистером Горманом, стояла та женщина – Джоанна, офицер полиции. Мистер Горман спросил:

– Томас, ты знаком с этой женщиной?

Он кивнул:

– Она подруга моего отца. И еще офицер полиции.

– Да, она предъявила мне удостоверение, но я не могу оставить тебя наедине с ней.

– И не нужно, – сказала Джоанна, шагнув вперед. – Томас, ты, случайно, не знаешь, где твой папа?

– Наверно, на работе.

– Его там сегодня не было. Я пыталась дозвониться ему на мобильный. Звонок переводится на голосовую почту.

Легкая паника, уже отзвывавшаяся болью в груди, начала усиливаться.

– Так бывает, только если человек вырубил телефон, – сказал Томас. – Папа никогда не отключается.

Джоанна Гриффин подошла ближе. Томас заметил, что взгляд у нее встревоженный. Он испугался, но все-таки хотел именно этого. Разве нет? Честности вместо опеки?

– Томас, папа рассказал мне о приложении, отслеживающем местонахождение человека, которое твоя мама установила на его телефон.

– Оно не будет работать, если телефон сдох.

– Но оно же показывает, где человек находился в тот момент, когда телефон отключился?

Теперь до Томаса дошло:

– Да.

– Тебе нужен компьютер, чтобы получить доступ?

Томас покачал головой и сунул руку в карман:

– Я могу посмотреть на своем телефоне. Мне нужно пару минут.

Глава 51

Зачем ты убил Ингрид?

Когда Адам попытался сесть или хотя бы отодрать лицо от бетона – где он находится, в том самом бревенчатом домике? – голова протестующе загудела. Он попробовал поднести руки к черепу, но те не подчинились. Придя в смятение, Адам повторил попытку и услышал лязг металла.

Запястья были скованы.

Он глянул себе за спину. На руки намотана велосипедная цепь, которую перекинули через идущую от пола до потолка трубу. Адам попытался оценить ситуацию. Он лежал в подвале. Прямо перед ним все в той же бейсбольной кепке стоял незнакомец. Справа от него – Габриэла. Молодой парнишка, быть может чуть старше Томаса, находился слева. У паренька был бритый череп, много татуировок и пирсинг во всех возможных местах.

В руке он держал пистолет.

Позади этой троицы маячил еще один мужчина лет тридцати, с длинными космами и зачаточной бородой.

– Кто вы? – спросил Адам.

Незнакомец взялся отвечать за всех:

– Я ведь уже говорил тебе, а?

Адам совершил новую попытку сесть. Приступы боли едва не парализовали его, но он сдюжил. Возможности встать не было никакой. Голова раскалывалась, запястья смотаны цепью, не рыпнешься. Теперь он сидел, прислонясь спиной к трубе.

– Ты незнакомец, – сказал Адам.

– Да.

– Чего тебе от меня надо?

Парнишка с пистолетом выступил вперед и нацелил оружие на Адама. Потом поводит дулом из стороны в сторону – наверное, подсмотрел этот жест в скверном гангстерском фильме, и произнес:

– Ты лучше помалкивай, а то я тебе башку разнесу.

Незнакомец попытался урезонить его:

– Мертон.

– Не, приятель. У нас на это нет времени. Пусть он нам все расскажет.

Адам взглянул на пистолет, потом в глаза Мертону и подумал: «Такой не остановится, он выстрелит и глазом не моргнет».

Следующей заговорила Габриэла:

– Убери пистолет.

Мертон не отреагировал. Он смотрел на Адама.

– Она была моим другом.

Он сунул ствол Адаму под нос.

– Зачем ты убил Ингрид?

– Я никого не убивал.

– Врешь!

Рука Мертона задрожала.

Габриэла:

– Мертон, не надо.

Продолжая целиться в лицо Адаму, Мертон качнулся назад и пнул его, будто хотел забить гол с дальней дистанции. Ботинки были со стальными пластинками на носках, и удар пришелся в чувствительное место под ребрами. Адам охнул и повалился на бок.

– Прекрати, – рявкнул незнакомец.

– Он нам расскажет все, что знает!

– Он и так расскажет.

– Что нам теперь делать? – спросила Габриэла, и в ее голосе слышалась паника. – Вот, называется, срубили денег по-легкому.

– Да все в порядке. Успокойся.

Длинноволосый проговорил:

– Мне это не нравится, совсем не нравится.

Габриэла:

– Я не подписывалась похищать людей.

– Эй, вы можете успокоиться? – Но даже незнакомец был на грани срыва. – Нам нужно выяснить, что случилось с Ингрид.

Адам скривился и проговорил:

– Я не знаю, что случилось с Ингрид.

Все повернулись к нему.

– Ты лжец, – сказал Мертон.

– Ты должен выслушать...

Мертон оборвал Адама очередным пинком под ребра. Адам опять ударился лицом о бетон. Он попытался защититься, свернувшись в клубок, и снова попробовал высвободить руки, чтобы обхватить раскалывающуюся голову.

– Прекрати, Мертон!

– Я никого не убивал, – выдавил из себя Адам.

– Да, конечно. – Это был Мертон. Адам силился плотнее сжаться в

комков на случай, если последует новый удар. – И Габриэлу ты о Крисе тоже не спрашивал. Да?

Крис. Так вот как его зовут.

– Посторонись, – велел Крис – незнакомец. Он приблизился к Адаму и произнес: – Ты начал разыскивать Ингрид и меня, правильно?

Адам кивнул.

– И первой ты нашел Ингрид.

– Только узнал ее имя.

– Что?

– Я узнал ее имя.

– Как?

– Где моя жена?

Крис нахмурился:

– Прости?

– Я спросил...

– Да, я тебя слышал. – Он посмотрел на Габриэлу. – Откуда нам знать, где твоя жена?

– Это вы все начали, – сказал Адам, стараясь снова принять сидячее положение. Он понимал, что попал в большую беду и жизнь его в опасности, но видел также, что имеет дело с любителями. От них за версту несло страхом. Велосипедная цепь постепенно разматывалась. Адам начал выпутывать из нее кулаки. Это могло помочь, если удастся обезвредить Мертон с его пистолетом. – Вы первые напали на меня.

– Так что же, ты решил отомстить? Все дело в этом?

– Нет, – сказал Адам. – Но теперь я знаю, чем вы занимаетесь.

– Да ну?

– Вы находите компрометирующую информацию, а потом занимаетесь шантажом.

– Ты ошибаешься, – сказал Крис.

– Вы шантажировали Сюзанн Хоуп тем, что она симитировала беременность. Она отказалась платить, и вы все рассказали ее мужу, так же как мне.

– Откуда ты узнал о Сюзанн Хоуп?

Мертон, который был напуган больше всех, а значит, представлял наибольшую опасность, закричал:

– Он шпионил за нами!

– Она дружила с моей женой, – сказал Адам.

– А-а, я должен был это учесть, – кивнул Крис. – Значит, это Сюзанн Хоуп рассказала Коринн о сайте?

– Да.

– То, что сделали Сюзанн и твоя жена, ужасно. Ты не согласен? Видишь ли, Интернет позволяет обманывать, причем с легкостью. Он дает возможность сохранять анонимность во лжи и держать в секрете от близких самые жуткие вещи. Мы, – он обвел рукой всю группу, – всего лишь немного выравниваем игровое поле.

Адам готов был улыбнуться:

– И этим утешаетесь?

– Это правда. Возьмем для примера твою жену. Сайт «Подделай беременность», как большинство подобных ресурсов, гарантирует конфиденциальность, и она решила, что если все происходит онлайн и сам сайт дает такие глупые обещания, то никто ни о чем не узнает. Но разве можно поверить в полную анонимность чего бы то ни было? И я говорю не о мутных историях из ведения Агентства национальной безопасности. Я говорю о людях. Разве можно считать, что все автоматизировано и нет сотрудников, которые могут получить доступ к информации о вашей кредитной карте или истории посещения сайтов? – Он усмехнулся, глядя на Адама. – Вы действительно думаете, что есть настоящие секреты?

– Крис? Ведь тебя так зовут?

– Да.

– Меня все это не интересует, – сказал Адам. – Меня волнует судьба жены.

– И я рассказал тебе правду о ней. Я открыл тебе глаза. Ты должен быть мне благодарен. Вместо этого ты начал охоту на нас. И когда нашел Ингрид...

– Говорю тебе. Я не видел ее. Я искал тебя, вот и все.

– Зачем? Ты проверил ссылки, которые я тебе дал?

– Да.

– И проверил расходы по карте «Виза». Ты убедился, что я сказал правду. Верно?

– Верно.

– И...

– Она пропала.

– Кто? – Крис нахмурился. – Твоя жена?

– Да.

– Постой, ты говоришь, что она пропала, а ты передал ей наш разговор?

Адам ничего не ответил.

– И что потом? Она сбежала, что ли?

– Коринн не просто сбежала.

– Мы теряем время, – встрял Мертон. – Он нас морочит.

Крис посмотрел на него:

– Ты убрал его машину с дороги?

Мертон кивнул.

– И мы вынули батарейку из телефона. Расслабься. Время у нас есть. –

Крис снова повернулся к Адаму. – Неужели тебе не понятно, Адам? Жена обманывала тебя. Ты имел право узнать об этом.

– Может быть, – отозвался Адам. – Но не от тебя. – Он почувствовал, что правое запястье выскальзывает из цепи. – Твоя подруга Ингрид погибла по твоей вине.

– Это сделал ты! – заорал Мертон.

– Нет. Ее убил кто-то другой. И не только ее.

– О чем ты говоришь?

– Человек, убивший твою подругу, расправился и с Хейди Данн.

Все замерли.

– О боже мой, – выдохнула Габриэла.

Крис сощурил глаза:

– Что ты сказал?

– Ты об этом не знал? Ингрид не единственная жертва убийцы. Хейди Данн тоже застрелили.

– Крис? – Габриэла начала впадать в панику.

– Дайте мне подумать.

– Первой погибла Хейди, – продолжил Адам, – за ней – Ингрид. И после всего этого исчезла моя жена. Вот чего ты добился своими разоблачениями.

– Помолчи, – отрезал Крис. – С этим надо разобраться.

– Я думаю, он говорит правду, – вмешался длинноволосый.

– Нет! – крикнул Мертон, снова вскидывая пистолет и наставляя его на Адама. – Но даже если не врет, он для нас опасен. У нас нет выбора. Он задавал вопросы, искал нас.

Адам постарался говорить как можно спокойнее:

– Я искал жену.

– Мы не знаем, где она, – сказала Габриэла.

– Тогда что случилось?

Крис стоял столбом и не мог оправиться от потрясения:

– Хейди Данн мертва?

– Да. И может быть, моя жена на очереди. Вы должны сказать мне, что вы с ней сделали.

– Мы ничего не делали, – ответил Крис.

Рука почти высвободилась.

– Ты предлагал начать сначала, – сказал Адам. – Когда вы шантажировали мою жену, как она отреагировала? Отказалась платить?

Крис обернулся и посмотрел на стоявшего позади парня с длинными волосами. Потом подошел к Адаму и опустился рядом с ним на колени. Адам продолжал высвобождаться. Он был близок к успеху. Но что он будет делать? Мертон на шаг отступил. Если Адам схватит Криса, Мертону хватит времени прицелиться.

– Адам?

– Что?

– Мы не шантажировали твою жену. Мы с ней даже не говорили.

Адам не понял.

– Вы шантажировали Сюзанн.

– Да.

– И Хейди.

– Да. Но твой случай был иной.

– В каком смысле?

– Нас наняли сделать это.

На мгновение боль в голове прошла, ее вытеснило замешательство.

– Кто-то нанял тебя, чтобы сказать это мне?

– Нас наняли, чтобы мы отыскивали какую-нибудь некрасивую историю или секретную информацию о твоей жене и раскрыли ее.

– Кто вас нанял?

– Я не знаю имени клиента, – сказал Крис, – но нанимателем была сыскная фирма под названием «CBW Inc.».

Адам почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри.

– Что это? – спросил Крис.

– Развяжите меня.

Мертон выдвинулся вперед:

– Еще чего. Ты не будешь...

Вдруг грянул выстрел, и голова Мертона взорвалась кровавыми брызгами.

Глава 52

Кунц попытался узнать адрес гаража Эдуардо у Ингрид.

Он затаился на дороге и принялся ждать, – впрочем, это не затянулось. Эдуардо проехал через горы и дальше по мосту Дингманс-Ферри. Кунц устремился следом. Когда Эдуардо оказался на месте, там уже был горескинхед. Это, должно быть, Мертон Сьюлс. Потом появилась женщина – очевидно, Габриэла Данбар.

Остался еще один.

Сидя в засаде, Кунц заметил мужчину, пробиравшегося по лесу. Он понятия не имел, кто это. Может, Ингрид забыла его упомянуть? Едва ли. В конце концов она выдала ему все, рассказала все подробности и молила о смерти.

Так кто же это такой?

Кунц притаился и наблюдал. Он увидел, как Мертон с бейсбольной битой в руках спрятался за деревом. Потом заметил Габриэлу: она вышла на открытое место и выманила мужчину из зарослей. Кунц едва не подал предупреждающий сигнал, когда увидел, что Мертон подкрался к чужаку сзади и занес над его головой биту. Кунц не стал вмешиваться. Нужно было убедиться, что все в сборе.

Итак, он безучастно пронаблюдал, как Мертон размахнулся и засветил незадачливому следопыту по затылку битой. Мужчина покачнулся и упал. Мертон без особой необходимости ударил его еще раз. Мгновение Кунц думал, что Мертон убьет чужака. Это было бы странно, но занятно. Группа, по словам Ингрид, была совершенно не настроена на насилие.

Должно быть, этот мужчина представляет для них какую-то угрозу.

Или... уж не думают ли они, что это Кунц собственной персоной?

Он поразмыслил над этим. Имелась ли хоть малейшая вероятность того, что члены группы почуяли угрозу? До настоящего времени они наверняка знали только одно: Ингрид убита. Кунц рассчитывал на это, иначе они не собрались бы вместе. Сработало. Он также принял в расчет, что эта компания – из разряда любителей, вдохновленных идеей сделать мир лучше, раскрывая чужие секреты, или что-то вроде того.

Но разумеется, со смертью Ингрид они должны были понять, что находятся в опасности.

Не для того ли он убивал?

Не имеет значения. Преимущество все равно пока на его стороне. Ему

нужно проявить терпение, и только. И Кунц выжидал. Он видел, как мужчину затащили в дом, и не шелохнулся. Через пять минут подъехала еще одна машина.

Это был Крис Тейлор. Руководитель.

Наконец-то все в сборе. Кунц подумал, не пристрелить ли Криса прямо снаружи. Нет, тогда переполошатся остальные. Терпение. Надо проверить, не заявится ли кто-нибудь еще. Нужно разобраться, почему они напали на этого типа и что хотят с ним сделать.

Кунц бесшумно обошел дом, заглядывая в окна. Ничего. Странно. Внутри находились как минимум пять человек. Поднялись наверх или...

Кунц сунулся в окно подвального этажа в задней части дома.

Бинго.

Ударенный битой все еще был без сознания. Он лежал на полу. Кто-то обмотал ему кисть велосипедной цепью, перекинул ее через трубу и закрепил на другой руке. Остальные – Эдуардо, Габриэла, Мертон и теперь еще Крис – метались по комнате, как животные перед забоем, каковыми по сути и были.

Прошел час. Потом два.

Мужчина не двигался. Кунц размышлял, не прикончил ли бедолагу старый добрый Мертон, но наконец лежавшее на полу тело шевельнулось. Кунц проверил свой «ЗИГ-Зауэр-Р239». Пушка восьмизарядная, должно хватить. В кармане у него лежало еще несколько патронов калибра 9 мм – на всякий случай.

С оружием в руке Кунц прокрался ко входу в домик. Он положил ладонь на ручку двери и чуть нажал. Не заперто. Отлично. Кунц вошел и на цыпочках подобрался к лестнице, ведущей в подвал, где остановился и прислушался.

То, что он услышал, его порадовало. Говоря вкратце, Крис Тейлор и его коллеги понятия не имели, кто убил их приятельницу Ингрид. Одна новость была неприятной, хотя это можно пережить: ударенный битой знал, что между убийствами Ингрид и Хейди есть связь. Кунц догадывался, что рано или поздно кто-нибудь сложит два и два, но скорость, с которой это произошло, его немного озадачила.

Не важно. Придется порешить всех, включая пришибленного. Кунц утвердился в этой мысли, вспомнив Робби на больничной койке. Вот это действительно важно. Позволит ли он этим людям и впредь нарушать закон, занимаясь шантажом? Или сделает то, что должен сделать отец, чтобы облегчить страдания своих родных?

Не такой трудный выбор.

Кунц продолжал сидеть на корточках на площадке лестницы, потерявшись в своих мыслях о Барб и Робби, когда Эдуардо обернулся и заметил его.

Кунц не замешкался.

Поскольку пистолет был у Мертона, он вывел его из игры первым – выстрелом в голову. Потом прицелился в Эдуардо. Тот поднял руки, как будто это остановит пулю.

Не помогло.

Габриэла пронзительно закричала. Кунц навел оружие на нее и выстрелил в третий раз.

Крик оборвался.

Трое выбыли, остались еще двое.

Кунц поспешно спустился вниз, чтобы закончить дело.

* * *

При помощи телефонного локатора Томас определил, что отец находился на озере Чармейн в Дингмане, штат Пенсильвания. И там его мобильник заглох. Джоанна настояла, чтобы Томас вернулся в класс. Такую же позицию занял и директор, который все равно не позволил бы ей забрать мальчика с собой.

Сделав несколько звонков, Джоанна наконец вышла на диспетчера полицейского управления городка Шохолла. Дингман входил в зону их ответственности. Она отправила ему координаты с GPS-локатора и попыталась объяснить ситуацию. Тот ничего толком не понял и не счел дело срочным.

– Что за срочность?

– Пошлите туда кого-нибудь, и все.

– Ладно, шериф Лоуэлл сказал, что будет проезжать мимо.

Джоанна запрыгнула в машину и дала газу. Если ее остановит полиция, у нее наготове корочки. Она даст знак, чтобы посторонились, и махнет ими. Через полчаса ей позвонил тот же диспетчер. Машину Адама не нашли. Координаты с локатора оказались недостаточно точными, чтобы воткнуть булавку в карту на месте конкретного дома – на озере их несколько, – и чего она, собственно, от них добивается?

– Обойдите их все.

– Сожалею. По чьему распоряжению мы должны это делать?

– По моему. По вашему. По чьему угодно. Двух женщин уже убили.

Жена этого мужчины пропала. Он ее ищет.

– Мы сделаем все возможное.

Глава 53

Удивительно, сколь многое может произойти в один и тот же момент.

Когда прозвучал первый выстрел, рассудок и тело Адама, казалось, бросились врассыпную. Правую руку он уже освободил из петли. Большого и не требовалось. Теперь цепь болталась только на левом запястье, но это не беда. Итак, когда прозвучал выстрел, Адам откатился в сторону, забыв о боли в голове и ребрах, и начал искать укрытие.

На лицо ему шлепнулось что-то мокрое. Затуманенное сознание подсказало, что это ошметок мозга Мертона.

Одновременно в голове роились гипотезы: откуда выстрелы? Первая обнадеживала: возможно, стреляет коп, посланный ему на выручку. Это предположение рухнуло, когда как подкошенный повалился длинноволосый парень. И было полностью разбито через секунду, когда следом за ним упала Габриэла.

Это убийца.

Продолжай двигаться...

Но куда? Он в подвале. Как тут ни бейся, укромных мест мало. Адам пополз по-пластунски вправо. Краем глаза он заметил Криса Тейлора, который метнулся к окну. Человек с пистолетом спустился на несколько ступенек и выстрелил. Крис с невероятной скоростью подтянул ноги, протолкнулся в окно и скрылся из виду.

Но Адам слышал его крик.

Был ли он ранен?

Возможно. Трудно судить наверняка.

Человек с пистолетом быстро завершил спуск.

Попался.

Адам прикинул, не сдать ли. Стрелок мог быть на его стороне. Вдруг он тоже пострадал от действий группы Криса? Однако это не означало, что пришелец готов оставить свидетелей. Очень похоже, что именно этот тип расправился с Ингрид и Хейди. Теперь он убил Мертона и длинноволосого. «Габриэла, – подумал Адам, – наверно, еще жива». Он слышал ее стоны. Стрелок уже стоял внизу.

Адам перекатился вправо и оказался под той самой лестницей, по которой спустился убийца. Мужчина с пистолетом направился к окну проверить, что с Крисом, но остановился, услышав стоны Габриэлы. Он бросил на нее беглый взгляд и чуть замедлил шаг.

Габриэла приподняла окровавленную руку и произнесла:

– Прошу...

Убийца пристрелил ее.

Адам едва не вскрикнул. Человек с пистолетом не стал медлить. Он продолжал двигаться к окну, за которым скрылся Крис.

И тут Адам заметил пистолет Мертона.

Он лежал на другой стороне комнаты, недалеко от окна. Стрелок шел спиной к Адаму. И у Адама было две возможности. Первая – попытаться взбежать по лестнице. Но нет, в этом случае он слишком долго будет на виду – открытая мишень. Тогда вторая: если ему удастся совершить внезапный рывок к пистолету, если он доберется туда вовремя и завладеет оружием, пока стрелок занят другим...

Или, постойте, есть же и третья возможность. Можно остаться на месте. Лежать под лестницей и не высовываться.

Да. Вот он, выход. Затаиться. Может быть, убийца его вообще не заметил. Может быть, не знает, что он здесь.

Нет.

Убийца первым застрелил Мертона, а тот стоял рядом с Адамом. Невозможно, чтобы стрелок видел Мертона и не видел его. Мужчина с пистолетом просто хотел убедиться, что от него не ушел никто. Ему нужно умертвить всех.

Адам должен завладеть пистолетом.

Расчеты и прикидки заняли не то что секунды, они не продлились даже наносекунд. Все это – разбор трех версий, выгадывание, отметание вариантов, планирование – произошло мгновенно, как будто мир замер специально для того, чтобы Адам разобрался и принял решение.

Пистолет. Добудь пистолет.

Адам знал, что это его единственная надежда. А потому, пока стрелок не обернулся, он рванул из своего укрытия к оружию – пригибаясь, подныривая, двигаясь к цели. Рука Адама находилась уже в считанных дюймах от пистолета, когда появившийся из ниоткуда черный ботинок отшвырнул его в сторону.

Адам с глухим стуком приземлился на бетон. Он беспомощно смотрел, как пистолет улетает под угловой комод.

Стрелок глянул вниз и точно так же, как в случае с Габриэлой, навел пистолет.

Все кончено.

Теперь это было ясно Адаму. В голове снова пронеслись варианты возможных действий – откатиться в сторону, схватить стрелка за ногу,

попытаться атаковать, – но он понимал: на это не будет времени. Адам закрыл глаза и скривился.

И вдруг сквозь окно просунулась нога и шибанула стрелка по голове.

Нога Криса Тейлора.

Мужчина с пистолетом пошатнулся, но быстро обрел равновесие. Он прицелился в окно и дважды выстрелил. Непонятно, попал или нет. Стрелок начал поворачиваться к Адаму.

Но тот был готов.

Он вскочил на ноги. Велосипедная цепь так и болталась у него на руке, ее-то Адам и применил – размахнулся, как кнутом, и хлестнул убийцу по лицу. Тот взвыл от боли.

Сирены. Полицейские сирены.

Адам не унимался. Он притянул обратно цепь, а свободную руку, сжатую в кулак, тем временем послал вперед, и она тоже попала в лицо. Из носа прищельца хлынула кровь. Стрелок попытался оттолкнуть Адама, освободиться.

Ну-ну, ничего не выйдет.

Адам вцепился в противника, обняв по-медвежьи, и сила инерции увлекла его дальше. Они грузно рухнули на бетон, и Адам был вынужден ослабить хватку. Стрелок воспользовался секундным преимуществом и ударил Адама локтем по голове.

Снова искры из глаз. И снова почти парализующая боль.

Почти.

Стрелок попытался отстраниться, чтобы освободить себе пространство, выставить руку с пистолетом и...

«Пистолет, – думал Адам. – Сосредоточься на пистолете».

Звук сирен приближался.

Если стрелок не сумеет применить оружие, у Адама есть шанс на спасение. Забудь о боли, о рези в теле, о раскалывающейся голове – обо всем. У тебя сейчас только одна задача: хватай мужика за руку и держи, не давай ему выстрелить.

Тот вырывался, но оба сплелись. Стрелок снова ударил Адама. Захват ослаб, и враг почти вырвался. Он лежал на животе и выворачивался из объятий Адама.

«Держи запястье».

Вдруг Адам без предупреждения ослабил хватку. Стрелок, думая, что теперь он свободен, начал подниматься, но Адам был наготове. Он рванулся к руке с пистолетом, схватил запястье обеими руками и прижал к бетонному полу, оставшись открытым для ударов.

Противник воспользовался этим.

Он со всей силы вломил Адаму по почке. У того перехватило дыхание. Нервные окончания обожгло болью. Но Адам не пошевелился. Мужчина нанес новый удар, на этот раз посильнее. Адам выдержал, но почувствовал, что тело начинает отказывать.

Еще разок, и он не удержит руку.

Выбора не осталось. Нужно переходить к более активным действиям.

Адам приблизил рот к руке с пистолетом, открыл его широко и впился в кисть стрелка, как бешеная собака. Тот взвыл. Адам не разжимал зубов, терзая тонкую кожу.

Пистолет выпал из руки стрелка.

Адам нырнул за ним, как утопающий за спасательным кругом. Пальцы сомкнулись на рукоятке, и он получил новый удар. Но тот слегка запоздал. Пистолет был у Адама.

Стрелок прыгнул ему на спину. Адам откинулся назад, пистолет описал широкую дугу и пришелся рукояткой прямо в нос противника, уже и так разбитый.

Адам встал, направил оружие на поверженного стрелка и спросил:

– Что ты сделал с моей женой?

Глава 54

Через тридцать секунд в помещение ворвались копы.

Это были местные бойцы. Джоанна подроспела следом. Именно она передала им координаты с локатора Томаса. Адам был горд своим сыном. Он позвонит ему позже и все объяснит.

Но не сейчас.

Адам пообщался с полицейскими. Это заняло некоторое время. Ничего. Пока шел разговор, он планировал дальнейшие действия, а пока давал пространные пояснения, говорил своим лучшим адвокатским тоном и следовал собственному совету знатока права: отвечай только то, о чем спрашивают.

Не больше и не меньше.

Джоанна сообщила ему, что стрелка зовут Джон Кунц. Он бывший коп, которого вынудили уйти в отставку. Она пока еще составляла общую картину, но важным казалось то, что Кунц работал в службе безопасности очередного интернет-стартапа, который вот-вот запустят. Очевидно, им двигали финансовые мотивы и болезнь ребенка.

Пока она говорила, Адам кивал. Врачи «скорой» оказали ему первую помощь, но в больницу он не поехал. Врач этому не обрадовался, но сделать ничего не смог. Когда «скорая» начала сворачиваться, Джоанна положила руку на плечо Адаму и произнесла:

- Вам нужно показаться врачу.
- Со мной все хорошо. Правда.
- С утра вас снова допросят.
- Знаю.
- И пресса слетится, – добавила Джоанна. – Три трупа.
- Да, и это я тоже понимаю. – Адам посмотрел на часы. – Мне нужно идти. Я позвонил детям, но они будут переживать, пока я не вернусь домой.
- Я вас отвезу, если вы не отдадите предпочтение полицейской машине.

– Нет, не надо, – отказался Адам. – Моя машина здесь.

– Вам не дадут ее забрать. Это улика.

Об этом Адам не подумал.

– Залезайте, – пригласила Джоанна. – Я поведу.

Некоторое время они молчали. Адам повозился с телефоном, набрал и отправил сообщение, потом откинулся на спинку сиденья. Врач со

«скорой» дал ему какое-то обезболивающее, и теперь его слегка повело. Он закрыл глаза.

– Отдыхайте, – сказала Джоанна.

Он отдышал, хотя и понимал, что до сна ему еще очень далеко.

– Когда вы летите обратно? – спросил Адам.

– Пока не знаю, – ответила Джоанна. – Может быть, задержусь здесь еще на несколько дней.

– Зачем? – Адам приоткрыл глаза и посмотрел на ее профиль. – Вы ведь поймали убийцу подруги.

– Да.

– Этого недостаточно?

– Может быть, и достаточно, но, – Джоанна склонила набок голову, – мы еще не со всем разобрались. Согласны, Адам?

– О, это точно.

– Остались серьезные недоработки.

– Как вы уже сказали, теперь это крупное дело. Будут ловить незнакомца.

– Я не о нем.

Он уже понял:

– Вы беспокоитесь о Коринн.

– А вы нет?

– Не очень, – признался Адам.

– Не скажете почему?

Адам взял паузу и тщательно обдумал ответ.

– По вашим словам, скоро пожалуют репортеры, причем в огромном количестве. Ее начнут искать все, и она, вероятно, просто вернется домой. Но чем дольше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что ответ был очевиден с самого начала.

Джоанна выгнула бровь:

– Объясните.

– Помните, как я все время отрицал свою вину? Ее бегство должно объясняться чем-то серьезнее, чем кажется. Тут должен быть какой-то тайный сговор, в котором участвуют Крис Тейлор и его подельники, или еще что-нибудь.

– И вы так больше не думаете?

– Нет, не думаю.

– Каково же теперь ваше мнение?

– Крис Тейлор предал огласке самый болезненный и тщательно охраняемый секрет моей жены. Мы знаем, как на это реагируют люди.

- Они травмируются.
- Да. Но этого мало. Такое разоблачение обнажает, разрывает на части и меняет взгляды на свою жизнь. – Адам снова закрыл глаза. – Вам нужно время, чтобы выстроить себя заново, чтобы понять, как жить дальше.
- И вы думаете, Коринн...
- Бритва Оккама,^[31] – сказал Адам. – Верным оказывается самый простой ответ. Коринн написала, что ей нужно побыть одной. Прошло всего несколько дней. Она вернется, когда созреет.
- Довольно убедительно.
- Джоанна включила мигалку и продолжила путь.
- Не хотите остановиться и привести себя в порядок перед возвращением домой? У вас кое-где кровь.
- Ничего страшного.
- Вы напугаете детей.
- Нет, – отмахнулся Адам. – Они устойчивее к стрессу, чем вы думаете.

Через несколько минут Джоанна высадила Адама у дверей дома. Он помахал ей и дождался, пока машина уедет. В дом он не пошел, детей там все равно не было. Еще на озере Адам улучил минутку и позвонил Кристин Хой. Он спросил, не может ли она забрать детей из школы и оставить у себя на ночь.

- Конечно, – ответила Кристин. – С тобой все в порядке, Адам?
- Все отлично. Я тебе очень благодарен за это одолжение.

На подъездной дорожке стоял минивэн Коринн – тот самый, который был оставлен на парковке у гостиницы. Адам сел в него. Водительское кресло восхитительно пахло Коринн. Действие лекарства проходило, и Адама охватывала боль. Ему было все равно. С болью он справится. Но надо быть настороже. В руке Адам держал айфон. Полиция разрешила забрать его с места преступления. Он сказал копам, что Крис Тейлор, наверное, закинул его телефон под комод. Ему позволили поискать там, но, разумеется, айфон обнаружен не был.

А вот пистолет Мертона нашелся.

Другой полицейский крикнул, что телефон Адама наверху. Батарея была вынута. Адам вставил ее на место и поблагодарил копа. А пистолет Мертона теперь сидел у Адама за поясом. Полицейские больше не обыскивали свидетеля. С чего бы им это делать?

Пистолет втыкался в бок всю дорогу домой, но вынуть его в присутствии Джоанны Адам не посмел.

Ему нужен был этот пистолет.

Сидя в машине, он составил электронное письмо и отослал его Энди Гриббелю. В теме сообщения значилось:

НЕ ЧИТАТЬ ДО ЗАВТРАШНЕГО УТРА.

Если что-то пойдет не так – а это было весьма вероятно, – Гриббель прочтет письмо завтра утром и перешлет его Джоанне и старику Рински. Адам подумывал, не рассказать ли им все сейчас, но ведь его начнут отговаривать, уведомят правоохранительные органы, и тогда подозреваемые займут круговую оборону и будут играть в молчанку. Они привлекут к делу адвокатов вроде него самого, и правда никогда не всплывет.

Этому не бывать.

Адам подъехал к лютеранской церкви Вефиля. Он поставил машину рядом с выходом из спортивного зала и принялся ждать. Похоже, что теперь Адам понимал, в чем дело, но в глубине души затаилась тревога. Что-то не складывалось, шло не так, причем с самого начала. Адам вынул телефон, нашел последние сообщения Коринн и перечитал их заново:

МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ ЛУЧШЕ НЕМНОГО ПОЖИТЬ
ОТДЕЛЬНО. ПОЗАБОТЬСЯ О ДЕТЯХ. НЕ ПЫТАЙСЯ ИСКАТЬ
МЕНЯ.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.

Адам собирался пробежать это послание глазами еще раз, когда из спортзала вальяжной походкой вышел Боб «Гастон» Байме. Он попрощался с приятелями: они соударялись ладонями и стукались кулаками. На Бобе были шорты, слишком короткие. С шеи свисало полотенце. Адам терпеливо дождался, когда Боб подойдет к машине. Потом выбрался из своей и окликнул его:

– Привет, Боб.

Тот обернулся:

– Привет, Адам. Ты напугал меня. Что это?..

Адам со всей силы врезал ему кулаком в зубы, отчего здоровяк Боб завалился на водительское сиденье и изумленно вытаращился. Адам подошел к дверце и сунул ему в лицо пистолет.

– Не двигайся.

Боб приложил ладонь ко рту, пытаясь унять кровь. Адам открыл вторую дверцу, перетащил Боба на заднее сиденье и приставил пистолет к шее.

– Что ты, черт побери, делаешь, Адам?

– Говори, где моя жена.

– Что?

Адам надавил стволом:

– Только дай повод.

– Я не знаю, где твоя жена.

– «Си-би-дабл-ю-инкорпорейтед», Боб.

Молчание.

– Это ты их нанял?

– Я не знаю, что...

Адам стукнул его рукояткой пистолета по ключице.

– Оу!

– Расскажи мне о «Си-би-дабл-ю».

– Проклятье! Больно! Адская боль!

– «Си-би-дабл-ю» – это сыскная фирма твоего двоюродного брата Деза. Ты нанял его, чтобы он накопал какого-нибудь дерьма про Коринн.

Боб прикрыл глаза и застонал.

– Или ты этого не делал?

Адам ударил его снова:

– Говори правду, или, клянусь, я тебя пристрелю.

Боб опустил голову:

– Прости меня, Адам.

– Рассказывай, как было дело.

– Я не собирался. Это просто... Мне нужно было что-нибудь, понимаешь?

Адам приставил пистолет к его шее:

– Что тебе было нужно?

– Что-нибудь на Коринн.

– Зачем?

Боб молчал.

– Зачем тебе понадобилось что-то на мою жену?

– Давай, Адам.

– Что?

Боб повернул голову и посмотрел на него:

– Вводи курок. Я хочу этого. У меня ничего не осталось. Мне не найти работу. У нас отбирают дом за неуплату по кредиту. Мелани грозитя меня бросить. Давай. Прошу тебя. Я купил у Кэла отличный страховой полис. Дети будут обеспечены.

И тут червячок сомнения зашевелился вновь.

Дети...

Адам замер и вспомнил сообщения Коринн.

Дети...

– Сделай это, Адам. Нажми на спуск.

Адам покачал головой:

– Почему ты пакостил моей жене?

– Потому что она пыталась насолить мне.

– О чем ты говоришь?

– Украденные деньги, Адам.

– А что с ними?

– Коринн. Она хотела повесить все на меня. И если бы ей это удалось, то что бы я сделал против нее? Смотри. Коринн такая примерная школьная учительница. Все ее любят. А я безработный, у которого отбирают дом. Кому поверят, мне или ей?

– Так что? Ты решил расправиться с ней, прежде чем она уделает тебя?

– Я должен был сопротивляться. Поэтому сказал Дезу. Я попросил его покопаться в ее прошлом, вот и все. Он ничего не нашел. Конечно нет, еще бы. Коринн – маленькая Мисс Совершенство. Тогда Дез пообещал прогнать ее имя через свои... – Боб показал пальцами кавычки, – «нетрадиционные источники». В итоге он связался с какой-то странной компанией. Но у них были свои правила. Они сами раскрывали чужие грязные секреты.

– Боб, это ты украл деньги?

– Нет. Но кто мне поверит? К тому же Трипп рассказал, что делала Коринн, как она пыталась свалить вину на меня.

И тут тревожный зуд прекратился.

Дети...

У Адама пересохло в горле:

– Трипп?

– Угу.

– Трипп сказал, что Коринн хочет свалить вину на тебя?

– Да. Он сказал, что нам нужно что-нибудь на нее, вот и все.

Трипп Эванс. У него пятеро детей: три мальчика, две девочки.

Дети...

Мальчики...

Адам снова вспомнил эсэмэски:

МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ НУЖНО НЕМНОГО ПОЖИТЬ
ОТДЕЛЬНО. ПОЗАБОТЬСЯ О ДЕТЯХ.

Коринн никогда не называла Томаса и Райана детьми. Она говорила

«мальчики».

Глава 55

Мучительная боль в голове становилась чудовищной, гротескной.

При каждом шаге мозг прорезала молния. Врач «скорой» дал Адаму несколько таблеток, чтобы он мог какое-то время продержаться. Возникало искушение принять их, и черт с ним, с туманом в голове.

Но нужно было действовать.

Как и два дня назад, Адам проехал мимо стадиона «Метлайф» и подкатил к кварталу, где по бросовой цене сдавались внаем офисные помещения. Жуткая вонь джерсийских болот снова ударила ему в нос. Скрепленные резиновые коврики поскрипывали под ногами. Он постучался в тот же офис на первом этаже.

И опять, открыв дверь, Трипп с легким удивлением произнес:

– Адам?

И Адам повторил уже заданный однажды вопрос:

– Зачем моя жена звонила тебе в то утро?

– Что? Господи, ты выглядишь ужасно. Что случилось?

– Зачем Коринн звонила тебе?

– Я уже говорил. – Трипп отступил назад. – Входи, садись. У тебя что, кровь на рубашке?

Адам вошел в кабинет. Раньше он здесь не бывал. Трипп всегда старался не пускать его внутрь. Немного странно. Офис был поганый. Одна комната, истертый ковер, отслоившиеся от стен и местами свисающие обрывками обои, древний компьютер.

Жизнь в городке вроде Седарфилда стоит денег. И как это Адам не замечал очевидного?

– Я знаю, Трипп.

– Что ты знаешь? – Он изучал лицо Адама. – Тебе нужно к врачу.

– Это ты украл деньги лиги лакросса, а не Коринн.

– Боже, да ты весь в крови.

– Все было наоборот, а не так, как ты говорил. Это ты просил отсрочку у Коринн, а не она у тебя. И ты использовал это время, чтобы подставить ее. Не знаю точно, как именно. Думаю, ты внес исправления в бухгалтерские книги, спрятал украденные деньги и прочее. Ты настроил членов оргкомитета против Коринн. Ты даже Бобу наговорил, что она хочет во всем обвинить его.

– Послушай меня, Адам. Присядь, ладно? Давай это обсудим.

– Я все думаю о том, как Коринн отреагировала, когда я спросил ее о поддельной беременности. Она даже не пыталась ничего отрицать, только хотела узнать, откуда мне это стало известно. Каким-то образом она догадалась, что за всем этим стоял ты. Послала предупреждение. Вот почему она звонила тебе – сказать, что с нее хватит. А ты что ей сказал, Трипп?

Тот не удостоил Адама ответом.

– Умолял дать тебе еще один шанс? Просил о встрече, чтобы все объяснить?

– У тебя богатое воображение, Адам.

Адам покачал головой и постарался собрать все воедино.

– Эти твои философствования насчет милых старых леди и членов оргкомитетов всего лишь оправдывали растрату денежного фонда. Как все начинается с малого. С денег на бензин, ты сказал, или на кофе. – Адам придвинулся на шаг. – Именно так с тобой и случилось?

– Я правда понятия не имею, о чем ты говоришь.

Адам сглотнул и ощутил, как у него потекли слезы.

– Она мертва?

Молчание.

– Ты убил мою жену.

– Ты не всерьез.

От осознания правды Адам затрясся всем телом.

– Мы проживаем мечту? Разве не об этом ты твердил, Трипп? Как нам повезло и какими благодарными мы должны быть. Ты женился на Бекки, своей подруге школьных времен. У вас пятеро прелестных детей. Вы готовы на все ради них. Разве нет? Что стало бы с твоей бесценной мечтой, если бы вдруг стало известно, что ты просто вор и больше никто?

Трипп Эванс выпрямился и указал на дверь:

– Проваливай из моего офиса.

– Либо ты, либо Коринн – вот как ты рассудил. Пострадает либо твоя семья, либо моя. Для такого, как ты, выбор не составил труда.

Теперь Трипп заговорил холоднее:

– Убирайся.

– Это сообщение отправил ты. Я должен был сразу догадаться.

– О чем ты говоришь?

– Ты убил ее. А потом, чтобы выиграть время, отправил сообщение. Я, по идее, должен был прочесть его и решить, что жена выпускает пар. А если бы я не поверил и подумал, что с ней случилось несчастье, полиция все равно не вмешалась бы сразу. Копы прочли бы сообщения, узнали бы,

что мы недавно крупно поссорились. Они даже не стали бы составлять протокол. Ты все это понимал.

Трипп покачал головой:

– Ты все неправильно понял.

– Хотелось бы в это верить.

– Ты ничего не докажешь. Ни единого слова.

– Не докажу? Может, и нет. Но я знаю. – Адам извлек телефон. –

Позаботься о детях.

– Что?

– Так сказано в тексте: «Позаботься о детях».

– И что?

– А то, что Коринн никогда не называла Томаса и Райана детьми. – Адам улыбнулся, хотя сердце у него оборвалось. – Она всегда говорила «мальчики». Вот кем они для нее были, не детьми, а ее мальчиками. Коринн не писала этого сообщения. Это сделал ты. Ты убил ее и потом отправил эсэмэску, чтобы никто не бросился искать Коринн.

– И это твое доказательство? – Трипп едва не расхохотался. – Ты правда думаешь, что кто-нибудь поверит в эту бредовую историю?

Адам вытащил из кармана пистолет и направил его на Триппа.

Тот расширил глаза:

– Эй, придержи коней и послушай секунду.

– Мне больше незачем слушать твое вранье, Трипп.

– Просто... Через пару минут сюда придет Бекки.

– Очень хорошо. – Адам поднес пистолет ближе. – И как отнесется к этому твоя скромная философия? Как насчет ока за око?

Впервые маска спала с лица Триппа, и Адам увидел под ней мрак.

– Ты не тронешь ее.

Адам продолжал смотреть на него. Трипп не отводил взгляда. Секунду ни один из них не двигался. Потом в Триппе что-то изменилось. Адам это увидел. Он закивал сам себе, отклонился назад и взял ключи от машины.

– Пошли, – сказал Трипп.

– Что?

– Я не хочу, чтобы Бекки застала тебя здесь, когда придет. Идем.

– И куда мы направимся?

– Тебе же нужна правда?

– Если это какой-нибудь выверт...

– Нет. Ты увидишь правду собственными глазами, Адам. А потом можешь делать что хочешь. Таков уговор. Но мы должны идти сейчас. Я не хочу огорчать Бекки, ты понимаешь?

Они вышли за дверь. Адам шел на шаг позади. Несколько секунд он держал Триппа на мушке, но потом сообразил, что это может быть неправильно понято случайным встречным. Поэтому Адам убрал пистолет в карман куртки. Но сквозь него продолжал целиться в Триппа, как злодей из плохого фильма, который изображает, что у него в кармане пистолет, выставляя палец.

Как только они вышли на улицу, на стоянку въехал знакомый «додж-дуранго». Оба застыли на месте. Это была Бекки. Трипп прошептал:

– Если с ее головы упадет хоть волос...

– Избавься от нее, – бросил Адам.

На лице Бекки сияла улыбка. Она с преувеличенным энтузиазмом помахала рукой и подрулила прямо к ним:

– Привет, Адам.

До чего же бодр, черт бы ее побрал.

– Привет, Бекки.

– Что ты тут делаешь?

Адам взглянул на Триппа. Тот произнес:

– У нас проблемы с игрой команды шестиклассников.

– Я думала, это будет завтра вечером.

– Да, но дело в том, что нас могут просто выкинуть из турнира, какие-то проблемы с регистрацией. Мы с Адамом собираемся съездить туда и разобраться.

– Ох, вот досада. Мы ведь хотели поужинать.

– Мы и поужинаем, милая. Это не займет больше пары часов. Я вернусь, и мы пойдем к Баумгарту, ладно? Вдвоем.

Бекки кивнула, однако впервые ее улыбка перестала быть ослепительной.

– Конечно. – Она повернулась к Адаму. – Береги себя, Адам.

– Ты тоже.

– Передай привет Коринн. Надо нам куда-нибудь сходить вместе, вчетвером.

Адаму удалось выдавить:

– С удовольствием.

Еще раз ободряюще махнув рукой, Бекки уехала. Трипп смотрел ей вслед. Глаза его были влажны. Когда машина скрылась из виду, он пошел дальше. Адам не отставал. Трипп вынул ключи и разблокировал машину, сел за руль, Адам занял место рядом. Он достал пистолет и снова направил его на Эванса. Трипп вроде как успокоился. Нажав на газ, он выехал на дорогу номер три.

– Куда мы едем? – спросил Адам.
– В резервацию «Махлон Дикерсон».
– На озере Хопатконг.
– Да.
– Раньше у семьи Коринн там был дом, – сказал Адам. – Когда она была маленькой.

– Я знаю. Бекки ездила с ней, когда они учились в третьем классе. Потому я и выбрал это место.

Уровень адреналина начал падать, и пульсирующая боль в голове вернулась. Головокружение лишало Адама сил. Трипп свернул на Интерстейт-80. Адам моргнул и крепче сжал пистолет. Он знал этот путь и прикинул, что сейчас они в получасе езды от резервации. Солнце начало клониться к закату, но у них оставался еще как минимум час до наступления темноты.

Зазвонил мобильник Адама. Он глянул – Джоанна Гриффин. Адам не ответил. Какое-то время они ехали молча; у выезда на 15-ю дорогу Трипп произнес:

- Адам?
- Да.
- Никогда больше так не делай.
- Чего не делать?
- Никогда не угрожай моим близким.
- Забавно, – сказал Адам, – слышать это от тебя.

Трипп повернулся к нему, посмотрел в глаза и повторил:

- Никогда не угрожай моим близким.

От его тона по спине Адама пробежал холодок.

Трипп Эванс снова уставился на дорогу. Обе его руки лежали на руле. Он вел машину по Велдон-роуд, потом свернул на грязную дорожку, ведущую в лес, остановился возле деревьев и выключил мотор. Адам держал пистолет наготове.

- Пошли, – сказал Трипп, открывая дверцу. – Давай покончим с этим.

Он вылез из машины. Адам выбрался следом, не переставая держать Эванса на прицеле. Если тот что-то затеял, то здесь, в лесу, где они одни, у него наилучшие шансы. Однако Трипп без колебаний устремился в лес. Тропинки не было, но им все равно удавалось продвигаться вперед. Трипп шел уверенно и без остановок, явно зная, куда идет. Адам старался не отставать, но в его состоянии это давалось нелегко. Он даже подумал, что так и задумано – уходить от него все дальше и дальше, а потом убежать совсем, подкрасться в темноте и напасть.

– Помедленнее, – скомандовал Адам.
– Тебе ведь нужна правда? – почти пропел Трипп. – Соберись.
– Твой офис, – заговорил Адам.
– А что с ним? О, это грязная дыра. Ты об этом подумал?
– Я думал, у тебя дела идут отлично и ты в какой-то крупной фирме на Мэдисон-авеню.

– Я там продержался минут пять, прежде чем меня уволили. Послушай, я рассчитывал, что всю жизнь буду работать в спортивном магазине отца. Сложил все яйца в эту корзину. Когда дело прогорело, я потерял все. Да, я хотел повесить собственную вывеску, но что ж, ты повидал результат.

– И ты сломался.

– Ага.

– А в копилке лиги лакросса денег хватало.

– Более чем достаточно. Ты знаешь Сидни Галлонде? Богатый парень, я приходил с ним в старшую школу Седарфилда. Присосался к лакроссу. Сидел в запасных. Он дал нам сто тысяч, потому что я его обработал. Я. Были и другие доноры. Когда я только пришел, организация не могла и столбика для ворот купить. Теперь у нас есть поля с искусственным покрытием, и форма, и... – Трипп осекся. – Небось ты думаешь, что я снова ищу оправдания.

– Ищешь.

– Может быть, Адам. Но ты ведь не настолько наивен, чтобы считать мир черно-белым.

– Едва ли.

– Всегда есть мы и они. Такова жизнь. Мы ведем войны не без оснований. Каждый день мы принимаем решения ради того, чтобы защитить любимых людей, даже если это чревато вредом для других. Ты покупаешь сыну новые шиповки для лакросса. А может быть, эти деньги спасли бы какого-нибудь голодающего в Африке ребенка. Но нет, ты оставляешь его голодать. Мы против них. Мы все так делаем.

– Трипп?

– Что?

– Сейчас не подходящее время для твоей болтовни.

– Да, ты прав. – Трипп остановился посреди леса, встал на колени и начал ощупывать землю. Он разбрасывал ветки и листья. Адам приготовил пистолет и отступил на два шага.

– Я не собираюсь нападать на тебя, Адам. Это незачем.

– Что ты делаешь?

– Ищу кое-что... А, вот оно.

Трипп встал.

С лопатой в руках.

У Адама обмякли ноги.

– О нет...

Трипп стоял молча и не шевелясь.

– Ты был прав. В конце концов речь зашла о моей семье и о твоей. Выжить могла только одна. Так позволь спросить тебя, Адам. Что бы сделал ты?

Адам помотал головой:

– Нет...

– Ты догадался почти обо всем. Это я взял деньги, но собирался вернуть их. Я больше не буду оправдываться. Коринн узнала. Я умолял ее никому не говорить, потому что это разрушит мою жизнь. Я пытался выгадать время. Но, честно говоря, у меня не было возможности вернуть эти деньги. Пока. Да, в прошлом я занимался бухгалтерией. Я начал переделывать документы, чтобы подозрение пало на Коринн. Разумеется, она об этом не знала. На самом деле она слушалась меня и помалкивала. Она ведь даже тебе ничего не сказала, да?

– Нет, – признался Адам, – не сказала.

– Тогда я пошел к Бобу и Кэлу, а после них, с большим притворным сожалением, к Лену. Всем им я сообщил, что Коринн растратила деньги из фонда лиги лакросса. Странно, но Боб не купился на это. И я сказал ему, что Коринн, когда я предъявил претензии, свалила вину на него.

– И после этого Боб пошел к своему кузену.

– Я на это не рассчитывал.

– Где сейчас Коринн?

– Ты стоишь на том самом месте, где я ее закопал.

Вот так.

Адам заставил себя посмотреть вниз. Голова закружилась. Он не искал, на что опереться. Земля под ногами, Адам это чувствовал, недавно была потревожена. Адама повело в сторону, и он прислонился к стволу дерева, тяжело дыша.

– Тебе плохо, Адам?

Он сглотнул и поднял пистолет.

Соберись, соберись, соберись...

– Копай, – приказал Адам.

– Зачем? Я же сказал – она здесь.

Головокружение не прекращалось, Адам нетвердым шагом подошел к

Триппу и сунул ему под нос пистолет.

– Копай, живо.

Эванс пожал плечами и пошел за Адамом. Тот не опускал оружие и старался даже не моргать. Трипп воткнул лопату в землю, зачерпнул, отбросил в сторону.

– Рассказывай остальное, – велел Адам.

– Ты сам знаешь. Или нет? После того как ты заставил жену признаться в ложной беременности, она разозлилась. Она больше не собиралась ждать и была готова рассказать о моих похождениях. Тогда я сказал ей, что ладно, это справедливо, я выхожу из тени, давай встретимся в обед и расставим все точки над «i». Она было уперлась, но я ведь умею убеждать.

Лопата снова ушла в землю. И еще раз.

– Где вы встретились? – спросил Адам.

Трипп отшвырнул землю в сторону:

– У тебя дома. Я вошел через гараж. Коринн пришла туда. Она не хотела пускать меня в дом, как будто это было место только для ее семьи.

– И что ты сделал?

– А ты как думаешь?

Трипп посмотрел в землю и улыбнулся, потом отступил, чтобы Адаму было видно:

– Я застрелил ее.

Адам смотрел мимо него на яму в земле. Его сердце рассыпалось в прах. Там в грязи лежала Коринн.

– О нет...

Ноги у него подкосились. Адам рухнул на землю рядом с Коринн и начал сметать грязь с ее лица.

– О нет... – Глаза ее были закрыты, и она все еще была чертовски хороша. – Нет... Коринн... О боже, прошу тебя...

На этом Адам оборвал мольбу. Он приложил щеку к холодной, безжизненной щеке Коринн и заплакал.

Где-то в глубине затуманенного сознания тлела мысль о Триппе: у него ведь в руках лопата, и он вполне может напасть. Адам поднял взгляд, держа пистолет наготове.

Однако Трипп не двигался.

Он стоял и слабо улыбался:

– Ты готов идти, Адам?

– Что?

– Ты готов ехать домой?

– О чем ты говоришь, черт побери?
– Я вроде как обещал вернуться в офис. Теперь ты знаешь правду. Все кончено. Ее надо снова похоронить.

У Адама опять голова пошла кругом:

– Ты спятил?
– Нет, дружище, но, может быть, спятил ты.
– Что за бред ты городишь?
– Мне жаль, что я убил ее. Правда жаль. Но я не видел другого выхода. Серьезно. Как я говорил, мы убиваем ради своих, верно? Твоя жена угрожала моей семье. Как бы ты поступил на моем месте?

– Я бы не крал.
– Дело сделано, Адам. – Его голос был как грохот стальных ворот. – Теперь нам придется жить дальше.

– Ты больной.
– А ты не вник. – Трипп снова заулыбался. – Бухгалтерия лиги лакросса запутанна. Никто и никогда не разберется в этой чертовщине. Так что же достанется полиции? Ты узнал, что Коринн обманула тебя – симулировала беременность. Вы разругались. На следующий день она была застрелена у тебя в гараже. Я немного подтер там кровь, но что с того? Полиция обнаружит следы. Я пользовался ведром, которое стоит у тебя под раковиной, а тряпку бросил в мусорный бак. Ты понимаешь, к чему я клоню, Адам?

Трипп посмотрел на прекрасное лицо Коринн.

– Я положил тело в багажник ее же машины. Моя лопата – она тебе ничего не напоминает? А должна бы. Я взял ее в твоём гараже.

Адам молча смотрел на свою красавицу-жену.

– А если этого мало, камеры наблюдения в коридоре у моего офиса покажут, как ты, грозя пистолетом, заставил меня сесть в машину. Если теперь на теле Коринн найдут какие-нибудь волокна с моей одежды или следы моей ДНК, то что ж, ты заставил меня ее откопать. Ты убил ее, закопал, отогнал ее машину на парковку у аэропорта, но от самого аэропорта держался подальше, потому что там полно камер наблюдения – это все знают. Потом ты не поленился отправить самому себе сообщение о том, что она сбежала. Дальше, чтобы еще больше запутать дело, ты, видимо, ну, я не знаю, закинул ее телефон в кузов грузовика, который доставляет товары, скажем, из магазина «Лучшая покупка». Если бы Коринн начали искать, то решили бы, что она куда-то едет. По крайней мере, пока не сядет батарейка. Это еще больше запутает следы.

Адам покачал головой:

– Никто в это не поверит.

– Еще как поверят. А если нет, то будем честны. Муж – ты. Это куда логичнее, чем заявлять, что ее убил я. Тебе так не кажется?

Адам повернулся к жене. Губы у нее были фиолетовые. Коринн не выглядела упокоенной в смерти. Она казалась потерянной, испуганной и одинокой. Адам провел ладонью по ее лицу. В одном Трипп был прав: все кончено, и не важно, что будет дальше. Коринн мертва. Спутницу жизни забрали у него навсегда. Его сыновья Томас и Райан больше не будут такими, как прежде. Его мальчики – нет, ее мальчики – навеки остались без материнской любви и ласки.

– Что сделано, то сделано, Адам. Теперь наступила разрядка. Не надо усугублять ситуацию.

И тут Адам заметил еще одну вещь, от которой у него вновь защемило сердце.

Мочки ее ушей.

Мочки ее ушей... были пусты. Адам вспомнил тот ювелирный магазин на Сорок седьмой улице, китайский ресторан, официанта, который принес сережки на блюде, улыбку Коринн и то, как она аккуратно снимала гвоздики перед сном и клала на ночной столик.

Трипп не только убил ее. Он снял бриллиантовые серьги с мертвого тела.

– И еще одно, – сказал Эванс.

Адам поднял на него взгляд.

– Если ты когда-нибудь приблизишься к моей семье с угрозами, – сказал Трипп, – ну, тогда... я уже показал тебе, что сделаю.

– Да, ты показал.

Тут Адам вскинул пистолет, направил его в грудь Триппа и трижды спустил курок.

Глава 56

Через шесть месяцев

Игра в лакросс проходила под Суперкуполом – так оптимистично окрестили надувную конструкцию из какого-то податливого материала. В зимнем сезоне Томас выступал в лиге, играющей на крытых площадках. Райан тоже пришел на матч. Он вполглаза наблюдал за игрой брата, одновременно перекидываясь мячом с другими мальчишками. Кроме того, Райан приглядывал за отцом. Теперь он часто это делал – следил за родителем, словно Адам мог внезапно растаять в воздухе. Конечно, Адам это понимал и, как отец, старался ободрить сына, но что он мог ему сказать?

Адам не хотел лгать сыновьям, хотя, конечно, стремился сделать их счастливыми и внушить им чувство уверенности.

Всем родителям приходится балансировать на этой грани. Со смертью Коринн тут ничто не изменилось, разве что стало очевиднее: счастье, основанное на обмане, в лучшем случае быстротечно.

Адам заметил Джоанну Гриффин. Она вошла в зал, толкнув стеклянную дверь, прошла за воротами и встала рядом с Адамом лицом к полю.

– Томас одиннадцатый номер?

– Да, – ответил Адам.

– Как он играет?

– Здорово. Тренер «Бодуэна» хочет, чтобы он занимался у них.

– О-о-о, это хорошая школа. Он согласится?

Адам пожал плечами:

– Туда ехать шесть часов. До всех событий – согласился бы. Но сейчас...

– Он хочет быть ближе к дому.

– Точно. Конечно, мы все могли бы переехать туда. В этом городе нас ничто не держит.

– Почему же вы остаетесь?

– Не знаю. Мальчики уже и без того многое потеряли. Они выросли здесь. Тут их школа, друзья. – На поле Томас завладел мячом и повел его к цели. – Их мама тоже жила здесь, в этом доме, в этом городе.

Джоанна кивнула.

Адам повернулся к ней:

– Я очень рад вас видеть.

– Взаимно.

– Когда вы приехали?

– Несколько часов назад, – сказала Джоанна. – Завтра Кунцу вынесут приговор.

– Вы уже знаете, что ему дают пожизненное?

– Да, – ответила Джоанна. – Но я хочу увидеть, как это произойдет. И еще я хочу убедиться, что вас полностью оправдали.

– Оправдали. Я получил подтверждение на прошлой неделе.

– Знаю. Но я все равно хочу увидеть документ своими глазами.

Адам кивнул. Джоанна посмотрела туда, где сидел Боб Байме с другими родителями.

– Вы всегда стоите один у боковой?

– Теперь да, – сказал Адам. – Но я не воспринимаю это как что-то личное. Помните, я говорил о проживании мечты?

– Ага.

– Я проживаю доказательство того, что мечта – очень непрочная вещь, но никто не хочет быть рядом с постоянным об этом напоминанием.

Они еще немного понаблюдали за игрой.

– О Крисе Тейлоре ничего нового, – сказала Джоанна. – Он в бегах. Но в конце концов, это не Враг Общества Номер Один. Он всего лишь шантажировал людей, которые не хотели выдвигать против него обвинения, так как в этом случае их секреты перестали бы быть секретами. Сомневаюсь, что ему дали бы реальный срок, если бы даже поймали, – разве что условный. Как вам такая перспектива?

Адам пожал плечами:

– Я постоянно об этом думаю, нарезаю круги.

– И что?

– Если бы он позволил Коринн сохранить свой секрет, то ничего, наверно, и не случилось бы. И вот я спрашиваю себя: это незнакомец убил мою жену? Или ее собственное решение подделать беременность? Или я сам – тем, что не понял, в какое шаткое положение ее поставил? От таких мыслей впору рехнуться. Можно без конца возвращаться к одному и тому же, бросать камень и смотреть, как разбегаются по воде круги. Но в действительности есть только один человек, на котором лежит вся вина, и этот человек мертв. Я убил его.

Томас сделал пас и побежал в ту зону за воротами, которая на лакроссном арго называется «Икс».

Согласно заключению судмедэкспертов, первой пули хватило. Она

пронзила сердце Триппа Эванса, убив его мгновенно. Адам все еще чувствовал тяжесть пистолета в руке. Он ощущал отдачу после нажатия на спуск, видел, как падает тело Триппа Эванса, и слышал эхо выстрела в лесной тиши.

Несколько секунд после стрельбы Адам ничего не делал. Просто сидел в немом оцепенении. Он не думал о последствиях, хотел только одного – остаться с женой и потому склонил голову к своей Коринн, поцеловал ее в щеку и позволил себе заплакать.

Через мгновение он услышал голос Джоанны:

– Адам, нам надо действовать быстро.

Она все время следовала за ним по пятам, а сейчас осторожно вынула пистолет из его ладони и вложила в руку Триппа Эванса. Накрыв его пальцы своими, Джоанна трижды выстрелила, чтобы на руке Триппа остались следы пороха. Взяв другую руку Эванса, она оцарапала ею Адама, удостоверившись, что из-под ногтей теперь можно будет извлечь то, что необходимо для анализа ДНК. Адам как в полусне выполнял все ее указания. Они придумали историю о самозащите. Не безупречную. В ней были пробелы и вообще много сомнительного, но имелись и прямые улики, а вкупе со свидетельскими показаниями Джоанны, которая слышала признание Триппа Эванса, это делало невозможным обвинение Адама.

Адам был неподсуден.

И все равно жил под грузом содеянного. Он убил человека. На такие поступки не выдают бесплатный билет. Адам мучился от этого по ночам, не мог уснуть. Он понимал, что выбора у него не было. Останься Трипп Эванс в живых, он был бы опасен для близких Адама. И некий первобытный инстинкт даже позволил Адаму испытывать удовлетворение от содеянного: отомстил за жену, защитил детей.

– Могу я задать вам вопрос? – спросил Адам.

– Конечно.

– Вы хорошо спите?

Джоанна Гриффин улыбнулась:

– Вообще-то, нет.

– Сочувствую.

Она пожала плечами:

– Может, я сплю и не очень хорошо, но буду спать еще хуже, если вы проведете остаток дней в тюрьме. Я сделала выбор, когда увидела вас в лесу. И думаю, это поможет мне наладить сон.

– Спасибо, – поблагодарил Адам.

– Вам не о чем беспокоиться.

Адама угнетало еще кое-что, но он никогда об этом не говорил. Трипп Эванс – неужели он действительно верил, что его план сработает? Неужто и правда считал, что Адам даст уйти от возмездия убийце своей жены? Он искренне полагал, что это разумно – угрожать семье Адама, когда тот стоял на коленях у тела своей жены с пистолетом в руке?

После смерти Триппа его семья жила на огромные страховые выплаты, предусмотренные на случай потери кормильца. Семья Эванс осталась в городе. Они получили поддержку. Все в Седарфилде, даже те, кто считал Триппа убийцей, сплотились вокруг Бекки и ее детей.

Предвидел ли Трипп, что так и будет?

Быть может, он хотел, чтобы Адам его убил?

Все решилось в последнюю минуту.

Джоанна Гриффин произнесла:

– Однако забавно.

– Что?

– Все было завязано на секретах. Крис Тейлор и его приятели стремились избавить от них мир. И теперь мы с вами вынуждены держать в секрете самое главное.

Они стояли и смотрели на поле, а секунды текли. За полминуты до конца матча Томас забил гол и развязал ничью. Болельщики радостно взревели. Адам не запрыгал от радости, но улыбнулся. Он повернулся к Райану. Младший сын тоже сиял улыбкой. И Томас под шлемом, Адам мог поспорить, не сдерживал эмоций.

– Может быть, именно за этим я сюда и пришла, – сказала Джоанна.

– Зачем?

– Увидеть, как вы дружно улыбаетесь.

Адам кивнул:

– Может быть.

– Вы верующий человек, Адам?

– Не особенно.

– Не важно. Вам не обязательно верить, что она действительно видит своих мальчиков улыбающимися. – Джоанна чмокнула Адама в щеку и пошла к выходу. – Вам только нужно не сомневаться, что ей бы это понравилось.

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить (не выдерживая определенной последовательности, потому что уже не помнит, кто именно и в чем ему помог) следующих людей: Энтони Делапелле, Тома Гормана, Кристи Шидло, Джо и Нэнси Скенлон, Бена Севьера, Брайана Тарта, Кристин Болл, Джейми Нэпп, Диану Дишеполо, Лизу Эрбах Вэнс и Риту Уилсон. Как обычно, за любые неувязки корите их. Они ведь эксперты! Почему я должен принимать весь огонь на себя?

Я также выражаю признательность Джону Боннеру, Фредди Фриднашу, Леонарду Гилману, Энди Гриббелю, Джоанне Гриффин, Рiku Гашиеровски, Хизер и Чарльзу Ховеллу III, Кристин Хой, Джону Кунцу, Норберту Пендергасту, Салли Перриман и Полу Уильямсу-младшему. Эти люди (или их близкие) сделали щедрые пожертвования в пользу благотворительных организаций, которые я выбрал, в обмен на использование их имен на страницах этой книги. Если вы хотите принять участие в подобной акции в будущем, загляните на сайт HarlanCoben.com или напишите на электронный адрес: giving@harlancoben.com, чтобы узнать подробности.

* * *

notes

Примечания

Американский легион – организация, созданная конгрессом США в 1919 году для оказания помощи ветеранам войн. (Здесь и далее примеч. перев.)

Паралегал – в англоязычных странах специалист, не имеющий высшего юридического образования, который выполняет функции помощника юриста.

Фарфоровые фигурки по мотивам рисунков монахини Марии Хаммель начали выпускать в Германии и Швейцарии в 1930-х. После Второй мировой войны американские солдаты отправляли их на родину в качестве сувениров, и они приобрели большую популярность в США.

Джентрификация – «облагораживание» запущенных территорий путем сноса старой застройки и возведения новых зданий. В основе понятия лежит английское слово *gentry* – «джентри», которым изначально в Англии именовали нетитулованное мелкопоместное дворянство, что придает термину «джентрификация» ироничный оттенок.

Чипвич – сэндвич из печенья с мороженым.

Мит Лоуф (англ. Meat Loaf – букв. Мясной Рулет) – сценический псевдоним американского актера и рок-певца Майкла Ли Эдея.

Гай Смайли – персонаж детского кукольного телешоу «Улица Сезам», ведущий игровой программы.

Мэр сокращает таким образом свою фамилию Гашеровски. Одно из значений английского слова *gush* – «лавина».

Смысловая игра на значениях слова «хардкор» (*англ.* hard-core); в первой части девиза оно использовано в смысле «самый активный участник, ядро группы», во второй в буквальном смысле – «тяжелое ядро».

«*Call of Duty*» – в переводе «Зов долга», компьютерная игра в жанре военный шутер.

Т. е. 5,7 л.

«Виктория секрет» – одна из наиболее известных в мире компаний по продаже женского белья.

«*Маскмэг*» – американский журнал для мужчин о бодибилдинге и фитнесе.

Нью Эйдж (англ. New Age, буквально «новая эра») – общее название совокупности различных мистических течений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

В огне (*исп.*).

«Пайн-сол» – антибактериальное чистящее средство для дома на основе скипидара.

В Америке скаутами, помимо прочего, называют людей, которые собирают информацию об игроках противоборствующих команд, используемых соперниками приемах игры и т. п.

18

Примерно 185 см и 108,8 кг.

«*Silk Road*» – в переводе «Шелковый путь», анонимная торговая интернет-площадка, работавшая в 2011–2013 годах и наиболее известная продажей запрещенных психоактивных веществ.

Томас Джонатан Джексон по прозвищу Каменная Стена (1824–1863), генерал Конфедеративных Штатов Америки в годы Гражданской войны.

ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство, или невроз навязчивых состояний.

«Баб'с» – сетевое заведение быстрого питания, в ассортименте – бургеры и мороженое.

«*Verizon Wireless*» – коммерческое обозначение компании «*Cellco Partnership*», крупнейшего по количеству абонентов оператора сотовой связи в США.

Эл Шарптон (р. 1954) – американский борец за права человека, баптистский священник, теле– и радиоведущий, советник Белого дома, в 2004 году – кандидат от демократов на выборах президента США.

«Нью-Йорк джайнтс» и «Нью-Йорк джетс» – профессиональные клубы по американскому футболу, выступающие в Национальной футбольной лиге США.

«Семейка Брейди» – американский комедийный телесериал об овдовевшем многодетном отце, который женится на вдове с тремя детьми; транслировался на канале ABC в 1974 году.

Объединенные организации обслуживания вооруженных сил (USO) – основанное в 1941 году независимое объединение добровольных религиозных, благотворительных и других обществ по содействию вооруженным силам США, которое принимает участие в организации досуга военнослужащих, особенно в военное время.

«Макмэншин» (англ. McMansion) – ироничное название домов, которые строят для среднего класса, но с претензией на роскошь семейного особняка. Семантическая игра ведется на созвучии с названием «Макдоналдс»: заведения этой сети тоже претендуют на статус ресторанов, по сути таковыми не являясь.

Имеется в виду фраза из фильма «Несколько хороших парней»: «Ты не вынесешь правды!»

Хью Майкл Джекман – австралийский и американский актер театра, кино и телевидения, продюсер. Известен по роли супергероя-мутанта Росوماхи в антологии «Люди Икс».

Бритва Оккама – принцип простоты в аргументации, сформулированный английским философом Уильямом Оккамом (ок. 1285–1349). Звучит он примерно так: «Не нужно множить сущности без необходимости», то есть не следует прибегать к сложным объяснениям там, где вполне годятся простые. По словам философа, лишние доводы нужно «сбривать», отсюда – название принципа.